

ДАН РИЧАРДСОН

**ВЕЧНОСТЬ
В ИХ
СЕРДЦАХ**

Научный Библейский Центр
“Апологет”
2007

УДК 221
ББК 4.3
Р 56

Перевод с английского:
Алексей Ковалев

РИЧАРДСОН Дан
Р 56 Вечность в их сердцах. – Научный Библейский Центр
“Апологет”, Курск, 2007. – 192 с.

Дан Ричардсон вводит нас в таинственный и удивительный мир миссионерства, раскрывает «фактор Мелхиседека», показывает, как Всевышний исполняет клятву, данную Аврааму 4 тысячи лет тому назад, развенчивает теорию Тайлора эволюционного возникновения религии, и приобщает нас к загадочному миру «Деяний апостолов»

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 221 ББК 4.3

Дан Ричардсон вводить нас у тасмний і дивний світ місіонерства, розкриває «фактор Мелхіседека», показує, як Всевишній виконує клятву, яку дав Авраамові 4 тисячі років тому, розвінчує теорію Тайлора еволюційного виникнення релігії, прилучає нас до загадкового світу «Діань апостолів».

Книга призначена для широкого кола читачів.

Издание осуществлено при участии
Христианского научно-апологетического центра
www.ScienceAndApologetics.org

Все права закреплены. Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена в каком бы то ни было виде каким бы то ни было способом без предварительного письменного согласия издателя.

© 1981 Gospel Light Publication
© 1989 Slavic Gospel Press
© 2007, Научный Библейский Центр “Апологет”
(переиздание). 305035 г. Курск, ул. Асеева 31/12.
www.apologet.ru

ISBN: 978-966-491-000-9

*«Все соделал Он прекрасным в
свое время и вложил вечность в
сердце их^{*}, хотя человек не может
постигнуть дел, которые Бог
делает, от начала до конца»*

(Эккл. 3:11.)

^{*} В русском тексте Библии: «...вложил мир в сердце их». Из-за двойного значения русского слова «мир», в данном случае вернее рассматривать слово «eternity» в английском тексте Библии в его прямом смысле – «вечность». Здесь и далее – примечания переводчика.

Часть первая

**МИР, ПРИГОТОВЛЕННЫЙ
ДЛЯ БЛАГОВЕСТВОВАНИЯ
(фактор Мелхиседека)**

Глава первая

НАРОДЫ НЕЯВНОГО БОГА

Афиняне

Шестое столетие до Рождества Христова. В зале Совета старейшин на Аресовом холме, в Афинах.

– Скажи же, Никий, какой совет посылает нам Дельфийская жрица? Отчего напала на нас эта чума? И почему не помогли наши частые жертвоприношения?

Невозмутимым взором смотрел Никий прямо в лицо главы ареопага.

– Пифия* провозгласила, что на Афинах лежит чудовищное проклятье. Некий бог послал на нас эту кару за тяжкое преступление царя Мегакла, вероломно поступившего с людьми Килона.

– Да, да, я припоминаю теперь, – мрачно проговорил еще один член Совета, – Мегакл уговорил их сложить оружие, обещая всех отпустить с миром. А затем тут же забыл свое обещание и умертвил сторонников Килона. Но какой именно бог гневается на нас за это преступление? Мы ведь принесли искупительные жертвы всем богам!

– Это не так, – отвечал Никий, – жрица утверждает, что один бог все еще не умиротворен.

– Какой же это может быть бог? – удивлялись ареопагиты, глядя на Никия с недоверием.

– Этого я не могу вам сказать, – ответил Никий, – Кажется, и сама прорицательница не знает его имени. Она сказала только... – Никий помолчал, обводя взглядом встревоженные лица своих коллег. Тем временем из окружавшего их, поверженного города доносилось тысячекратное эхо погребальных песнопений. – Она

* Пифия – в Древней Греции жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах.

сказала, что нам следует немедленно послать корабль на Крит, в город Кносс и привезти оттуда в Афины человека по имени Эпименид. Дельфийский оракул* утверждает, что ему известно, как умилостивить этого разгневанного бога и спасти наш город.

– Разве в Афинах не найдется достаточно мудрого человека? – возмущенно воскликнул один из старейшин. – Неужели мы должны просить о помощи какого-то... какого-то чужестранца!

– Если ты знаешь такого человека среди афинян, – сказал Никий, – призови его. Если же нет – давайте поступим так, как повелевает оракул.

Порыв ветра, холодного, будто остуженного ужасом, охватившего Афины, пронесся сквозь беломраморный зал Совета на Аресовом холме. Один за другим старейшины кутали плечи в свои парадные одеяния, размышляя над словами Никия.

– Поезжай от нашего имени, – сказал глава Ареопага, – и если этот Эпименид внимлет твоей просьбе, доставь его в Афины. А если он спасет наш город, мы вознаградим его.

С этим были согласны и остальные члены Совета. Ни разу не возвысивший голоса Никий встал, поклонился собранию и покинул зал.

Спустившись с холма, он направился к одной из гаваней порта Пирей, лежавшей в двух лигах к Фалерскому заливу. Там его ждал корабль.

Проворно вслед за Никием ступил Эпименид на набережную Пирея. И оба без промедления направились к Афинам, постепенно возвращая своим ногам ощущение твердой земли после долгого морского путешествия с Крита. По мере того, как они входили в известный всему миру «город философов», повсюду обнаруживались признаки чумы. Но Эпименид заметил и еще кое-что.

– Я никогда не видел столько богов! – воскликнул критянин, моргая от изумления. Шеренги идиолов тянулись по обеим сторонам дороги, ведущей из Пирея. Сотни других изваяний громоздились на крутом каменистом склоне Акрополя. Будущие поколения афинян построят здесь Парфенон.

* Оракул – у древних греков, римлян и народов востока предсказание, исходящее от божества и передававшееся жрецами, а также место, где оглашалось предсказание. В переносном смысле – человек, все суждения которого признаются непреложной истиной, откровением.

- Сколько же богов у афинян? – спросил Эпименид.
- Несколько сот, по меньшей мере, – ответил Никий.
- Несколько сот! – воскликнул критянин. Должно быть, здесь легче найти богов, чем людей.*
- Прекрасно сказано! – усмехнулся Никий ареопагит, – Кто знает, сколько сочинено людьми пословиц об «Афинах, городе изобилующем богами». Добавить к афинским богам еще одного – равно, что притащить камень в каменоломню. Никий приостановился, размышляя над собственными словами.
- И все же Дельфийский оракул гласит, нам, афинянам надлежит заключить мир еще с одним богом. А ты, Эпименид, поможешь найти к нему путь. По-видимому, вопреки тому, что я сказал, мы все еще нуждаемся в новых богах.

Вдруг Никий запрокинул голову и расхохотался.

- Жизнью своей клянусь, Эпименид, я не в силах догадаться, кто этот новый бог. Мы, афиняне, первые в мире коллекционеры богов! Мы изучили религии всех окружающих народов, разыскивая каждое божество, которое можно доставить в город на корабле или в повозке.
- Может быть, в этом-то все и дело, – загадочно произнес Эпименид.

Никий смотрел на Эпименида прищурившись, не скрывая недоумения. Ему не терпелось, чтобы тот пояснил эти последние слова. Но что-то в поведении Эпименида остановило его. Вскоре они подошли к древней мраморной колоннаде у самого зала Совета на Аресовом холме. Весть об их прибытии уже достигла слуха старейшин города. Собравшийся ареопаг ждал.

- Мы благодарны тебе, Эпименид... – начал свое обращение глава собрания.
- Высокоученые старейшины Афин, нет никакой нужды благодарить меня, – прервал его Эпименид, – завтра с восходом солнца соберите на травянистом склоне у подножия этой священ-

* Автор по имени Петроний, посетив Афины в I веке, был изумлен изобилием богов в этом городе. Позднее он написал, что в Афинах легче найти бога, чем человека. См. Albert Barns, «Notes on Old & New Testaments» (Grand Rapids: Baker Book House), место, относящееся к «Деяниям Апостолов» (17:16)

ной скалы отару овец и артель каменщиков, а также привезите побольше камней и раствора. Овцы должны быть здоровыми и разной масти – черные и белые. Не допускайте их пастись после ночи. Овцы должны проголодаться! Теперь я буду отдыхать с дороги, а на рассвете вы позовете меня. И пока, терзаемые любопытством, члены ареопага обменивались взглядами, Эпименид прошел через колоннаду к укромной нише, сел, завернувшись в плащ, как в одеяло, и погрузился в молитву.

Глава собрания повернулся к одному из младших членов Совета.

– Проследи, чтобы все было исполнено в точности, – приказал он.

– Овец привели, – кратко произнес младший член Совета. Сонный и встрепанный Эпименид покинул свое ложе и побрел за посланником к заросшему травой склону у подножья Аресова холма. Две отары овец – белая и черная, члены ареопага, пастухи и каменщики стояли в ожидании, под лучами восходящего солнца. Сотни жителей города, измученные еще одной ночью ухода за жертвами чумы и плача по умершим, взобравшись повыше, с тревогой наблюдали за происходящим.

– Высокоученые отцы города! – сказал Эпименид, – вы уже потратили много усилий, принося жертвы своим многочисленным богам, и все они оказались тщетными. Я предложу вам сейчас совершить некий обряд, исходя из трех предположений, которые, вероятно, окажутся новыми для вас. Первое мое предположение заключается в том... – каждая пара глаз была устремлена на рослого критянина, каждое ухо готово было услышать его следующее слово, – ...что есть еще один бог, имеющий отношение к приходу этой чумы – бог, имя которого нам неизвестно, и который, следовательно, не представлен ни одним из кумиров вашего города.

Во-вторых, я предполагаю, что бог этот достаточно велик – и достаточно добр – чтобы справиться с этой чумой, если только мы взовем к его помощи.

– Воззвать к богу, имя которого неизвестно? – не удержался один из старейшин, – разве это возможно?

– Третье мое предположение и является ответом на этот вопрос, – мгновенно отозвался Эпименид, – предположение это из самых простых. Любой бог, достаточно великий и добрый для того, чтобы справиться с чумой, по-видимому окажется доста-

точно велик и добр, чтобы улыбнуться нам в нашем невежестве, если мы это невежество *осознаем* и попросим его о помощи!

Гул одобрения смешался с бляением голодных овец. Никогда еще ареопагиты не встречались с такой последовательностью доказательств. Но почему, недоумевали они, овцы должны быть разной масти?

– Теперь – внимание! – возвысил голос Эпименид, – приготовьтесь выпустить овец на этот священный луг! Когда вы отпустите их, дайте каждому животному пастись там, где оно захочет. Но пусть кто-то следует за каждой овцой и внимательно за ней следит. – И, подняв глаза к небесам, Эпименид стал молиться с пронзительной глубиной и убежденностью в голосе. – О ты, неведомый бог! Взгляни на чуму, сокрушающую этот город! И если ты вправду испытываешь достаточно сострадания, чтобы простить нас и нам помочь, обрати свой взор на этих овец! Молю тебя – яви нам свою готовность ответить, заставив любую из овец, приглянувшуюся тебе, лечь в траву вместо того, чтобы пастись. Выбирай белую, если она понравится; черную, если она тебе мила. И тех, что выберешь, мы принесем тебе в жертву, признав наше удручающее невежество – незнание имени твоего!

Эпименид опустил в траву, уронил голову и махнул рукой пастухам, удерживавшим отары. Пастухи медленно отступили в сторону. Нетерпеливые овцы быстро рассеялись по склону холма и стали щипать траву. Эпименид же, уставившись в землю, замер, как статуя.

– Безнадёжно, – ворчал вполголоса мрачный член Совета, – сейчас раннее утро, а я редко видел столь голодных овец. Ни одна из них не станет отдыхать, пока не набьет себе брюхо. А тогда – кто поверит... бог заставил ее лечь, как же!..

– Так, стало быть, Эпименид умышленно выбрал это время дня! – ответил ему Никий, – только так мы сможем узнать, что овца, которая легла, сделала это велением неведомого бога, а не по своей воле!

Не успел Никий договорить, как один из пастухов закричал: «Смотрите!» Все повернулись, чтобы увидеть, как отборный овен подогнул колени и опустился в траву.

– А вот еще одна! – крикнул ошеломленный старейшина, вне себя от удивления. В считанные минуты несколько лучших овец

уже отдыхали в траве, слишком сочной, чтобы в обычных условиях от нее отказалось голодное травоядное!

– Если бы остановилась лишь одна, мы могли бы сказать, что она нездорова, – воскликнул глава Совета старейшин, – но это!.. Это может быть только *ответом!*

С глазами, полными благоговейного страха, он повернулся к Эпимениду и спросил:

– Что нам делать теперь?

– Отделите овец, которые отдыхают, – отвечал критянин, впервые поднимая голову с тех пор, как он воззвал к неведомому богу, – и пометьте место, где легла каждая из них. Пусть затем ваши каменщики построят жертвенники – по одному на месте отдыха каждого животного!

С энтузиазмом бросились каменщики укладывать и скреплять камни. К концу дня раствор достаточно затвердел. Алтари стояли, готовые к принятию жертв.

– Но какого бога имя должны мы высечь на этих жертвенниках? – спросил один из молодых членов ареопага, сгоравший от нетерпения. Все повернулись за ответом к критянину.

– Имя? – проговорил Эпименид задумываясь, – тот Бог, помощи которого мы просили, был рад ответить нашему признанию в *невежестве*. И если теперь мы притворимся всеведущими, высекая имя и в то же время не имея ни малейшего понятия, каково может быть Его Имя – боюсь, мы только оскорбим Его!

– Нет, этого мы никак не должны делать, – согласился глава старейшин, – но ведь, должно быть, есть какой-то разумный способ, чтобы... чтобы освятить каждый алтарь, прежде чем пользоваться им.

– Ты прав, высокоученый муж Афин, – сказал Эпименид с редкой на его устах улыбкой, – такой способ есть. Начертайте на каждом жертвеннике слова: *Agnosto Theo* – Неведомому Богу. И этого будет достаточно.

Афиняне высекли слова, которые предложил им их наставник с Крита. Затем они принесли освященных овец в жертву на алтарях, отмечавших место, где легла овца. Опустилась ночь. К рассвету следующего дня мертвая хватка чумы, сжавшая город, уже ослабла. И в течение недели пораженный город восстал. Афины переполнились прославлениями «неведомого бога», от-

крытого Эпименидом, и самого Эпименида, который оказал такую удивительную помощь, таким изобретательным способом. Жители города украшали гирляндами цветов несколько скромных жертвенников на склоне Аресова холма. Позднее они высекли статую сидящего Эпименида и поместили ее перед одним из своих храмов.

Однако, со временем, афиняне стали забывать о милости, которую даровал им «неведомый бог» Эпименида. В конце концов они совсем забросили его алтари у Аресова холма и вернулись к служению сотням своих богов, оказавшихся в свое время бессильными снять проклятье с города. Кто-то варварски разрушил часть жертвенников и выломал камни из других. Мхом и травой зарастали оставшиеся руины, пока однажды...

Как-то двое старейшин, еще помнивших особый смысл этих жертвенников, задержались около них по дороге с Совета. Опершись на свои посохи, они с тоской вглядывались в покрытые трещинами обломки. Один из них оторвал кусок мха и прочитал старую надпись, которую тот прикрывал:

– «Agnosto Theo»... Помнишь, Демас?

– Как же могу я забыть? – отвечал Демас, – я был тот самый младший член Совета, который не спал всю ночь, следя, чтобы камни с раствором, отары и каменщики были готовы к восходу солнца!

– А я, – добавил второй старец, – был тем нетерпеливым юношом, который предлагал начертать на каждом жертвеннике имя какого-нибудь бога! Какая глупость!

Он помолчал, глубоко погруженный в свои думы. Потом продолжал:

– Ты подумаешь, что я святотатствую, Демас, но я не могу избавиться от чувства, что если бы только Эпименидов «неведомый бог» явил нам себя открыто, мы вскоре смогли бы обойтись без всех остальных! – и бородатый старик с легким презрением повел посохом в сторону изваяний, вытянувшихся по гребню акрополя ряд за рядом – более немо и глухо, чем когда-либо прежде.

– Но если Он когда-нибудь и явит Себя, – проговорил Демас в размышлении, – как узнают наши люди, что Он не незнакомец, но Бог, который уже принял участие в жизни нашего города?

– Я полагаю, что есть только один путь, – ответил его собеседник, – мы должны уберечь хотя бы один из этих жертвенников, как свиде-

тельство для будущих поколений. А историю с Эпименидом следует как-нибудь сохранить живой среди наших преданий.

– Прекрасная мысль! – оживился Демас, – взгляни? Вот этот как будто выглядит еще неплохо. Мы найдем каменщиков, чтобы они как следует отчистили его. А завтра мы напомним всему ареопагу о давней победе над чумой. И внесем ходатайство о том, чтобы уход, по крайней мере за этим одним алтарем, был навечно включен в расходы нашего города!

Старейшины скрепили свой договор рукопожатием. А потом, рука об руку, прихрамывая, пустились вниз по дороге, торжественно постукивая посохами по камням Аресова холма.

Рассказанное выше основано, главным образом, на предании, которое в качестве исторического события описал в своем классическом труде «О жизни, учении и изречениях писателей, прославившихся в философии» (стр. 88–90). Диоген Лаэртский – греческий автор, живший в III веке до Р. Х. Основные элементы версии Диогена таковы: к Эпимениду, герою Крита, обратился некто Никий, который от имени Афин попросил его о совете по поводу чумы, обрушившейся на город. Прибыв в Афины, Эпименид потребовал отару черных и белых овец и выпустил их пастись на Аресовом холме, приказав следить за овцами и отметить места, где какая-либо из овец ляжет в траву.

Очевидной целью Эпименида было дать возможность богу, имевшему отношение к приходу чумы, обнаружить свое желание помочь афинянам, заставив понравившихся ему овец опуститься на землю в знак того, что он готов принять их в жертву. Поскольку нет ничего необычного в том, чтобы овцы во время пастбы ложились отдохнуть, Эпименид, скорее всего, устроил свой эксперимент рано утром, когда овцы очень голодны.

Несколько овец улеглись, и афиняне принесли их в жертву неведомому богу на жертвенниках, выстроенных специально для этого случая. И тогда чума покинула город.

Читатели Ветхого Завета вероятно вспомнят, что один из израильских судей, по имени Гедеон, стремясь узнать волю Господа, «выложил стриженую шерсть». Эпименид сделал еще лучше – выставил целую отару!

Согласно изложенному в «Законах» Платона, Эпименид, кроме того, предсказал, что через десять лет Афины подвергнутся нападению персов. Он, однако, убедил афинян, что их враги «вернутся

домой, утратив все надежды и испытают большие страдания, чем сами успеют причинить». Это предсказание исполнилось.

В свою очередь, афинский ареопаг предложил Эпимениду за его службу плату размером в талант, но тот отказался принять деньги. «Единственная награда, которую я хотел бы получить, – сказал он, – это Договор дружбы между Афинами и Кноссом, заключенный здесь и сейчас». Афиняне согласились. Утвердив договор с Кноссом, они затем обеспечили Эпимениду благополучную дорогу домой на его остров.

(В том же отрывке Платон отдает дань уважения Эпимениду, называя его «этот благословенный свыше человек» и характеризует критянина, как одного из тех великих людей, которые помогли человечеству вновь совершить открытия, утраченные во время Великого потопа).

Другие подробности происшествия, относящиеся к причинам, вызвавшим проклятье, взяты мной из редакционного примечания к «Искусству риторики» Аристотеля (кн.3, 17:10), вышедшей на английском языке в серии «Библиотека классики Луба», изданной в Кембридже, Массачусетс, в переводе Джона Генри Фриза. Объяснение того, что именно Дельфийский Оракул предписал афинянам обратиться к Эпимениду, содержится в указанном выше отрывке из «Законов» Платона.

Сам Диоген Лаэртский не упоминает о том, что на Эпименидовых жертвенниках были начертаны слова *Agnosto theo*. Он отмечает только, что «в память о том искуплении и поныне в разных концах Аттики можно видеть безымянные алтари».

Однако два других древних автора – Павсаний в «Описании Эллады» и Филострат в «Жизни Аполлония Тианского» (6:3)* говорят об «алтарях, воздвигнутых неведомым божествам», подразумевая, что именно этого содержания надписи были на них высечены.

Что такая надпись была по крайней мере на одном из алтарей, подтверждает историк Лука, живший в первом веке. Описывая деятельность Павла – знаменитого христианского апостола, Лука отмечает встречу, которая становится ослепительно ясной благодаря вышеприведенной истории Эпименида:

* Флавий Филострат «Жизнь Аполлония Тианского» в серии «Литературные памятники Академии наук СССР». Изд-во «Наука», М., 1985

«В ожидании... в Афинах, – начинает Лука, – Павел возмутился духом при виде этого города, полного идолов» (Деян. 17:16).

Если уже во времена Эпименида Афины хвастались сотнями богов, то ко дням Павла там могли оказаться еще многие сотни. Идолопоклонство по самой своей природе обладает внутренним «фактором инфляции». Как только человек отказывается от единого всеведущего, всемогущего и вездесущего Бога в пользу менее существенных божеств, он в конце концов обнаруживает – к своему великому разочарованию – *что требует бесконечное количество малых божеств, чтобы заполнить место, занимаемое истинным Богом!*

Когда Павел увидел, что Афины разменивают святую человеческую привилегию служения единому Богу на простые камни и деревяшки, его охватил ужас. Он тут же приступил к делу. Первое: *«он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чтущими Бога»*(Деян. 17:17).

Не занимались идолопоклонством ни иудеи, ни чтущие Бога греки! Вовсе нет. И, тем не менее, на них лежала основная задача – противостоять безудержному идолопочитанию в городе.

Возможно, Павел решил, что они настолько привыкли к обрядам идолопоклонников, что уже не способны были убедительно против них выступить. Так или иначе, Павел предпринял собственное наступление. Он беседовал также, – продолжает Лука, – *«ежедневно на площади* со встречающимися»* (Деян. 17:17).

Но кто же ему там встречался? что они отвечали? Лука поясняет: *«Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: «что хочет сказать этот суеслов?»* [Даже апостол может столкнуться с трудностями при взаимодействии различных культур!], а другие: *«кажется он проповедует о чужих божествах»* (Деян. 17:18).

Откуда возникло это последнее замечание? Без сомнения, философы слышали, как Павел говорил о *Теосе* – Боге. *Теос* – было для них знакомым словом. Но они использовали его не в качестве личного имени, а как общее понятие для обозначения любых божеств – точно также, как слово «человек» означает любого человека и не считается подходящим личным именем для кого-то одного.

* В английском варианте Библии – «на базаре»

Однако изучающим философию должно быть известно, что Ксенофан, Платон и Аристотель – три великих философа – пользовались в своих работах термином Теос, как личным именем для обозначения единого Высшего Бога.*

Спустя два века после Платона и Аристотеля, авторы Септуагинты – первого греческого перевода Ветхого Завета – столкнулись с серьезной проблемой: как найти для слова Элохим – имя Бога на иврите – равноценное имя в греческом языке? Имя Зевса они отвергли. Несмотря на то, что Зевса называли «царем богов», языческие теологи считали его отпрыском двух других богов – Кроноса и Реи. Рожденный другими существами не может быть равноценен *Элохиму*, существующему извечно. Наконец переводчики признали использованное в другой связи, но всеми тремя упомянутыми философами имя *Теос*, как греческое личное имя для Всемогущего. Для этого важного случая *Теос* было подходящим именем, которое еще не обросло путаницей смыслов! И они его приняли. Но Павел также пользовался именем *Теос* в проповедях и посланиях Нового Завета!

Тогда может быть не Теос, но незнакомое имя Иисус вынудило афинских философов думать, что Павел «проповедует о чужих божествах». Возможно, они были удивлены и тем, что кто-то вздумал предложить Афинам – столице богов! – еще какого-то бога. В конце концов, Афины должно быть нуждались в каком-то подобии сводной телефонной книги, чтобы вести учет множеству божеств, уже наличествовавших в их городе.

Как же ответил Павел на предположение, что он проповедует о чужих божествах, избыточных для города, давно переполненного богами? Иисус Христос уже дал Павлу исчерпывающее указание, как справиться с проблемами межкультурного общения, подобными той, что возникла в Афинах. Явившись в образе столь убедительном, что он сообщил Павлу новое внутреннее видение, и столь ярком, что заставил его на некоторое время ослепнуть, Иисус сказал: *«Я теперь посылаю тебя открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету»* (Деян. 26:17–18). Логика Иисуса была безупречной. Если людям предстоит обратиться от тьмы к свету, надо сначала открыть им глаза, чтобы они увидели разницу между светом и тьмой. А что необходимо, чтобы открыть людям глаза?

* Encyclopedia Britannica, 15-е издание, т. 13, стр. 951 и т.14, стр. 538

Нечто неслыханное!

Но что же такого невероятного мог Павел – рожденный иудеем и обратившийся в христианство – предложить наводненным кумирами Афинам, чтобы открыть им истину о Всевышнем? Вряд ли он рассчитывал, что в религиозной системе, полностью основанной на политеизме (многобожии), может содержаться хоть малейшее допущение, что монотеизм (единобожие) – лучше.

Да вот же! *«Проходя и осматривая»* (Деян. 17:23), Павел отыскал посреди этого *мира* нечто, *вне* этого мира стоящее – жертвенник, не связанный ни с одним идолом! Алтарь с любопытной надписью: «неведомому богу». Павел увидел разницу между этим алтарем и остальными кумирами. Алтарь был его союзником – ключом, который, вероятно, откроет замки умов и сердец этих стоических и эпикурейских философов. И когда они предложили Павлу изложить его взгляды в более подходящем для разумного спора месте, чем базар, он был к этому готов.

Ареной для Павла стал ареопаг, то есть *собрание* на *Аресовом холме* – группа видных афинян, собиравшихся, чтобы обсуждать вопросы истории, философии или религии. Именно здесь, на этом самом холме почти шесть столетий назад Эпименид встал лицом к лицу с проблемой афинской эпидемии. Павел мог бы начать свою речь на Аресовом холме, просто назвав черное черным. Он сказал бы:

«Мужжи Афин, при всей вашей возвышенной философии вы все еще миритесь с идолопоклонством, хотя может быть и не участвуете в нем! Покайтесь – или вы погибнете!» И каждое его слово было бы истинной правдой!

Далее он мог бы попытаться *«обратить их от тьмы к свету»*, как повелел Иисус. Но это было бы все равно, что в футболе рвануться вперед и оказаться один на один с вратарем, без мяча в ногах. Прежде нужно овладеть мячом. Именно поэтому Иисус поставил требование «открыть им глаза», в качестве предварительного условия для обращения людей от «тьмы к свету».

Павел «овладел мячом», сказав следующее:

«Афиняне, по всему вижу я, что вы как-то особенно набожны (удивительная сдержанность, учитывая отвращение, испытываемое Павлом к идолопоклонничеству). Ибо, проходя и осматривая ваши святыни (обладая биографией Павла, можно было бы назвать их и «мерзкими идолами»), я нашел и жертвенник, на котором написано НЕВЕДОМОМУ БОГУ».

Затем Павел произнес слова, ждавшие шесть веков, чтобы быть наконец сказанными: *«Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам»* (Деян. 17:22–23). Был ли Бог, которого проповедовал Павел, действительно *чужим* богом, как подозревали философы? Совсем нет! По словам Павла, Ягве – иудео-христианский Бог – был предвосхищен эпименидовыми жертвенниками. Таким образом, Он был Богом, Который уже принимал участие в жизни Афин. Разумеется, Он обладал всеми правами на провозглашение здесь Его Имени!

Но знал ли Павел историческое происхождение этого жертвенника и идеи неведомого бога? Есть свидетельство, что знал! Так как Эпименид, вдобавок к своей способности проливать свет на темные проблемы взаимоотношений человека с богом, был еще и *поэтом*!

И Павел однажды цитировал его стихи! Оставив посланником на Крите человека по имени Тит, чтобы укрепить на этом острове церковь, Павел позднее писал ему наставления, поучая, как себя вести с критянами: *«Из них же самих один стихотворец сказал: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые». Свидетельство это справедливо. По сей причине обличай их строго, дабы они были здоровы в вере»* (Тит. 1:12–15).

Слова, приводимые Павлом, взяты из стихов, приписываемых Эпимениду.* Обратите также внимание на то, что Павел называет Эпименида «пророком» (a prophet). Это слово – греческого происхождения (prophetees), то же слово Павел обычно использует, говоря о пророках как Ветхого, так и Нового Заветов. И уж конечно, Павел не удостоил бы Эпименида званием пророка, если бы не знал о его личных свойствах и деяниях! Человека, которого Павел цитирует, как обличающего определенные пороки в других, он по существу оценивает, как свободно от этих пороков.

Далее в своем обращении на Аресовом холме Павел утверждает, что Бог *«произвел весь род человеческий... дабы они искали Бога, не ощутив ли Его и не найдут ли, хотя Он и не далеко от каждого из нас»* (Деян. 17:26–27). Эти слова могут представлять собой косвенное упоминание об Эпимениде, как о язычнике, который «ощутил и нашел» Бога, хотя и с неведомым именем, но, как оказалось – находящегося недалеко!

* В английской версии Библии – «пророк»

Следует предположить, что члены собрания на Аресовом холме были знакомы с историей Эпименида по произведениям Платона, Аристотеля и других авторов. Они, должно быть, пришли в восторг от того, что Павел начал свою речь с тезиса, столь тонко отражающего точку пересечения двух культур. Но был ли способен этот, воспитанный иудейским законоучителем Гамалиилом христианский апостол, настолько удержать внимание мужей, достаточно долго питавшихся логикой Платона и Аристотеля, чтобы донести до них Благовествование?

После великолепного вступления успех Павла в главной части его речи зависел от одного обстоятельства. Назовите это «непрерывной логикой». До тех пор, пока каждое удачное заявление Павла будет логически вытекать из предыдущего, философы готовы его слушать. Но как только он позволит себе пропуск в доводах – они тут же его прервут. Таково было правило философского воспитания, которое они получили – дисциплина, которой они подчинялись сами, и каковой точно так же готовы были потребовать от любого чужестранца, утверждавшего, что он может предложить нечто, заслуживающее их внимания. Могла ли попытка Павла благовествовать выдержать это тщательное испытание?

Несколько минут Павел в самом деле держался очень хорошо. Начав со свидетельства, явленного Эпименидовым жертвенником, он перешел далее к свидетельству о сотворении рода человеческого. Затем он продвинулся от свидетельства о творении к пустоте идолопоклонничества. К этому моменту он даже имел право определить афинское идолопоклонство, как «невежество», не потеряв при этом своих слушателей. Он сказал: «*[Теос] ныне повелевает людям всем повсюду покаяться. Ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа*» (Деян. 17:30–31).

Иначе говоря, отыскав и используя *нечто неслыханное*, чтобы «овладеть мячом», Павел «устремился к воротам», послушно исполняя второе указание Иисуса – он старался обратить афинян «от тьмы к свету». И тут Павел сказал: «Он [Бог] подал удостоверение всем, воскресив Его из мертвых». Вот теперь – в первый раз – он оставил пропуск в логике своего выступления на Аресовом холме. Он упомянул о *воскресении Человека*, утвержденного Богом судить Вселенную, *не объяснив сначала, как и почему Он должен был умереть*. Философы тут же схватились за

ошибку, демонстрируя собственную духовную нищету. «Услышавши о воскресении мертвых, одни насмеялись, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время. Итак, Павел вышел из среды их» (Деян. 17:32–33).

Павел успел уже обнажить противоречие в их потворстве – если и не практическом содействии – идолопоклонничеству. Одно это было не таким уж малым достижением по отношению к собранию людей, столь гордившихся последовательностью мысли! Как почитатели истины, они должны были бы следовать за рассуждениями Павла по существу, хотя бы на основании его вступительных замечаний, а не ловить его на технических подробностях. Не все, однако, лишили Павла доверия за упоминание о воскресении: «Некоторые же мужи, приставши к нему, уверовали. Между ними был Дионисий Ареопагит» (Деян. 17:34). Предание II века утверждает, что Дионисий позже стал первым священником Афин. Имя его берет свое происхождение от греческого бога Диониса, образ которого содержит идею смерти-воскресения. Не существует ли связи между этой идеей и отношением Дионисия к человеку, столь смело выдвинувшему учение о воскресении?

Позднее апостол Иоанн, продолжая усилия Павла по овладению философскими умами греков, использовал любимое философское понятие стоиков – *Логос* для обозначения Иисуса Христа. Около 600-го года до Р. Х. греческий философ Гераклит впервые употребил понятие *Логоса*, чтобы обозначить божественную основу мира или замысел, объединяющий развивающуюся Вселенную. *Логос* означает всего-навсего «слово». Евреи, в свою очередь, выделяют *мемру* (арамейский синоним «слова») Господа. Для Иоанна греческий логос и иудейская мемра выражали, по существу, одну и ту же достоверную религиозную истину. Он представлял Иисуса Христа, как воплощение того и другого, когда писал: «В начале было Слово [*Логос*], и Слово [*Логос*] было у Бога [*Теос*], и Слово [*Логос*] было Бог [*Теос*]... И Слово [*Логос*] стало плотью и обитало с нами» (Ин. 1:1,14).

Благодаря этому важнейшему сопоставлению обоих греческих понятий – Теоса и Логоса – с Элохимом и Иисусом Христом, христианство явилось скорее исполнением истины, чем разрушением чего-то признанного в греческой философии!

На самом деле все эти понятия и идеи рассматривались христианскими посланниками в Греции, как предписанные им Бо-

гом, чтобы приготовить сознание греков к Благовествованию? Они сочли эти случайные термины греческой философии столь же действительными, как и мессианские метафоры Ветхого Завета, такие как «Агнец Господень» или «лев колена Иудина». И они пользовались обоими видами терминологии с равной свободой, чтобы ввести личность Иисуса в среду обеих культур – греческой и иудейской соответственно.

Хананеи

На самом деле апостолы Нового Завета, и среди них Павел и Иоанн, не были первыми, кто использовал вышеприведенную стратегию, чтобы сделать образ Бога понятным для язычников. Авраам – не менее важная личность – применил тот же метод двумя тысячами лет ранее. История его такова.

Ягве – или Бог – около четырех тысяч лет назад дал человеку, сначала называвшему себя Авраамом, некое потрясающее обещание. Ягве повелел Авраму покинуть дом своего отца, своих родных и землю и переселиться в весьма отдаленную и, по всей вероятности, погруженную во тьму невежества, чужую страну (см. Быт. 12:1). Если Аврам, который позже стал называться Авраамом, послушается его веления, Ягве обещал следующее:

«Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословение. Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну» (Быт. 12:2–3). Вплоть до этого момента особый договор Ягве с Авраамом ничем не отличается от множества подобных соглашений, которые божества племен в течение всей истории заключали с ограниченным кругом своих приверженцев во всевозможных частях планеты Земля. Был ли Ягве, как намекают некоторые критики, всего лишь одним из незначительных местных богов, грандиозными обещаниями возбуждавший корыстные чувства в своем почитателе, чтобы тот почитал его еще больше и еще ревностнее ему служил?

Этот намек трудно было бы оспорить, если бы не последний пункт соглашения между Ягве и Авраамом. Ибо Ягве сказал в заключение: *«И благославятся в тебе все племена земные»* (Быт. 12:3).

И это заявление дает просить особому характеру обещания Ягве! Он благославлял Авраама не для того, чтобы тот переполнился эгоизмом, высокомерием, отчужденностью или сосредото-

ченностью только на самом себе. Ягве благословил его, чтобы он сам стал благословением – и не только для своего рода! Это благословение имело целью ни много ни мало – *все народы на земле!* Что может быть менее эгоистичным и менее местническим!

Богословы называют эти обещания *Заветом Авраама*, но это нечто большее, чем простой договор между Богом и каким-то одним человеком. Он отмечает начало развития нового поразительного этапа, называемого теологами *особым откровением*. Иначе говоря, к тому времени, когда Ягве исполнит обещания, данные Аврааму, человечество постигнет мудрость, любовь и силу Всевышнего с глубиной, невообразимой прежде не только для человека, но, видимо, даже и для ангелов (см. 1 Пет. 1:12).

Чтобы поставить Авраама на путь, ведущий к его новой судьбе – стать «благословением всем народам на земле», Ягве привел его сначала в чужую землю, обитаемую самыми разнообразными племенами, каждое из которых, в свою очередь, состояло из многих родов и семей. Этими племенами были кенеи, кенезеи, кедмонеи, хеттеи, ферезеи, рафаимы, аморреи, хананеи, гергесеи и иевусеи (Быт. 15:19). В добавление к этим десяти, только в первых 56 главах Книги Бытия названы по именам еще около 50 племен, расселившихся от Египта до земли Халдейской. В этих 56 главах отмечено больше отдельных этнических групп человечества, чем в любой другой, сравнимой по длине части Библии!

Потихоньку обживаясь среди такого этнического разнообразия, Авраам, вероятнее всего, мог развить в себе некое *международное* сознание, которое, безусловно, необходимо тому, чья судьба – стать «*благословением для всех народов!*»

Казалось, все шло так, как предполагал Авраам. Но у Ягве был заготовлен для него сюрприз...

Когда Ягве говорил: «*Благословятся в тебе все племена земные*», – Авраам, возможно, думал, что Бог предполагает сделать его самого и народ, который должен от него произойти, единственным источником духовного света для всего человечества. Но не совсем так это было задумано Ягве.

Разумеется, прибыв в Ханаан – так называлась эта чужая земля – Авраам вскоре обнаружил, что, по крайней мере, два хананских города – Содом и Гоморра – уже погрязли в совершенном разложении. Другие же, особенно города аморреев, готовы были следовать примеру Содома и Гоморры (см. Быт. 15:16). Это

выглядело так, будто у Всемогущего Ягве не было другого представителя в этом районе мира, кроме Авраама, что должно было заставить его почувствовать себя крайне необходимым!

Но когда Авраам продвинулся со своим караваном глубже в землю Ханаанскую, он повстречался с занятной неожиданностью. Они проходили мимо города, название которого – Салим – означало по хананейски «мир». Название именно этого ханаанского города послужило позже рождению крайне многозначного еврейского приветствия *Шалом*, так же как и его арабского варианта *Салям*. Кроме того, впоследствии Салим предоставил свои пять букв для образования второй половины названия Иерусалим – «основание мира». Но еще более интересным, чем сам город Салим был правивший им царь – Мелхиседек.

Его имя представляет собой комбинацию двух других хананейских слов: *Мелех* – «царь» и *Цедек* – «праведность».

Царь праведности? Среди хананеев, печально известных своим идолопоклонством, принесением в жертву детей, узаконенным мужеложеством и храмовой проституцией? Безусловно, произошла величайшая ошибка в выборе имени Мелхиседека!

Но нет! Несколькими годами позже, возвращаясь после блестящего ответного сражения с царем Кедорлаомером (см. Быт. 14:1–16), Авраам вошел в долину с хананейским названием *Шаве*. В те времена хананеи также называли ее «долиной царя» (см. Быт. 14:17). *Какого царя?*

Догадаться нетрудно! Еврейский историк по имени Иосиф Флавий объясняет нам, что долина Шаве была ничем иным, как долиной Хинном, лежавшей прямо под южной стеной того, что теперь называется Старым Иерусалимом. Современные археологи, производя раскопки Иерусалима времен Давида, рассчитывают именно на этом *склоне между долиной Шаве и южной стеной старого Иерусалима* обнаружить остатки древнего ханаанского города.

И не будет ничего удивительного, если давно погребенные руины окажутся городом Мелхиседека – подлинным Салимом. А долина Шаве – «царская долина» – вероятнее всего была названа в честь самого царя Мелхиседека!

Не успел Авраам войти в «царскую долину», как царь Мелхиседек «вынес хлеб и вино», чтобы утолить его голод. Повествователь не говорит, что Мелхиседек «пришел встретить Авраама, неся хлеб и вино», но что он просто «вынес хлеб и вино» –

еще одно вероятное свидетельство близкого соседства Салима с долиной Шаве.

И вот является неожиданное. Этот ханаанский «царь праведности», согласно автору Книги Бытия, оказывается также «священником Бога Всевышнего [Эль-эльона]» (Быт. 14:18). Кто же был *Эль-эльон*?

Эль и *Эльон* были хананейскими именами самого Ягве. *Эль* часто встречается в древних Угаритских текстах. Это хананейское имя нашло свое место даже в древнееврейском языке, на котором говорили потомки Авраама, в таких словах как *Бетель* – «дом Бога», *Эль Шадаи* – «Бог Всемогущий» или *Элохим* – «Бог» (множественное число имени *Эль*, которое тем не менее загадочно сохраняет значение единства).

Точно так же *Эльон* появляется в качестве имени Бога в финикийском языке – более поздней ветви старого хананейского языка времен Мелхиседека. И даже составное имя *Эль-эльон* обнаружено в древней арамейской надписи, недавно найденной в Сирии. Объединенные вместе, эти два понятия *Эль* и *Эльон* начинают «Бог Всевышний».

Вопрос: было ли препятствием для Авраама Халдеянина, который, по-видимому, называл Всемогущего «Ягве», использование Мелхиседеком этого хананейского имени *Эль-эльон* для полноценного обозначения Бога? Ответа нам ждать не приходится. Мелхиседек совершил поступок, который подверг позицию Авраама немедленному испытанию:

«[Мелхиседек] благословил его и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего [Эль-эльона]. Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний [Эль-эльон], который предал врагов твоих в руки твои» (Быт. 14:19–20).

Приготовьтесь к Авраамову ответу. Может быть мы услышим сейчас первый в библейском изложении богословский спор. Что же ответит Авраам? Скажет ли он: «Одну минуту, ваше царское величество! Правильное имя Всемогущего – *Ягве*, а не *Эль-эльон*! И, значит, я никак не могу принять благословение этим хананейским именем, так как любой хананейский образ Всемогущего, несомненно, замутнен языческими представлениями. Так или иначе, Ягве сказал мне, что это *Я* – тот, кто должен быть благословением для всех народов на земле, включая и хананеев, какими вы являетесь. Не кажется ли вам, что, благословляя меня, вы действуете немного самонадеянно?»

Нет, он так не скажет! Авраам ответил тем, что отдал Мелхиседеку *«десятую часть всего»*, что ему удалось вернуть, победив Кедорлаомера (Быт. 14:20). Этот поступок Авраама – уплата Мелхиседеку «десятины» – позже вызвал расширенный комментарий автора Послания к евреям в Новом Завете. Он, например, пишет: *«Видите, как велик тот [Мелхиседек], которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих!»* Затем автор продолжает, доказывая, что на этом основании священство Мелхиседека-хананеянина должно считаться высшим по сравнению с собственным левитским священством еврейского народа, учитывая, что *«Левий... в лице Авраама дал [Мелхиседеку] десятину: ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его [Авраама]»* (Евр. 7:4–10).

Что же касается благословения, данного Мелхиседеком, и подразумеваемого принятия этого благословения Авраамом, тот же автор пишет, что Мелхиседек *«благословил имевшего обетования. Без всякого же прекословия меньший благословляется бóльшим»* (Евр. 7:6–7).

Но и это еще не все свидетельства невероятного величия этой хананеянской фигуры по имени Мелхиседек. Автор Послания к евреям цитирует далее пророчество иудейского и израильского царя Давида – царя, который первым отобрал древний город Мелхиседека Салим у иевусеев (1000 до Р.Х.) и превратил его в Иерусалим – столицу еврейского народа. Давидово пророчество без обиняков утверждает, что, когда придет иудейский Мессия, Он не будет принадлежать ко временному, по существу, левитскому священству, строго ограниченному кровным родством. Он скорее будет священником «по чину Мелхиседека», принадлежность к которому как будто не ограничена одним определенным родом. Мало того, принадлежность Мессии к этому «чину Мелхиседека» утверждена ни более ни менее, как божественной клятвой и является вечной! *«Клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека»* (Пс. 109:4).

Возможно, Ягве заранее предупредил Авраама, что он найдет кого-то, подобного Мелхиседеку, уже стоящим посреди хананеев на страже Бога Истинного. Могу только сказать, что, если Ягве прежде не поведал Аврааму о Мелхиседеке (а существующие источники не дают оснований это предполагать), то встреча с таким человеком, как Мелхиседек, среди *«погрязших во тьме»*

невежества» хананеев, должна была вынудить Авраама проглотить действительно горькую пилюлю.

Какой смысл можем мы усмотреть в библейском утверждении, что по духовному достоинству Мелхиседек был выше Авраама? Что делало Мелхиседека более великим?

Мне кажется, что ответ лежит в сопоставлении того, что *уже представлял собой* Мелхиседек, с тем, какова была роль Авраама в Божьем Промысле. Идея заключается в том, что Мелхиседек стоял в долине Шаве символом или выражением *общего* Божьего откровения роду человеческому, тогда как Авраам представлял, соответственно, основанное на Завете, закрепленное в качестве закона *особое* Божье откровение. Общее Божье откровение выше Его особого откровения по следующим двум причинам: оно старше и обращено стопроцентно ко всему человечеству (Псалом 18), а не к малой его части! И, таким образом, правильно было Аврааму, представляющему более молодое и менее универсальное откровение, уплатить представителю общего откровения десятину в знак признания его прав.

Ни в какой мере давнее присутствие в Ханаане Мелхиседека не умаляло особой, данной ему Богом судьбы Авраама! Напротив, нет ни малейшего намека на то, что эти двое мужчин отнеслись друг к другу хоть с оттенком ревности или соперничества. Мелхиседек разделил с Авраамом «хлеб и вино», а Авраам «уплатил десятину» Мелхиседеку. Они были братьями в Эль-эльоне-Ягве и союзниками в Его промысле! Поскольку и общее, и особое откровения – оба исходили от Эль-эльона-Ягве, естественно было ожидать, что Мелхиседек разделит с Авраамом хлеб и вино, и что Авраам заплатит Мелхиседеку десятину.

Поразительно, что они продолжали поступать точно так же в продолжение всей последующей истории человечества. Ибо по мере того, как особое откровение Ягве (назовем его *фактором Авраама*) продолжало в эпоху и Ветхого, и Нового Заветов распространяться в мире – общее откровение (будем называть его *фактором Мелхиседека*) оказывалось рядом, принося с собой хлеб, вино и приветственное благословение!

«*Вечность в их сердцах»* является моей попыткой отыскать в истории примеры этого замечательного взаимодействия между фактором Мелхиседека – общим Божественным откровением, и фактором Авраама – особым Божественным откровением.

Но существует еще и третий фактор. И взаимоотношения трех отнюдь не гармоничны; в тот же день еще один хананейский царь, личность резко отличающаяся от Мелхиседека, встретил Авраама в долине Шаве. Это был Бера, царь Содомский.

Он тоже был дружелюбен. Он предложил Аврааму оставить себе добычу, отнятую у Кедорлао-мера – добро, которое фактически принадлежало прежде Содому. Но посмотрите на реакцию Авраама: «Авраам сказал царю Содомскому: поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему [в оригинале: Яхве-Эль-эльон. Точно так же, как апостолы Павел и Иоанн приняли позднее Платоновы «Теос» и «Логос» в качестве подходящих имен для Бога Истинного, Авраам в свое время согласился с Мелхиседековым хананейским именем Эль-эльон], Владыке неба и земли, что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: «я обогатил Авраама» (Быт. 14:22–23).

Носители фактора Авраама во всей истории должны были следовать его примеру, демонстрируя ту же проницательность – умение, находясь среди хананеев, отличить истинно дружественный «фактор Мелхиседека» от остальных темных элементов хананейской культуры – назовем их «Содомским фактором». Они должны были научиться принимать один и отвергать другой, именно так, как сделал Авраам в долине Шаве.

А теперь перейдем к следующему примеру этих *трех* факторов, переплетающихся и взаимодействующих в истории.

Инку

Вопрос: если Бог дал двум языческим народам – хананеям и грекам – предварительное свидетельство своего существования, не мог ли Он распространить такую же или, по крайней мере, похожую предусмотрительность и на другие народы? Может быть даже – на все?

Иными словами, Бог, приготовивший для всех народов Благовествование, не приготовил ли также к Благовествованию сами эти народы? Если да, то современное представление, разделяемое миллионами верующих и неверующих, о том, что языческие народы не понимают и, как правило, не хотят принять христианское Благовествование, и что в таком случае неправомерно (и как бы даже и не стоит) пытаться уговорить их его принять – такое представление должно оказаться ложным.

В оставшейся части этой книги (и в книгах последующих за ней) я докажу, что это – ложное представление. Бог в самом деле приготовил языческий мир к принятию Благовествования. И вследствие этого значительное число нехристиан проявило себя во много раз более расположенными принять Благовествование, чем мы, христиане – готовыми его с ними разделить. Однако, продолжим.

Апостол Павел назвал Эпименида «пророком». Интересно, какой титул он присвоил бы Пачакути, который, будучи язычником, намного превосходил Эпименида духовной интуицией.

Пачакути (иногда произносится Пачакутек) был царем удивительного государства инков в Южной Америке с 1458 по 1471 год после Р. Х.. Согласно Филипу Эйнсворту Минсу, известному специалисту по изучению древних андских народов, именно Пачакути привел государство инков к его высшему расцвету. Что же мы находим среди его достижений? Ну, например, следующее:

Когда Пачакути перестраивал столицу инков Куско, он осуществил широчайший план работ, изобилующий дворцами, крепостями и обновленным Храмом Солнца. Затем у этого главного храма – сооружения, которое «превосходит великолепием даже храм Соломона в Иерусалиме», он выстроил знаменитый «золотой квартал» Кориқанча. Кроме того, он создал длинную цепь укреплений, защищающих восточные границы его государства от вторжения племен бассейна Амазонки. Одно из этих укреплений – величественный форт Мачу-Пикчу, стал на некоторое время последним прибежищем высшей знати инков в их бегстве от жестоких испанских завоевателей. Конкистадоры так никогда и не нашли Мачу-Пикчу. Пачакути построил его на высоком горном кряже, что делало форт невидимым с нижних уровней.

В течение нескольких столетий сведения о существовании Мачу-Пикчу были утрачены для остального мира. Весь этот район был покрыт густыми джунглями. Затем в 1904 году вид развалин мелькнул перед глазами инженера по фамилии Франклин, когда он находился на другой отдаленной горе. Франклин рассказал об этой картине Томасу Пейну. Томас Пейн, английский миссионер, служил в обществе, называвшемся Союз Вне-миссионерских Регионов. В 1906 году Пейн взобрался к руинам вместе с другим миссионером, Стюартом Макнейром. И оба замерли, охваченные благоговейным страхом. Хайрем Бингем, ра-

ботавший в Иельском университете, услышал об открытии и посетил Пейна в Урко лишь в 1910 году. Пейн со всей доброжелательностью снабдил Бингема мулами и проводниками для путешествия к месту. И в результате Бингем сделался всемирно известен, как «открыватель Мачу-Пикчу, потерянного города инков»! Бингем предпочел вовсе не упоминать в качестве соавтора открытия Томаса Пейна, отметив только «местные слухи», которые ему и помогли.

Врач Дэниел Хейден, лично знавший Томаса Пейна на протяжении долгих лет его жизни в Перу, подтверждает, что Пейн – человек скромный, горячо любимый потомками инков по всей стране – решил не исправлять «оплошность» Хайрема Бингема. Томас Пейн остался одним из бесчисленных христианских миссионеров, чей вклад в науку так и не получил должного признания в ученых кругах.

С тех пор, как в 1948 году шоссе Хайрема Бингема в Перу сделало Мачу-Пикчу доступным, это место посетили миллионы туристов. Тем, кто был потрясен величием Мачу-Пикчу, стоит узнать, что царь Пачакути, вероятно основавший эту крепость, был славен и гораздо более значительными достижениями, чем строительство городов, укреплений, замков и монументов. Подобно Эпимениду, Пачакути был одним из тех, кто, пользуясь словами апостола Павла (см. Деян. 17:27), искал, ощущал и находил Бога, гораздо более великого, чем любой известный бог их собственной культуры. Однако, в отличие от Эпименида, Пачакути не оставил открытого им Бога в категории «неведомого». Он назвал этого Бога по имени. Но даже это еще не все...

Почти каждому, кто хоть что-нибудь знает об инках, известно, что они обожествляли Инти – солнце.

Однако в 1575 году в Куско испанский священник Кристо-баль де Молина записал несколько инкских гимнов – и отдельные предания, с ними связанные, которые доказывают, что для самих инков их божество не было столь уж бесспорным. Де Молина записал эти гимны и соответствующие предания на языке инков – кечуа, но пользуясь испанской орфографией. У самих инков не было сложившейся письменности. Все собрание гимнов и преданий восходит ко временам царствования Пачакути.

Исследовавшие коллекцию де Молины современные ученые были поражены ее революционным содержанием. Некоторые из

них сначала отказывались верить, что это подлинные тексты инков. «Безусловно, де Молина привнес в оригинальные сочинения инков свое собственное европейское мышление», – думали они. Тем не менее, Альфред Метро в своей «Истории инков» соглашается с профессором Джоном Роу, который, по словам Метро, «удачно восстановил оригинальные версии гимнов, [и] убежден, что они ни в какой мере не являются результатом влияния миссионеров. Формы и выражения языка в них основательно отличаются от известных нам в христианских службах на языке инков».

Появилось и дальнейшее подтверждение достоверности записей де Молины. Метро сообщает, что еще один гимн того же рода был «чудом сохранен индейским летописцем XVII века Иамки Салькамаиг-ва Пачакути... Достаточно сравнить этот последний гимн с собранными де Молиной в 1575 году, чтобы увидеть, что они принадлежат к одной и той же литературной и религиозной традиции».

Метро утверждает, что «по глубине мысли и возвышенному лиризму гимн, сохраненный Иамки, способен выдержать сравнение с прекраснейшими из Псалмов». Что же революционного было в этих гимнах? Содержащиеся в них предания открыто свидетельствуют о том, что Пачакути – царь, настолько преданно поклонявшийся солнцу, что обновил храм Инти в Куско – позднее начал испытывать неудовлетворенность его достоинствами. Филип Эйнсворт Мине, комментируя сомнения Пачакути в божественности Инти, писал: «Он отметил, что это светило всегда следует по установленному пути, выполняет определенную задачу и подчиняется точному времени, подобно обыкновенному работнику». То есть, если Инти – бог, почему он никогда не совершит ничего *неожиданного*? И царь задумывался снова. Он заметил, что «солнечный свет может быть затенен любым проходящим облаком». Иначе говоря, если бы Инти был истинным богом, *ни одна обычная, сотворенная вещь не могла бы затмить его свет!*»

И вдруг Пачакути осенила догадка, что он поклонялся, как Творцу, всего лишь обычному предмету! И он храбро устремился к следующему неизбежному вопросу: если Инти не истинный бог, *то кто же истинный?*

Где смог бы язычник-инка, не ведающий иудео-христианского просветления, найти решение этой задачи?

Ответ довольно прост: в старых традициях, покойно дремлющих в его собственной культуре. Что такое возможно, предвидел никто иной как апостол Павел, когда он писал, что Теос в прошлом «*пустил всем народам ходить своими путями, хотя и не переставал свидетельствовать о Себе*» (Деян. 14:16–17, выделено мной).

Пачакути взял свидетельство, извлеченное им самим из наблюдений над мирозданием, и поставил его рядом с почти исчезнувшей в культурной традиции инков памяти о Виракоче – Господе, всемогущем Творце всего.

Единственным, что оставалось от прежней верности инков Виракоче, был храм Кечуаканча, расположенный в верховье долины Вильканота. Пачакути также вспоминал, как его отец, Хатун Тупак, однажды заявил, что во сне получил наставление от Виракочи. Бог напомнил Хатун Тупаку, что он, Виракоча, истинный *создатель* всего. Хатун Тупак тут же (не признать ли это самонадеянностью?) взял себе новое имя – Виракоча!

Таким образом, представление о Виракоче, вероятно, уходило в глубокую древность. Поклонение Инти и другим богам оказывалось с этой точки зрения лишь позднейшим превращением более чистой и истинной веры. Кроме того, исходя из описания Метро, можно сделать вывод, что образы, подобные Виракоче, широко распространены в индейской культуре «от Аляски до Тьерра дель Фуэго», тогда как поклонение солнцу встречается сравнительно в немногих районах. Пачакути, видимо, посчитал, что его отец, совершив фундаментальное и драгоценное открытие, просто не придумал ему того значения, которого оно заслуживало. И он решил, что, будучи сыном своего отца, разовьет истину, которой его отец лишь коснулся, до настоящих пределов (а может быть это истина развивала его до настоящих пределов?)

Бог, который создал весь мир, достоин поклонения – решил Пачакути. И было бы непоследовательно поклоняться части его творения, как ему самому. Пачакути принимает быстрое решение: эта псевдобожественная чепуха Инти занимала свое место достаточно долго, по крайней мере для него самого и его высокопоставленных подданных.

Царь приступил к действиям. Он созвал в прекрасной Кориқанче совет жрецов солнца, если хотите – своего рода Никейский собор. Один ученый называет этот совет *Конгрессом в Кориқанче*, приравнивая его тем самым к величайшим теологичес-

ким форумам в истории. На этом совете Пачакути изложил свои сомнения по поводу Инти в Трех пунктах:

1. Инти не может быть всеобщим, если дает свет одним, отнимая его у других.
2. Он не может быть совершенным, если он не в состоянии дать себе волю и отдохнуть.
3. Не может он быть и всевластным, раз малейшее облако способно его заслонить.*

Затем Пачакути освежил угасшую память своих высокородных подданных о Виракоче, перечислив его, внушающие благоговение, качества. Доктор Брандидж из Университета в Клахоме следующим образом объединяет описание царя Виракочи: «Он – древний, недосыгаемый, высший и извечный. Не нужны ему и грубые утешения супруги. Когда пожелает, он является триединым... в остальных же случаях лишь небесное воинство и архангелы сопутствуют его одиночеству. Он сотворил все народы, равно как и всех духов, своим Словом (эхо Гераклита, Платона, Филона и апостола Иоанна!). Он – владыка судьбы человека, питающий его и предопределяющий его сроки. Он – истинная суть жизни, ибо согревает людей с помощью сотворенного им сына Пунчау (солнечный диск, который каким-то образом отличается от самого солнца). Он – источник покоя и порядка. Он сам по себе – благословение, и питает жалость к ничтожеству людей. Он единый судит их и прощает, и дает им силу бороться со злом в них самих».**

Затем Пачакути приказал, чтобы отныне и впредь Инти рассматривался лишь как «родственник» Бога – благосклонно созданное им существо. Молитвы же должны быть адресованы Виракоче – с глубочайшим благоговением и смирением.

Следствием этого «собора» явилось сочинение царем Пачакути почтительных гимнов Виракоче – тех самых, которые, видимо, вошли в коллекцию де Молины. Часть священнослужителей солнца реагировала «крайне враждебно». Решения Пачакути подрывали их законные права. Другие сочли логику Пачакути беспорядочной и согласились на преданность Виракоче. Но и среди

* См. также: Милослав Стингл «Слава и смерть «сыновей солнца»», Государство инков. «Прогресс», М., 1986, стр.87

** См. также Стингл, стр. 88

последних многие были обеспокоены одной практической проблемой – как себя поведут массы, когда жрецы солнца объявят им: «Все, чему наши священнослужители учили вас в последние несколько столетий, было неверным. Инти – вовсе не бог. Громадные храмы, построенные вами с таким трудом и благоговением – и по нашему распоряжению – больше ни к чему. Все ритуалы и молитвы, связанные с Инти, бессмысленны. Мы должны теперь начать все сначала, с новым истинным богом – Виракочей»? Не посеет ли такое заявление цинизм в их души? А может даже приведет к народному восстанию?

Пачакути склонился к доводам политической целесообразности. «Он распорядился... чтобы служение Виракоче оставалось привилегией правящей знати, [поскольку оно]... является слишком тонким и отвлеченным делом для простых людей (*sic!*)».

Мы можем для справедливости приписать Пачакути надежду на то, что культ Виракочи, распространив со временем свое влияние, найдет путь и к низшим слоям населения. Но как раз времени-то у его многообещающей реформации оставалось не слишком много. Царь даже не предполагал, насколько роковым было его решение предпочесть в религиозных делах высшую знать. Общеизвестно, что исторически высшие классы – довольно кратковременное социальное явление. Выживают как раз обыкновенные средние люди. И это опять подтвердилось в отношении высшей знати инков. После смерти Пачакути – не успело еще закончиться столетие, как безжалостные испанские завоеватели уничтожили и царский род, и высшую знать. А поскольку низшие слои были обречены на духовную слепоту с их ошибочными представлениями об Инти и прочих ложных богах, они оказались неспособными продолжить реформы Пачакути. Таким образом, эта мини-реформация скончалась в детском возрасте.

Отчего империя инков пала в течение всего столетия после своего расцвета при царе Пачакути? Был ли разгневан Виракоча тем, что высшая знать скрыла истину о его существовании от простых людей? И что бы случилось, если бы европейские христиане-миссионеры добрались до Перу на два-три поколения раньше, чем конкистадоры? Безусловно, то было наилучшим временем для принятия Благовестования. В царской семье, как и среди знати, интерес к единому Всевышнему Богу достиг высшей напряженности. И у принесших Благовестование было бы в распоряжении почти столетие для сбора славно-

го духовного урожая, прежде чем грянуло нашествие конкистадоров. Более того, сами инки верили смутному пророчеству о том, что Виракоча однажды пришлет им благословение с запада, то есть – с моря. Но сострадательные христианские носители Благой вести, кто бы они ни были, упустили случай. Вместо них явился бессердечный завоеватель и торговец Писарро со своей армией грабителей. Писарро прибыл в Перу по морю и, притворяясь, что действует от имени Бога, использовал надежды склонявшихся к единобожию инков, чтобы уничтожить и самих инков и их империю.

Но еще до Писарро похожие надежды ацтеков использовал для уничтожения их цивилизации Эрнандо Кортес. Насколько иначе развернулась бы история, если бы только истинные носители Благовестования пришли первыми! Не только для того, чтобы доставить Благою весть, но чтобы послужить ацтекам, инкам и другим, находившимся в опасности народам в качестве добровольных «юридических консультантов», обучая их, как обращаться с жестокой торгово-политической силой, готовившейся нагрянуть. Инки и ацтеки не поклонились бы тогда Писарро и Кортесу, как осуществлению пророчеств, поскольку пророчества к тому времени уже были бы осуществлены. И государства майя, инков и ацтеков сохранились бы до нынешнего дня.

Сколько же иронии в том, что испанские католики в их рвении покончить с идолопоклонничеством уничтожили монотеистическую веру, которая фактически представляла собой временный Ветхий Завет, готовивший души тысяч людей к принятию доброй вести о воплощении Виракочи в Личность Сына Его. Заметьте, что я сказал «временный» Ветхий Завет, а не «подобие» Ветхого Завета.

Однако «рука» Омара Хайяма «без устали пишет». И «написав, опускается к новой строке». Слишком поздно теперь оживать Пачакути и его народ, чтобы мы смогли поступить с ними справедливее, чем испанцы. Что важно сейчас? Чтобы мы, дети нашего, нынешнего времени справедливо вели себя с детьми потомков Пачакути, переживших испанскую бойню – с индейцами кечуа.

Попробуем поместить реформацию Пачакути в историческую перспективу. Сравним его на минутку с Эхнатоном – египетским фараоном, который тоже был одержим идеей религиозной реформы. Египтологи отмечают редкую гениальность Эхнатона

(1379–1361 г.г. до Р.Х.), который пытался – правда безуспешно – заменить чудовищно запутанную идолопоклонническую систему древнего Египта поклонением солнцу. Но Пачакути стоит на версту впереди Эхнатона, так как он осознал, что солнце, которое может ослепить человека, не идет ни в какое сравнение с Богом, который слишком велик, чтобы вообще быть зримым человеческими глазами. Как странно, что современные ученые широко осещают реформы Эхнатона, отводя при этом реформам Пачакути скромное место в редких работах для специалистов.

Но давайте восстановим справедливость.

Если Эхнатово поклонение солнцу было ступенью выше идолопоклонства, то предпочтение, которое Пачакути отдал Богу перед солнцем – взлет в стратосферу! Существование человека, подобного Пачакути в Перу XV-го века – столь же поразительно, как существование Авраама в Уре или Мелхиседека среди хананеев. Если бы только было возможным путешествие в прошлое, Пачакути – тот, кого я хотел бы посетить. Мне нравится называть его «инкским Мелхиседеком».

Афиняне и критяне времен Эпименида, также, как и инки Пачакути, отошли в вечность, не услышав Благовествования об Иисусе Христе. Что тут скажешь? Разве не были они предчувствовавшими Бога языческими народами, которые жили *в ожидании* благословенной вести о Христе? История знает много таких народов. Вот еще один...

Санталы

В 1867 году бородатый норвежский миссионер Ларе Скрефсруд и его датский коллега, простой мирянин Ханс Бьорресен обнаружили в районе севернее Калькутты в Индии двух с половиной миллионный народ, называемый санталы. В короткое время выяснилось, что Скрефсруд – замечательный лингвист. Он вскоре бегло заговорил на языке санталов, и люди проходили много миль, чтобы только услышать, что иностранец так хорошо говорит на их языке.

Едва успев освоить язык, Скрефсруд начал проповедовать санталам Благовествование. Он, естественно, задумывался – сколько же лет пройдет, прежде чем санталы, бывшие до того столь удаленными от иудейского и христианского влияния, проявят хотя бы интерес к Благовествованию, откроют ему свои сердца.

Но к полному его изумлению, санталы были взволнованы Благой вестью почти тотчас же. И наконец он услышал, как сантальские мудрецы, и среди них один по имени Колеан, восклицали: «Сказанное этим чужестранцем должно быть означает, что Такур Джиу не забыл нас после всех этих долгих лет!»

У Скрефсруда прервалось дыхание. *Такур* было сантальское слово, значившее «истинный», *Джиу*—означало «бог».

Бог истинный?

Было отчетливо видно, что идея, представленная Скрефсрудом, говорившим о едином высшем Боге, не была для них новостью. Сантальские мудрецы, вежливо оставив в стороне терминологию, которой он пользовался для обозначения Бога, утверждали, что правильное имя, которое следует использовать, это *Такур Джиу*. Это имя явно было у них на устах уже очень долгое время.

– Откуда вам известно о Такур Джиу? – спросил Скрефсруд, вероятно слегка сбитый с толку.

– Наши праотцы знали его издавна, – отвечали сияющие санталы.

– Прекрасно, – продолжал норвежец, – тогда у меня есть еще один вопрос. Раз вы знаете о Такур Джиу, почему же вы служите не ему, а солнцу, или еще того хуже – недобрым духам?

В лицах окружавших его санталов, появилась печаль.

– А это уже грустная сторона дела, – отвечали они. Затем сантальский мудрец по имени Колеан выступил вперед и сказал:

– Давайте я расскажу эту историю с самого начала.

Не только Скрефсруд, но и все собрание более молодых санталов хранило молчание, пока Колеан, который был, по всей видимости, старейшиной, разворачивал свой рассказ, сметавший пыль с древних устных сантальских преданий.

– Давным-давно, – говорил Колеан, – Такур Джиу – Бог Истинный – создал первого человека – Харама и первую женщину – Айю и поселил их на далеком западе Индии в местности под названием Хайхири-Пайпири. Там существо по имени Лита подвергло их искушению сварить рисовую брагу. Потом Лита соблазнила их вылить часть браги на землю, как бы в дань Сатане. От того, что осталось, Харам и Айю опьянели и заснули. Проснувшись, они обнаружили, что сознают свою наготу, и почувствовали стыд.

Скрефсруд не успевал изумляться библейским параллелям в истории Колеана.

Но рассказ продолжался.

– Айо родила Хараму семь сыновей и семь дочерей, которые, пережившись, основали семь семей. Семьи эти переселились в место, называемое Крой Каман, где вскоре совершенно развратились. Такур Джиу призывал людей вернуться к нему, но они не послушались. Тогда он укрыл «святую пару» в пещере горы Харата (заметьте схожесть названия с библейским Араратом), и уничтожил всех остальных в потоке. Позже потомки «святой пары» размножились и переселились на равнину, называвшуюся Сасан Беда («горчичное поле»). И там Такур Джиу разделил их на множество народов.

Одна из ветвей человечества (назовем ее протосанталы) сначала переселилась в землю Джарпи, а затем продолжала двигаться на восток «сквозь леса и леса», пока им не преградили путь высокие горы. В отчаянии они искали прохода, но все тропинки были непроходимы, по крайней мере для их женщин и детей. Не так уж отличаясь в этом от сынов Израиля в Синае, люди в путешествии совсем обессилили.

– В те дни, – объяснял Колеан, – будучи потомками святой пары, протосанталы еще считали Такур Джиу истинным Богом. Но оказавшись перед лицом такого испытания, они утратили веру в него и сделали первый шаг к поклонению духам. «Духи этих великих гор преградили нам путь, – решили они, – нечего ждать, давайте склонимся перед ними и принесем клятву верности, чтобы они позволили нам пройти». И они заключили договор с Маран Буру – духом великих гор, говоря: «О, Маран Буру, открой нам путь – и мы станем поклоняться духам, как только окажемся по другую сторону».

Без сомненья, норвежцу казалось прежде странным, что сантальское имя злого духа буквально означало «дух великих гор», тогда как на нынешней земле санталов никаких высоких гор не было. Теперь ему все стало понятно.

– Но буду краток, – продолжал Колеан, – они отыскиали дорогу сквозь горы в сторону восходящего солнца (Хайберский перевал?), и назвали этот проход *Бейн*, что значит «дневные врата». Так протосанталы проникли на равнину, которую мы зовем сейчас Пакистаном и Индией. Последующие переселения привели

их еще восточнее, в пограничный район между Индией и теперешним Бангладеш, где и живут теперь современные санталы.

Связанные клятвой, а не из любви к Маран Буру, начали санталы заниматься духопочитанием, колдовством и даже солнцепоклонством.

– Сначала у нас не было богов, – прибавил Колеан, – наши древние предки были послушны лишь Такуру. Но после того, как нашли другие боги, мы стали день ото дня забывать Такура все больше и больше, пока от него не осталось одно имя.

– В наше время, – продолжал Колеан, – некоторые говорят, что Такур – это бог солнца. Справляя религиозные обряды... [кое-кто] поднимает глаза к солнцу и обращается к нему, как к Такуру. Но наши праотцы учили нас, что Такур – бог особый. Он не может быть виден людским зрением, но сам видит все. Он сотворил весь мир. Он поместил все на свои места и питает всех, и великих, и малых.

Как же повел себя Скрефсруд? По правде сказать, некоторые миссионеры в подобной ситуации отвечали: «Забудьте это существо, принимаемое вами за Бога! Оно может быть только Сатаной. Я скажу вам, кто – истинный Бог». Столь высокомерный ответ часто подавлял потенциальную отзывчивость целого народа.

Но Скрефсруд был не из их породы. Точно так же, как Авраам принял Мелхиседекова Эль-эльона (имя Бога у хананеев), как Павел, Варнава, Иоанн и их восприемники следовали путем, проложенным для них греческими философами, когда принимали имена *Теоса* и *Логоса* в качестве подходящих имен для Всемогущего – Ларе решил усвоить урок Колеана и его предков. Он признал *Такур Джиу*, в качестве имени Ягве для санталов.

Скрефсруд увидел, что имя *Такур Джиу* не обросло никакими ложными толкованиями. Оно находилось не в категории Зевса, которую стоило бы отвергнуть, а в категории Теоса-Логоса, которую имело смысл принять. А дальше он счел, что раз, будучи норвежцем, он мог называть Всемогущего именем *Гуд* (Gud), которое точно в такой же мере родилось из языческой истории, как греческий *Теос* и латинский *Деус*, то санталы безусловно имеют право называть Его именем *Такур Джиу*!

Скрефсруд принял это имя. Некоторое время ему, честно говоря, странно было слышать, как его собственные уста провозглашают Иисуса Христа – Сыном Такур Джиу. Но всего каких-

нибудь пару недель. Затем странность выветрилась. Наверняка это звучало не более странно, чем когда некто впервые назвал Иисуса Христа сыном Теоса или Деуса, или Гуда, да в конце концов, даже – Бога!

Меняло ли что-нибудь принятие Скрефсрудом этого имени? Разве роза, названная как-то по-иному, становится менее благоуханной? В саду – нет! Но не так – в памяти. Именно слово «роза» обладает силой вызывать нежное воспоминание цвета и запаха. Подменив его словом «репейник», мы не изменим самой розы, но уничтожим для слушающего это воспоминание. В продолжение бесчисленных столетий дети санталов слышали, как их родители громко сетовали на своих огородах или вокруг костров, на которых готовилась еда: «О, если бы только наши праотцы не совершили этой горестной ошибки, мы еще и сегодня верили бы в Такур Джиу! Но вышло так, что мы разорвали с ним связь. Наверно он выбросил нас из памяти, как ничего не стоящий народ, и больше не захочет иметь с нами дела, из-за того, что в то далекое, трудное время в горах наши предки отвернулись от него!»

И, стало быть, произносить это знакомое имя перед санталами значило пробуждать в них тысячи томительных воспоминаний, делать их в целом более вдумчивыми, заинтересованными – наконец, готовыми откликнуться.

Именно таков и был результат, которого добились Скрефсруд и Бьорресен своей проповедью. Они не успели еще по существу понять, что происходит, как обнаружили перед собой буквально тысячи страждущих санталов, умоляющих научить, как им воссоединиться с Такур Джиу через Иисуса Христа. Одна вероятность того, что разрыв их народа с Такур Джиу может быть преодолен, привела санталов в безграничное возбуждение.

Когда обучение желающих христианской вере привело к обращению и крещению, степенные священники европейских церквей были потрясены сообщениями из Индии, в которых говорилось, что в определенный период Скрефсруд и Бьорресен в среднем крестили, ни много, ни мало – восемьдесят счастливых санталов в день!

«Здесь что-то не так!» – говорили некоторые европейские богословы, полагая невозможным, чтобы так долго «жившие во тьме варвары» смогли достаточно много узнать о Господе и пути спасения и переменить веру, и принять крещение в таких количествах в самом начале миссии Скрефсруда и Бьорресена. Даже

слух о восьми крещениях в день смутил бы умы европейских церковников, большинство которых посчитало бы одно крещение в неделю доказательством того, что их пастырство находится под сильнейшим Божиим благословением.

Так или иначе, восемьдесят крещений в день свидетельствовали о том, что новые церкви санталов в стране индуистской религии росли более чем в пятьсот раз быстрее церквей в «христианской Европе». Те из христиан, кто долго утверждал, что миссионерство в Азии бесполезно, так как азиаты слишком укоренены в своих традициях и совершенно не способны постичь Святое Благовествование, испытали чувство неприятной оторопи. Когда, время от времени, Скрефсруд и Бьорресен возвращались в Европу, чтобы выступить с сообщениями в разных церквях, их постоянно превозносили, как «героев веры» тысячи обыкновенных христиан, которые, узнав об их успехах с санталами, приходили из далекого далека, чтобы послушать двух миссионеров. Результатом этого явилось общее оживление духовной жизни во многих европейских церквях. Пытаясь противостоять этому радостному взрыву общественного признания, мрачные церковники созывали всякие комитеты, чтобы расследовать персональную деятельность Скрефсруда и Бьорресена. Они чувствовали себя обязанными проверить основательность встречного движения санталов, по-видимому, считая, что невероятный успех Скрефсруда и Бьорресена среди «грубых варваров» плохо отразится на их собственном, тяжело им дающемся пастырстве в «просвещенной Европе».

Тем временем, на своих рубежах в Индии сантальские христиане продолжали демонстрировать христианские черты и доказывали свою горячую веру, храбро распространяя Благовествование среди собственного народа. Один только Скрефсруд насчитывал 15 тысяч крещений за годы его пребывания в Индии. За это же время он перевел на сантальский язык довольно большую часть Библии, составил сантальскую грамматику и словарь, записал для будущих поколений несколько преданий санталов и добился, чтобы колониальное правительство приняло закон, охраняющий сантальское меньшинство от грубой эксплуатации их соседями – индусами.

Будучи уже не в силах справиться с размерами урожая, который им удалось вырастить, Скрефсруд и Бьорресен со своими женами вынуждены были послать призыв о помощи. Миссионеры поспе-

шили помочь им собирать быстро созревающие санталовские плоды и в течение нескольких десятилетий еще 85 тысяч верующих санталов были крещены в одной только миссии Скрефсруда.

Рассказ о санталах – лишь одна из сотен историй такого рода, когда целые народы нехристианского мира демонстрировали гораздо больший энтузиазм в принятии Благовестования, чем мы, христиане – в своем стремлении им его принести.

Пояснения Колеана, когда он говорил Скрефсруду о санталовских солнцепоклонниках, примешивавших имя Такур Джиу к их молитвам, обращенным к солнцу, весьма поучительны. Как царь Содомы пытался втиснуть себя в судьбу Авраама, так солнцелики идолопоклонники могут иногда стараться прибавить величия своим ритуалам, припутывая к ним имя Бога. Служители оккультных религий время от времени делают то же самое, используя европейские имена Всемогущего, такие, как английское God, немецкое Gott или норвежское Gud. Исследователи, которые занимаются только культовыми ритуалами данного общества, могут в этом случае не заметить сильно отличающейся точки зрения более проницательных представителей культуры, таких, как Колеан среди санталов. А пропустив эту точку зрения, внешний наблюдатель легко мог бы прийти к ошибочному заключению, что Такур Джиу – это имя санталовского бога солнца.

Возьмите к примеру такой случай: Уаскар, двенадцатый правитель империи инков (Пачакути был девятым) возвел, фактически, золотого кумира на острове озера Титикака и назвал его Виракоча-Инти!

Мумия Пачакути должно быть перевернулась в своем саркофаге.

Другим примером может служить имя греческого бога Зевса. Сравните имя Зевса (Zeus) с именами Теоса (Theos) и Деуса (Deus) в такой последовательности:

Зевс.

Теос.

Деус.

Не надо обладать ученой степенью в языкознании, чтобы догадаться, что все три имени происходят от одного лингвистического корня. Все три начинаются с согласных – З, Т и Д – для произнесения которых необходимо, чтобы кончик языка находился вплотную за зубами. В каждом из имен на втором месте находится звук «э», который лингвисты называют «неокруг-

ленной гласной переднего ряда, среднего подъема». На третьем месте во всех трех именах стоят «округленные гласные заднего ряда» «о» или «у». Все три оканчиваются свистящим звуком «с». И наконец, все три похожи по смыслу. А теперь – немного о теоретической реконструкции вероятной истории происхождения этих трех понятий.

Сначала, до того как греческий и латинский разделились на самостоятельные языки, существовало одно исходное понятие – возможно, Деос (Deos) – которое было личным именем Всемогущего. Позднее, по мере того как различные религиозные направления изобретали своих особых второстепенных богов и давали им имена, представители каждого направления заявляли, что именно их собственный бог и есть Демос. В результате, ко времени, когда разница в произношении привела к тому, что Демос превратился в Деуса в одном месте и в Теоса – в другом, все три имени приобрели общее простое значение – «бог», вместо первоначального смысла – «Бог».

Для иллюстрации: американские косметические салфетки впервые произвела фирма «Клинекс», и под эти именем они появились в продаже. К тому времени, как конкурирующие фирмы стали выпускать свои варианты продукта, слово «клинекс» настолько связалось в сознании с косметическими салфетками, что покупатели продолжали называть новые товары тем же словом. Иначе говоря, «Клинекс» превратился в «клинекс», точно так же, как имя Деус (Бог) превратилось в понятие деус (бог).

Такие философы, как Ксенофан, Платон и Аристотель, по существу пытались направить эту тенденцию в сторону обобщения, возвращаясь к первоначальному использованию понятия «теос» в качестве личного имени. Каков же оказался результат? Оба значения – изначальное личное имя и позднейшее общее понятие – стали существовать вместе.

Третий вариант исходного имени – Зевс (Zeus), каким-то образом избежал обобщения и сохранился в качестве личного имени. В другом месте того же самого стихотворения, которое цитировал апостол Павел в Послании к Титу (1:12), Эпименид фактически пользовался словом «Зевс», как личным именем для обозначения Всемогущего. Однако имя Зевс постигла другая, гораздо более печальная судьба.

Греческие богословы, столетиями безответственно пользуясь именем Зевса для определения Всемогущего, постепенно

привнесли в него смысл, который противоречил исходной идее. Они, например, решили сделать Зевса потомком двух других богов – Кроноса и Реи. Как только теологам удалось настолько заморочить верующих, что они приняли новую версию, имя Зевс перестало принадлежать извечному Творцу. Поскольку в то время не оказалось достаточного количества «Колеанов», чтобы отстоять изначальное представление, «Зевс», как полноценное имя для обозначения Бога, прекратило свое существование. Это, когда-то полное глубокого смысла слово становилось настолько обросшим ложными толкованиями, что ни Платон, ни Аристотель даже не попытались его спасти. Им оставалось только обойти его, предпочтя имя Теос. Так же поступили и переводчики-евреи, и христианские апостолы.

Подобно этому, почти сразу же после основания христианства те из богословов, кто склонен был «экспериментировать» со смыслом, пытались внести в христианские понятия иное содержание. Великие соборы отцов церкви можно рассматривать, как стремление уберечь полные смысла христианские понятия от той судьбы, которой удостоились такие, когда-то величественные слова, как «Зевс».

Одной из удивительных черт этого кроткого всемогущего «бога небесного» многих народных культов является его склонность отождествлять себя с христианским Богом. Бог небес, хотя большинство религий полагает его отдаленным и более или менее недоступным, тем не менее обнаруживает тенденцию приближаться и обращаться к верующим каждый раз, когда они – сами того не сознавая – стоят на пороге встречи с посланцами христианского Бога. И что же говорит в таких случаях небесный бог? Неистовствует ли он и раздражается ли ревнивыми тирадами по поводу христианского Бога, видя в Нем вторгшееся в его владения постороннее божество? Отнюдь нет! В сотнях примеров, подтвержденных буквально миллионами религиозно настроенных людей по всему миру, бог небесный поступает в точности так, как сделал Эль-эльон, взявший себе посредником Мелхиседека. Он радостно узнает в приближающихся посланцах Ягве – *своих* посланцев. Он прилагает все усилия, чтобы как можно отчетливее обнаружить, что он как раз и есть никто иной, как тот самый Бог, которого проповедуют эти чужестранцы.

Создается недвусмысленное впечатление, что небесный бог всегда был расположен к общению с народами самых разных ре-

лигий, но по каким-то своим собственным таинственным причинам предпочитал вести себя сдержанно до тех пор, пока не являлось свидетельство о Ягве.

Конечно же, это – мощное внебиблейское подтверждение подлинности Библии, как откровения Единого Истинного и Всеобщего Бога. Но, как мы увидим в дальнейшем, это еще и первая причина того феноменального приема, который находило христианство у народов самых разных национальных религиозных культов во всем мире. Кроме того, одна книга Священного Писания за другой подтверждали из глубины веков, что Бог наш не переставал свидетельствовать о себе даже вдали от проповеди Благовествования (см. к примеру Деян. 14:16–17 и Рим. 1:19–20 и 2:14–15). Эти свидетельства, хотя и отличаются своими свойствами и качеством от собственно библейских, все же являются свидетельствами о Нем.

Но до чего же трагично тогда, что христиане в целом почти ничего не узнали об этом повсеместном феномене предварительного монотеистического допущения, отмечающем большинство мировых национальных религий! Многие богословы и даже некоторые миссионеры, чье пастырство чрезвычайно облегчалось в связи с этим явлением, нервозно захлопывали дверь за столь расширяющим человеческие представления свидетельством, оставляя его в темном чулане небытия.

Хотите знать, почему? Если вы принадлежите к традиции, которая столетиями учила христиан, что остальной мир находится в полной тьме и ни аза о Боге не знает, то вам будет немного неловко признать: «Мы ошибались. На самом деле, более девяноста процентов мировых национальных религий имеют представление по крайней мере о существовании Бога. А некоторые из них даже предчувствуют Его заботу об искуплении человечества».

Заявление апостола Иоанна о том, что весь мир духовно лежит во зле (1 Ин. 5:19) необходимо соединять со словами апостола Павла, утверждавшего, что Бог не переставал свидетельствовать о Себе.

Ибо это свидетельство почти везде до определенной степени разрежало зло.

Как говорил апостол Иоанн, «и свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5). Иоанн далее уточняет, что «свет», о котором он говорит, есть «Свет истинный, Который просвещает *всякого* человека» (1:9, выделено мной).

Но почему же миссионеры, которые первыми столкнулись с феноменом бога небесного, придержались свидетельства о нем? Возможно они подумали, что там, дома кое-кто может сказать: «Слушайте! У них, оказывается, уже есть своя собственная вера в Бога! Так вам тогда и не надо ездить к ним». Обойти возражения было легче, чем опровергнуть, хотя и опровергнуть их было не трудно! И вот они просто ограничились сообщением своим братьям иных важных подробностей.

Другие миссионеры, обученные богословами, которые преуменьшали значение этого феномена, еще до того, как встретились с явлением, уже были внутренне готовы его не замечать. Или, может быть, они и были изумлены этим явлением, но не склонны были о нем сообщать, чтобы не подвергнуться проверке на их собственную правоту.

Два-три известных богослова, получив из вторых или третьих рук сообщения о почти всеобщей известности Высшего Бога среди национальных религий мира, поспешили прийти к плохо обоснованному заключению. Они подумали, что под угрозой находится уникальность Священного Писания – как единственного, внушенного Богом Откровения о Себе человеку. А некоторые сторонники эволюции, понимая, что широкое опубликование сведений о феномене небесного бога плохо отразится на их теории, уговорили этих теологов отвергнуть феномен, хитро намекнув, что он-де доказывает, будто Библия не уникальна. И теологи реагировали необдуманно, отвергнув феномен бога небесного, как не имеющий значения. Затем они, в свою очередь, заставили поколения своих учеников принять ту же оборонительную позицию. И с тех пор некоторые богословы почли одной из задач своей карьеры преследовать те верования народных религий, которые повторяют библейские, как искажение или дьявольский подлог.

Это верно, конечно, что в мире существуют ложь, искажения и духовные заблуждения. Возможно и то, что носители Благоговения могут сбиться из-за них с пути, как жужжащая среди цветов пчела может по ошибке влететь в дионею (венерину мухоловку). Но не прекращают пчелы сбор меда из-за опасности венеринных мухоловок. Или из-за паучьих сетей. Или из-за творящего молитву жука-богомла (на самом деле творящего ловитву).

Вот два примера «венеринных мухоловок», притворяющихся цветами в нашем «поле» – как Иисус много раз называл этот

мир. Миссионерам удается их избегать, а богословы справедливо нас о них предупреждают.

1. Индусы ожидают так называемого «десятого воплощения Вишну». Молодой миссионер в Индии, отчаявшись привлечь внимание индусов, решил провозгласить десятым воплощением Вишну Самого Иисуса Христа. Должно быть он сломал себе язык, выговаривая это. Консервативные теологи в качестве высших арбитров справедливо замахали руками, выразив криком «Ошибка!» отношение к этой компрометирующей попытке межкультурного общения.

И тем не менее, им не следовало бы из одного такого случая делать немедленный вывод, что другие культуры вообще невосприимчивы к Благовествованию. Этот способ умозаключений является примером «выплескивания вместе с водой ребенка».

Остается фактом, что вера индусов в возможность воплощения божества в человеке делает более для них понятными нас, когда мы говорим о «Слове, ставшем плотью и обитавшем с нами» не в какой-то подходящий момент, но однажды и навсегда.

2. Подобно этому, буддисты ожидают пятого явления Будды в качестве Пра-араяя-майтрея – «бога милосердного». Было бы и неверно, и бессмысленно сводить явившегося однажды Сына Божьего просто к пятому появлению кого бы то ни было. И все же буддистское представление о том, что человек нуждается в милосердии, осуществленном властью, которая находится вне пределов его возможностей, остается потенциальной точкой соприкосновения.

Однако свидетельства народных верований относительно Высшего Бога склонны выражаться и в категориях, сильно отличающихся от описанных выше. Вот еще два примера. Один из книги Гарольда Фуллера «Беги, пока солнце горячо», с некоторыми подробностями, взятыми из другой, еще неопубликованной книги Альберта Бранта «По следам овечьего стада». Второй – из личного интервью с доктором Юджином Розенау, гражданином Южноафриканской республики.

Эфиопский народ gegeo

В холмистой местности, далеко на юге Эфиопии, живут несколько миллионов выращивающих кофе людей, которые, хоть и разделены на весьма отличающиеся друг от друга племена, ле-

леют общую веру в доброжелательное существо Магано – всемогущего творца всего. Одно из этих племен иногда называют дарасса, но более точное его название – народ гедео. Немногие члены полумиллионного племени гедео действительно молятся Магано. Случайный наблюдатель обнаружит, что на самом деле люди гораздо больше озабочены тем, чтобы умиловить злое создание, называемое ими Шейтан. Однажды Альберт Брант спросил людей из племени гедео: «Как получилось, что вы, с таким глубоким благоговением относясь к Магано, тем не менее приносите жертвы Шейтану?» Ответ был таков: «Мы служим Шейтану не потому, что любим его, а из-за того, что наши отношения с Магано не настолько прочны, чтобы с Шейтаном разделиться».

Но по крайней мере одному из людей гедео удалось добиться вести от Магано. Имя его – Варраса Уанге. По своим родственным связям он принадлежал к царской семье племени. Место, где он жил – город Дилла – расположен на самой границе земли, принадлежащей народу гедео. Его способом вступить в контакт с Магано была простая молитва, в которой он просил бога открыть себя людям его племени.

Ответ Варраса Уанге получил немедленно. Его сознание было потрясено ошеломляющим видением. Он увидел двух белокожих чужеземцев. («Кавка-зофобы» – люди, которые не любят или боятся людей белой расы, обычно называемых в Америке «кавказцы», могут протестовать. Но что я могу поделать? Должно быть, история не предвидела современной тенденции к «кавказофобии»)*.

Варраса увидел двух белокожих мужчин, устанавливающих для себя хрупкие укрытия под тенью большого сикамора рядом с его городом – Диллой. Затем они возвели более прочные постройки с блестящими крышами. В конце концов эти постройки усыпали весь склон холма. Никогда грезящий не видел ничего, что хотя бы отдаленно напоминало эти легкие временные укрытия или постоянные постройки с сияющими крышами. Все хижины на земле гедео были покрыты травой.

* Кавказская раса – в классификации И. Блуменбаха и некоторых других антропологов – большая раса, соответствующая европеоидной расе. В современной русскоязычной литературе термин употребляется редко (Советский энциклопедический словарь, М.1984).

Затем Варраса услышал голос. «Эти люди, – говорил он, – принесут вам послание от Магано – бога, о котором вы страждете. Ожидайте их».

В заключительной части видения Варраса увидел себя снимающим центральную опору в своей хижине. В символике гедео центральная опора дома означает самую жизнь человека. Потом он выносил этот шест из города и вкапывал его в землю рядом с сияющими своими крышами постройками странных пришельцев.

Варраса понял скрытый смысл видения – его жизнь должна позднее быть связана с приходом этих странных людей, их общением и с Магано, который, видимо, их пошлет.

Варраса стал ждать. Прошло восемь лет. За это время еще несколько предсказателей племени гедео прорекли, что чужестранцы скоро принесут послание от Магано.

И вот в один из очень жарких дней декабря 1948 года голубоглазый канадец Альберт Брант и его коллега Глен Кейн оказались на горизонте в побитом старом грузовике. Их задачей было начать миссионерскую работу во славу Господа среди людей гедео. Они надеялись получить разрешение властей Эфиопии расположить свою новую миссию в самом центре района, занимаемого племенем, но дружелюбно настроенные эфиопы предупредили, что такая просьба может встретить отказ из-за существовавшей в тот момент политической ситуации.

«Просите, чтобы вам разрешили продвинуться только до Диллы, – советовали доброжелатели, подмигивая, – это довольно далеко от центра племени. Те, кто возражал бы против вашей миссии, подумают, что вы вряд ли сможете из столь отдаленного места распространить влияние на весь народ».

– Ну вот и все, – сказал Брант Глену Кейну, – к сожалению, речь идет о самой границе района гедео, но и это должно сработать.

Вздохнув, он повернул старый грузовик в сторону Диллы.

Отирая пот со лба, Кейн проговорил: «Ну и жарница, а? Альберт? Надеюсь, нам удастся найти место в тени для наших палаток».

– Взгляни на этот старый сикомор, – отвечал Брант, – прямо то, что доктор прописал!

Брант газанул вверх по направлению к дереву.

Варраса издали услышал этот звук. Он успел вовремя обернуться, чтобы увидеть, как разбитый грузовик Бранта замедлил

ход и остановился под развесистыми ветвями сикомора. Медленно, в изумлении Варраса двинулся к машине...

Тремя десятилетиями позже Варраса – теперь сияющий от счастья почитатель Иисуса Христа, сына Магано – вместе с Альбертом Брантом и многими другими людьми гедео составляли более чем двести церковных общин, в каждой из которых в среднем было по двухсот верующих. С помощью Варрасы и других обитателей Диллы, несмотря на отдаленное местоположение этого города, племя гедео оказалось почти полностью под воздействием Благовествования.

Мбака – из Центральноафриканской республики

То, что произошло с племенем гедео, ни в коей мере не является отдельным случаем. Сколь это ни кажется невероятным, но буквально тысячи миссионеров на протяжении всей истории были потрясены полным воодушевления приемом, оказанным им даже среди самых отдаленных народов на земле. Люди, которые не смогли бы прочитать газеты, даже если оставить ее у них на крыльце, ожидали провозвестников послания от Бога Истинного почти так же осознанно, как если бы прочли об их появлении в утренних выпусках. Однако, как правило, «небесный бог» – именно так определяемый обычно антропологами – не открывал, какого рода хорошие вести принесут его посланцы. Он предпочитал сообщать только об их прибытии. Вот почему рассказ о *Коро* становится столь замечательным исключением.

Коро? Создатель – на нескольких наречиях африканского языка банту. И вот одно из племен банту, вероятно, более чем кто-либо еще на земле, приблизилось не только к самой идее ожидания вести от Коро (Создателя), но отчасти и к ее настоящему содержанию.

Народ мбака живет неподалеку от города Сибю в Центральноафриканской республике. Доктор наук, миссионер Юджин Розенау всегда впадал в состояние зачарованности, слушая как люди из племени мбака (особенно жители деревни Яблангба) объясняли, почему они с такой быстротой откликнулись на Святое Благовествование, когда отец Юджина, Фердинанд Розенау, и его коллеги-баптисты только начинали проповедовать в их племени в начале двадцатых годов.

Однажды, глубоко взволнованный, он воскликнул: «Ваши прародители здесь были ближе к истине, чем мои немецкие пред-

ки в северной Европе!» Вот несколько подробностей, присланных мне из Африки самим Юджином Розенау:

«Коро, Создатель, давным-давно сообщил нашим праотцам, что он уже послал своего сына в мир, чтобы совершить нечто удивительное для человечества. Но впоследствии предки наши отвернулись от правды о сыне Коро. Со временем они вовсе забыли, что же он совершил для людей. После «забвения» следующие поколения в нашем народе не раз пытались отыскать правду о сыне Коро. Но единственно известным оставалось лишь то, что в конце концов придут посланцы Коро, чтобы восстановить для нас это утраченное знание. Еще нам каким-то образом открылось, что посланцы, возможно, будут белокожими...»

(Успокойтесь, «кавказофобы»! На этот раз тут имеет место лишь вероятность.)

«...Так или иначе, мы решили, что когда бы ни прибыли посланцы Коро, мы встретим их по-доброму и поверим тому, что они сообщат».

Кроме того, Фердинанд Розенау обнаружил, что жители одной из деревень под названием Яблангба считались хранителями сведений о Коро, то есть были своего рода Левитовым коленом внутри племени. Как же они ответили на Благовествование?

Люди племени мбака из Ябалангбы, – рассказывает Розенау-младший, – откликнулись до того единодушно, что к пятидесятым годам неким человеком было сделано ошеломляющее открытие: от 75 до 80 процентов всех духовных наставников, которых обучили в Африке Юджин и его коллеги, были родом из одной этой, довольно крупной деревни. Позднее это процентное соотношение изменилось, когда свою долю участия в духовном наставничестве внесли и другие принявшие веру жители Центральноафриканской республики. Но учителями большинства из них опять-таки были духовные наставники из Ябалангбы.

Юджин Розенау говорит, что даже в обрядах совершеннолетия у племени мбака видны иудео-христианские параллели. Сначала старейшины предлагали вступающему принести жертву крови. Затем они «крестили» его, погружая в реку. И несколько дней, следующих за «крещением», новопосвященный должен был себя вести, как только что родившийся ребенок – чтобы поддерживался соответствующий образ, ему запрещалось говорить.

Когда бы член племени мбака ни споткнулся, он прежде всего обернется и совершит благодарственное помазание злополучного

камня. Затем он попросит его: «Скажи мне, камень, о чем с твоей помощью предупреждает меня Коро – о зле или опасности?»

Розенау усматривает замечательную параллель между этим обычаем и библейской метафорой, в которой Иисус Христос сравнивается с «камнем преткновения» и «камнем соблазна». Но так он только для тех, кто не осознал, что Господь хочет уберечь их через Своего Сына от опасности и зла. Люди племени мбака, со своей стороны, склонны принимать благословение Коро, даже когда оно скрывается в злополучном камне, ранящем ногу.

Юджин Розенау вспоминает, как несколько лет назад молодые миссионеры, восхищенные такими же блестящими откровениями в обычаях племени мбака, говорили, что хотели бы посвятить больше времени изучению этой культуры. Но пожилой миссионер возразил: «Мы не изучаем преисподнюю. Мы проповедуем небеса».

Общеизвестно, что «преисподняя» присутствует в любом человеческом обществе. Благородные варвары – такая же редкость, как и великодушные испанские цивилизаторы-конкистадоры. Тот же человек, который сегодня «споткнулся о камень», завтра может совершить убийство. И так же общеизвестно, что никогда не следует позволять восхищению каким-либо человеческим проявлением захватывать нас настолько, чтобы мы забыли «проповедовать небеса».

Тем не менее, похоже что «преисподняя» не так уж преуспела в развитии культуры мбака. В последней обнаруживается и некоторое влияние «небес». И каждый, кто действительно хочет проповедовать «небеса» среди людей мбака, не совершит ошибки, если сначала изучит влияние «небес», уже присутствующее в их мире.

Подобно тому, как мы с готовностью принимаем чужого человека, если он рекомендован кем-то, кого мы знаем и кто пользуется нашим доверием, люди мбака радостно встретили Благочестивание, потому что оно уже было рекомендовано им их собственными преданиями о Коро – то есть тем, что они знали и чему верили.

По этой причине я предлагаю называть эту особую черту в духовном опыте народа мбака «искупительной». (Обратите внимание: не «искупающей», а «искупительной»! Если бы она была искупающей, это значило бы, что люди мбака могли установить взаимоотношения с Богом через их собственный духовный опыт,

без помощи Благовествования. «Искупительный» в этом случае означает, что явление вносит свой вклад в искупление людей, но не совершает его окончательно).

Роль искупительного духовного опыта заключается единственно в том, что он способствует пониманию смысла самого искупления.

Собственный религиозный опыт заставил народ мбака рассматривать Благовествование, как драгоценность, а не что-то, силой навязанное ему чужеземцами. Благовествование соответствовало не только статусу Коро, как Бога праведного, но и собственным потребностям грешных мужчин и женщин. Тот факт, что Благая Весть одержала победу, не разрушив эту искупительную суть духовного опыта народа мбака, а скорее реализовав ее в полной мере, делает еще более явной уникальность Благовествования, а не ослабляет ее.

И уникальность эта возрастает тысячекратно, когда мы узнаем, что Благовествование точно так же дало новую жизнь искупительным мотивам, содержащимся во множестве других культур.

Ни для одной из истин на свете не был приготовлен такой путь, заранее проложенный внутри тысяч религиозных верований самых разных человеческих объединений.

Как прискорбно, что некоторые богословы сочли этот духовный опыт угрозой Благовествованию, тогда как на самом деле он был ему опорой. И как прискорбно, что эти теологи учили нас обличать такой духовный опыт, как искажающий и ложный. Этот метод воспитания привел к тому, что некоторые христиане, включая и миссионеров, заняли строго оборонительную, если не сказать – наступательную, по сути, позицию по отношению к нехристианским народам. Такая позиция вынудила их рассматривать христианские параллели в других культурах, как преграды для Благовествования, а не как открытые ворота с надписью «добро пожаловать».

Но вот другой вопрос. Что, если новообращенные какого-то народа, собственный духовный опыт которого облегчил им принятие Благовествования, впоследствии разочаруются в Благой Вести? Что, если они вернуться к собственному религиозному опыту и сочтут его вполне законченным? Что, если они создадут культ, оспаривающий церковь Иисуса Христа? Должны ли будем мы сказать тогда: «Ага! Это доказывает, что все их духовное знание было дьявольской природы!»

Нет! Если жена тупит мужнину бритву, разрезая линолеум – не значит ли это прежде всего, что он должен был позаботиться о правильном месте для лезвия? Ошибочное использование не отменяет первоначального назначения бритвы. Прежде чем отвергать чей-то духовный опыт или винить людей в их поступках, мы должны спросить сами себя, скажем, о следующем:

Соглашаясь с их религиозным опытом, не слишком ли много вопросов мы оставили без ответа? Не отказались ли миссионеры второго или третьего поколения уважать межкультурную методологию отважных первопроходчиков, которые первыми добились взаимопонимания с людьми этого района? Иногда, посещая миссии, я вижу, что миссионерам, продолжающим работу, начатую другими, даже в голову не приходит разузнать, какой способ общения считали эффективным их предшественники. Если эти продолжатели слишком многое принимают как само собой разумеющееся, они могут ненароком оскорбить новообращенных, отдаляя их тем самым от христианских церквей. И когда эти новообращенные постараются заполнить пустоту, образовавшуюся в их жизни, возвращаясь к древнему религиозному опыту, который, как они инстинктивно чувствуют, имеет какое-то отношение к Благовествованию, этот опыт может оказаться средством, используемым Сатаной, чтобы соблазнить юных верующих.

Есть и еще один вопрос – не унижение ли это для народов, подобных мбака или гедео, знать о существовании Коро-Магано и все же столетиями ждать, пока чужеземцы где-то в другой части света не решат, что «пожалуй пришла пора их проведать и рассказать, как им узнать Бога ближе».

Первым, немедленным ответом будет «да»! Такие люди, как члены племени мбака или гедео, часто ставят миссионера в неловкое положение, спрашивая: «Знал ли твой прапрадед путь к Богу?»

Знал!.. Почему же он не пришел и не рассказал о нем моему прапрадеду?»

Но чтобы ответить более полно, следует принять во внимание следующее соображение. Вспомните наиболее самонадеянных, наиболее чванливых людей, которых вы знаете (исключая себя). А теперь задайте себе вопрос: каков общий знаменатель, скрывающийся за такой чванливостью и самонадеянностью? Этим общим знаменателем неизменно окажется иллюзия независимости, уверенность надевшего шоры человека в том,

что он способен определять свою собственную судьбу. Но если вы отыщете среди самонадеянных людей того, кто полагает, что он даже Богу доставляет удовольствие, можно быть уверенным: этот – самоувереннее всех остальных. Нечего и удивляться, когда Господь, отвечая на человеческую самоуверенность, объявляет нас всех *зависимыми!* Не от наших «добрых дел», но от доброго деяния Сына Его на Голгофе! Это не оставляет нам ни единого основания для чванливой гордости. Но, кажется. Господь рассудил и посильнее того...

Вдобавок к тому, что Он отдал нас для спасения в зависимость от Своего Сына, Господь сделал нас зависимыми от ближнего нашего, который приносит весть об этом спасении. Иисус не напечатал ни одной книги. У нас фактически нет ни одного письма, написанного Его рукой. Не повелел Он в свое время и ангелам проповедовать Благовествование – ни вместо людей, ни одновременно с ними.

Вы можете догадаться, что произошло бы, включи Он ангелов в Свой отряд проповедников. Церкви, основанные ангельским пастырством, провозгласили бы свое преимущество над церквями, созданными старанием простых людей (или наоборот!).

В Божьих расчетах, однако, все действует таким образом, чтобы гордость человеческая не находила себе удобренной почвы. «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Пет. 5:5). Так что если урок духа, данный еврею самаритянином, пробудит в нем чувство скромности, Господь с радостью создаст для такого урока подходящую ситуацию (Лк. 10:25–37; 17:11–17). Точно так же Бог осаживает иногда гордых европейцев, сообщая им истину через их черных или желтых братьев из Азии и Африки. И напротив, возможно, самым полезным для души возмущенного сторонника борьбы за освобождение было бы найти путь истинного освобождения через представителя столь ненавистной ему господствующей расы.

Имея в виду эти принципы, я решил не подвергать сомнению выбор Господом самых невероятных посланцев для того, чтобы доставить весть о Себе всевозможным народам. Я всей душой надеюсь, что Он продолжит использовать вестников, которые представляют людей приподнимать брови – хоть на самую малость.

А теперь еще один-два примера народов, приготовившихся к Благой вести.

Китайцы и корейцы

Китайцы называют его *Шан Ти* – господин неба.

Некоторые ученые предполагают, что это имя может даже иметь отношение к древнееврейскому понятию *Шаддаи* в имени Эль Шаддаи – Всемогуший.

В Корее он известен как *Хананим*–Великий.

Вера в Шан Ти-Хананим старше конфуцианства, таоизма и буддизма на несчетное количество веков. Согласно Энциклопедии Религии и Этики, первое упоминание о какой бы то ни было религии в китайской истории указывает на одного лишь Шан Ти, как на ее основу. Появилось это упоминание примерно на 2 600 лет ранее Рождества Христова. То есть, оно существовало более чем за две тысячи лет до того, как в Китае возникло конфуцианство или любая другая стройная религия.

Верующие как в Корее, так и в Китае, кажется, с самого начала понимали, что Шан Ти-Хананим никогда не должен быть представлен идолами. По-видимому, народ Китая вполне свободно исповедовал веру в Шан Ти вплоть до начала правления династии Чжоу (1066–770 до Р.Х.). К тому времени китайские религиозные лидеры, ревностно настаивавшие на величии и святости Шан Ти, постепенно утратили представление о его любви и милосердии по отношению к людям. Вскоре они совершенно загнали себя в угол, определив, что только император считается достаточно добродетельным, чтобы молиться Шан Ти, да и то лишь раз в году.

Простым людям отныне и впредь запрещалось непосредственно чтить своего Создателя. Им было сказано, что отец-император сам обо всем позаботится.

Трагическое сходство связывает эту давнюю китайскую историю с решением Инки Пачакути отдать привилегию служения Виракоче одной высшей знати. Это его решение не только оставило народ без Виракочи, но и лишило Виракочу последователей среди инков, как только конкистадоры уничтожили их высший класс. И точно также китайская императорская политика мало того, что оставила народ без Шан Ти, но, в результате последовавших событий, оставила без приверженцев и самого Шан Ти.

То, что люди были лишены своего обычая почитать Шан Ти, образовало в Китае духовный вакуум. И вакуум этот не мог долго существовать без того, чтобы нечто не поспешило его запол-

нить. Прмечательно кстати, что только в течение трех столетий, завершивших правление династии Чжоу, как будто из ничего образовались три совершенно новых религии и стали поспешно замещать собой эту пустоту.

Первая – *конфуцианство* – прежде всего стала учить массы расставаться с религиозной преданностью верованиям предков и ставила во главу угла создание лучшего общества здесь, на земле. Забудьте о Шан Ти, – учил Конфуций, – он слишком высок и недоступен для простого человека. Оставьте его императору, который один только и может посвящать себя молитве от вашего имени. Иначе говоря, конфуцианство просто пыталось построить гуманистическую систему на основе существующего положения вещей. А древние верования служили в этом случае подачкой, чтобы усыпить религиозный человеческий инстинкт, не удовлетворяя его.

По понятным причинам радушно встреченное правящей знатью, конфуцианство стало расширять свои плацдармы. Но учению Конфуция нечем было ответить на врожденную религиозную потребность бóльшей части китайцев. И в результате, как возможная популярная альтернатива конфуцианству, возник таоизм.

В качестве утешения для томящихся от духовного голода китайских сердец *таоизм* предлагал смесь волшебства, философии и мистических догм. Таоисты высмеивали поиски Конфуцием идеального человеческого общества. Порядок мироздания, заявляли таоисты, неуклонно поддерживает существующее положение и будет упрямо сопротивляться любым попыткам его усовершенствовать.

Стал завоевывать себе сторонников и таоизм, но голод не унимался. И вот из Индии, через Гималаи, явилась она – новая религия, называвшаяся *буддизмом*. Кажется невероятным, что буддизм мог быть так благосклонно встречен в Китае – буддисты ведь настаивали на безбрачии. А что может быть более отвратительным для китайцев, с их всеобщей идеализацией брака и продолжения рода? Тем не менее, буддизм быстро приобрел широкую народную поддержку и в конце концов заслонил собой и конфуцианство и таоизм, став в Китае ведущей религией.

Отчего же буддизм так преуспел?

Во-первых, буддистские учителя избегали вступать в столкновения с местными обычаями, которые противоречили их учению. Они постоянно изменяли или приспособливали свои док-

трины, чтобы сделать их приемлемыми для китайцев. Буддизм просто впитался в китайское общество, как масло в свежий хлеб, если его слегка поджарить. Для упорного большинства, которое презирало безбрачие, буддистские проповедники услужливо выделили другие пути, на которых женатые китайские буддисты-первоклашки могли набирать хорошие отметки в своих поисках нирваны.

Но главная и окончательная причина, по которой буддизм был принят в Китае миллионами, была предельно проста – он продемонстрировал стремление обеспечить китайцев богами, которым те могли бы молиться.

Гаутама, основатель буддизма, не склонял своих последователей проповедовать идолопоклонничество. Он даже предостерегал их от создания новой религии. Буддизм начинался только как реакция на крайности индуизма. Сначала религия буддизма была, так же как и конфуцианство, если еще не в большей степени, сосредоточена на человеке.

Но последователи Гаутамы вскоре пришли к практическому выводу, что голодные до молитвы массы в Китае нуждаются в божествах, которым они могли бы кланяться до земли, а не в одних лишь гуманистических идеалах, к которым они могут в восхищении поднимать взоры. Буддийские священники увидели возможность усовершенствовать не только гуманистическое конфуцианство, но и таоизм с его философией, волшебствами и ритуалами. Поддерживали ли они возврат к поклонению Шан Ти? Сделать это – значило бы пересечь границы владений, которые считались собственностью императора. Но тут был один заманчивый ход.

Они вдохновили китайцев поклоняться самому Гаутаме, как *Будде* – Просветленному. Прах Гаутамы, должно быть, обратился в щелок и проел пол своей гробницы! Поскольку китайцам трудно было представить себе зрительный образ индийца Гаутамы, буддисты создали соответствующие его изображения с раскосыми глазами. Обратите внимание – только как вспомогательное средство для молитвы! В нужное время кто-то поддерживал идею возжигания курений у памятных статуй. И опять это было лишь для облегчения молитвы – не извольте сомневаться! И беспокоиться тут не о чем! Довольно быстро все сообразили, что статуи превратились в идолов, которым молятся, но к тому времени это никого уже не волновало.

Да, буддизм предоставил богов – но не *Бога*.

Шан Ти – Богу, которому молилось множество предков, основавших китайскую нацию, не было места в буддизме. Правда, он к такому месту и не стремился. Но Шан Ти, божьим промыслом которого, по утверждению самих китайских историков, было сделать эту нацию великой, более не считался богом, которому могут молиться простые люди.

Как служение Инти (содомский фактор у инков) почти окончательно погасило память о Виракоче, так буддизм тоже стал содомским фактором, почти полностью отвортив большинство китайцев – а некоторое время спустя и корейцев – от Шан Ти-Хананим.

Почти.

Неотступная память о Шан Ти сохранилась, несмотря на согласованные разрушительные усилия трех соперничающих религий. Даже спустя два с половиной тысячелетия после возникновения конфуцианства, таоизма и буддизма китайцы и корейцы, случалось, все еще говорили о Шан Ти-Хананим с заинтересованностью и определенным почтением. Случалось также, что и дети китайцев просили: «Папа, расскажи нам о Шан Ти». Корейские дети в этих случаях просили родителей рассказать им о Хананим. И китайские и корейские отцы тогда одинаково качали головами и говорили: «Мы так мало о нем знаем... Он очень далеко...»

Как и у Виракочи, у Шан Ти должен был бы явиться свой Пачакути. Но называясь Шан Ти (или Хананим), где же мог он отыскать защитников, которые уговорили бы отпавшие народы к нему вернуться?

В это время прибыли посланцы, несшие особое откровение Шан Ти-Хананим – иудео-христианское свидетельство. Но их свидетельство не стало непрерывным. Кроме того, эти вестники не всегда отождествляли свою благую истину с местными монотеистическими свидетельствами, уже принятыми в Корее и Китае как нечто полноценное.

Вместо того, чтобы призывать своих слушателей преклонить в раскаянии колени перед Шан Ти или Хананим – богом, которого отцы-основатели обеих наций почитали задолго до первого рассвета летописной истории – посланцы эти иногда необдуманно использовали для Всемогущего совершенно чужеродное имя. Временами они старательно настаивали даже, что этот «чужеземный» бог не похож ни на одного из тех, о котором китай-

цы или корейцы могли когда-либо слышать. Те, кто вел себя подобным образом, абсолютно не понимали действительного положения вещей. Просмотрели они и реальную возможность для своего проповедничества. Это было – как если бы Авраам отказался признать Эль-эльона.

Первыми в восьмом веке после Рождества Христова прибыли несториане. Затем Кублай-хан, восхищенный тем, что он узнал от Марко Поло о Благовествовании, отправил своих послов к Папе Римскому, прося прислать проповедников, которые учили бы Благой Вести об Иисусе Христе все население его империи. Империя эта в то время включала и Китай. Папа Римский с запозданием послал в ханские владения четырех священников. Кто-то из них умер в пути, остальные от страха повернули обратно.

Убежденный, что единобожие выше идолопоклонничества, Кублай-хан обратился тогда к исламу. И многие монголы в конце концов стали мусульманами.

Позднее римские католические священнослужители все же добрались и до Кореи, и до Китая, но в методах своих они смешивали разные приемы. Римские католики приняли для обозначения Бога на китайском языке такие слова, как *Тен Цзюй* – хозяин небес или *Тен Лао Е*. А затем в Корее они многие десятки лет пренебрегали естественно-близким именем *Хананим*, заменяя его теми же самыми китайскими понятиями.

Когда, наконец, в Китае появились протестантские миссионеры, они резко разошлись во мнениях по поводу того, следует ли употреблять имя Шан Ти, другие китайские слова или иностранное слово для обозначения Всемогущего. Одна из групп доказывала, что лучше «для нового понятия использовать новое имя». Но даже те, кто взял на вооружение имя Шан Ти, как правило, не принимали во внимание его древнюю связь с происхождением китайской нации и не воспользовались полностью его потенциальными возможностями. Отсутствие единства в этом важнейшем вопросе было, вероятно, основной причиной того, что протестанты добились меньшего успеха в Китае по сравнению с Кореей.

Когда в 1884 году протестантские миссионеры оказались в Корее, они продемонстрировали, наконец, полное единодушие. В документах отмечено, что, изучив корейские представления о сверхъестественном мире, они искренне признали, что в Корее у

Ягве может быть только одно имя – *Хананим*. Некоторые из них, возможно, согласились с этим именем из чистой лени. Они поняли, что, пользуясь им, преуспеют больше римских католиков, которые опередили протестантов в некоторых районах страны, но вводили для Бога иностранное имя.

Так или иначе, уже в 1890 году один из протестантских миссионеров писал: «Имя Хананим столь уважаемо и так широко используется, что в отношении будущих переводов и проповедей нет никакой опасности возникновения неподобающих споров, каковые имели место среди миссионеров в Китае много лет назад. Даже несмотря на то, что католики ввели имя, которым они пользовались в Китае, не было более провиденциального выбора для протестантских миссий в Корее, чем выбор имени Хананим – будь он основан на убеждении или вызван стремлением противопоставить себя католикам. Пламенно проповедуя в городах, городках, деревнях и поселках, протестантские миссионеры начинали с того, что укрепляли веру корейцев в Хананим. Основываясь на этом остаточном веровании, протестанты мастерски преодолели естественную неприязнь корейцев к поклонению какому-то чужеземному божеству. Смело обращаясь к людям, которые уже давно испытывали смешанный с печалью интерес к Хананим, они откликнулись на слова, провозглашенные в Листре апостолом Павлом: «В прошедших родах [Бог] попустил всем народам [включая корейцев] ходить своими путями [предпочитая Ему шаманство, конфуцианство или буддизм], хотя и не переставал свидетельствовать о Себе» (см. Деян. 14:16–17).

Развивая свои проповеди, протестанты объясняли, что Хананим заложил основы для будущего своего воссоединения с людьми, открыв себя в новом качестве одному народу – евреям. Он выбрал евреев не оттого, что они превосходили другие народы числом или высшими свойствами, но лишь потому, что Ему необходимо было особое оптическое стекло, чтобы запечатлеть Свое новое откровение на экране мировой истории.

Кроме того, Господь передал это откровение в виде записанных слов через избранных людей – Моисея, пророков и апостолов. И что важнее всего – Он дал Сыну Своему родиться во плоти среди евреев. Иисус, Мессия – Вечное Слово, единственно Праведный – принял смерть за грехи всех людей и затем восстал из мертвых, доказав всем, что Хананим принял Его жерт-

ву, как искупление. А потом Он отправил ко всем народам посланцев с доброй вестью о спасении, призывая их к покаянию и вере во имя Иисуса Христа, Сына Хананим.

Тысячи корейцев внимали протестантам с благоговейным страхом. Перед ними были люди, которые гораздо больше знали об истинном Боге, чем даже их царь, раз в году плативший ему дань почитания на священном острове посередине реки, неподалеку от Пхеньяна, корейской столицы. Перед ними были люди, которые свободно молились Хананим во имя Иисуса Христа, и молитвы их становились услышанными.

Все это производило на корейцев сильное впечатление. Одно из их собственных *таньгуньских* преданий подтверждало, что у Хананим был Сын, который решил жить среди людей. Миссионеры-католики, которые продолжали пользоваться для обозначения Всевышнего китайскими именами Тен Цзюй и Тен Лао Е, тем самым утверждали, как казалось корейцам, что китайская культура выше корейской. В те времена корейцам и без того трудно было не чувствовать себя второразрядной нацией по сравнению со своими высокообразованными и более развитыми в научном отношении соседями-китайцами. Они все больше и больше прислушивались к протестантским миссионерам. Вскоре глубокая реакция на Благовестование об Иисусе Христе потрясла большую часть Кореи.

Сегодня, век спустя после прибытия первых протестантов, приблизительно три миллиона корейцев принадлежат к протестантским церквям. Множество новых церквей открывают свои двери, чтобы принять все возрастающий поток новообращенных.

И по крайней мере, еще в одном отношении протестанты верно повели себя в Корее. Они настаивали на том, чтобы корейские церкви почти с самого своего рождения становились «самоуправляемыми, сами себя содержащими и сами проповедовали Благовестование». Если все идет как надо, пуповина может быть обрезана через считанные минуты после рождения ребенка. Если приняты правильные меры, ребенок может в первые же недели своей жизни даже научиться плавать. И точно так же, при верном обучении и подобающем примере вновь возникшие церкви могут стать вполне самостоятельными в удивительно короткий срок.

Первые миссионеры в Корее «приняли правильные меры», и в результате возникло несколько очень сильных церквей. В Сеу-

ле, к примеру, находятся два крупнейших в мире протестантских храма. Прихожане большего из этих двух храмов, называемого Центральный Храм Полного Евангелия составляли в 1983 году 270000 человек. Один этот приход превышает население многих небольших городов. Духовный наставник Пол Йонги Чо сформировал из прихожан Центрального Храма Полного Евангелия около десяти тысяч маленьких групп, в каждой из которых есть свой обученный наставник. Если когда-либо северокорейский коммунизм или какая-нибудь другая враждебная сила попытается уничтожить христианство в Южной Корее, Церковь Полного Евангелия будет готова развеять эти ячейки по всей стране, как семена по ветру. Внушительный храм, где теперь встречаются прихожане, станет тогда подобен пустой скорлупе, но Свидетельство продолжит свой путь.

Вторая крупнейшая протестантская конгрегация – пресвитерианская церковь Юн Нук сейчас насчитывает более сорока тысяч прихожан. По свидетельству доктора Сэма Моффатта младшего, Юн Нук является также плодотворной «матерью-церковью». Примерно двести дочерних церквей в Сеуле и его пригородах ведут свое происхождение от церкви Юн Нук.

А как же обстоит дело в Корее с католическими церквями? Доктор Сэм Моффатт говорит, что, видя, как расцветают протестантские церкви, в то время как их приходы росли очень медленно, римские католические священники созвали конференцию, чтобы разобраться, «в чем их ошибка». Занятно, что они сочли ошибкой свой отказ от имени *Хананим* и предпочтение ему некореи́ских имен для обозначения Всемогущего. Отныне и впредь они решили пользоваться именем Хананим.

Они вызвали дополнительное количество священников и открыли новую проповедническую кампанию. Их целью было – хоть и с опозданием но утвердить свое прочное единство с Хананим. С этого времени в Корее начал распространяться быстрее. Римская католическая церковь в Южной Корее располагает приблизительно миллионом прихожан, что доводит общее количество христиан в этой стране до 25 процентов всего населения. И это всего только за девяносто лет его прерывавшегося развития. Не совсем ясно, сможет ли католицизм когда-либо обогнать протестантские церкви в росте, которого они добились, избрав для Бога корейское имя и как можно раньше отдавая руководство церквями в руки самих корейцев.

Исполняя ожидания Господни, Южная Корея вполне может стать первой на земле нацией, более половины населения которой будет членами протестантских церквей. Если корейские христиане продолжат распространять Благовествование с тем же усердием, это может случиться еще до двухтысячного года. И не полагаются наши корейские братья на одни только материальные силы. Для предрассветных молитвенных собраний в корейских церквях характерно, что они включают тысячи ревностных просителей. Их главная молитва – о том, чтобы их братья и сестры в Северной Корее обратились от коммунизма к христианству!

И когда бы ни подули южные ветры, корейские христиане выстраиваются на вершинах холмов вдоль демилитаризованной зоны и выпускают воздушные шары, к которым привязаны Библии для их братьев по ту сторону границы.

Свидетельство о Хананим должно быть и там!

Глава вторая

НАРОДЫ ПОТЕРЯННОЙ КНИГИ

Бирманские Карены

В 1795 году неподалеку от Рангуна в Бирме случилось следующее происшествие.

– Если жители этой деревни не бирманцы, то как же они тогда себя называют? – спросил английский дипломат, одетый в пробковый шлем.

– Карены, – ответил его бирманский проводник.

Англичанин повторил слово, исковеркав его. Проводник не стал исправлять ошибку. Шотландец еще мог бы воспроизвести этот легкий щелчок языком, необходимый для азиатского произнесения звука «р», но англичане... Проводник давно бросил все попытки убедить их, что старания того стоят.

– Ладно, – сказал британец, – поглядим как выглядят эти кэриан.

Оказалось, что «кэриан» еще больше любопытствовали узнать, как выглядит сам англичанин. Эта первая встреча с белокожим европейцем привела в возбуждение всю деревню. Как привлеченные пламенем мотыльки, жители облепили дипломата, который только слегка отклонялся, когда смуглые жилистые руки протягивались, чтобы коснуться его плеч или щек. Бирманский проводник между тем сказал о них пренебрежительно:

– Осторожней! Они совсем дикие, эти люди с холмов. Думают только о том, чтобы украсть или подрасться. – Он усмехнулся.

Но это было совсем не так. На самом деле, среди множества племен в Бирме карены являлись наиболее развитыми. Однако бирманцы столетиями преследовали и эксплуатировали их, заставляя оправдывать вышеприведенное определение. Да и бирманские буддисты не могли простить каренам упорную приверженность к собственной религии, несмотря на неустанные попытки бирманцев превратить их в поклонников Будды.

Но англичанин все равно уже не слушал своего проводника. Веселье, которое он почувствовал в голосах каренов, покорило его. Каждый мужчина вокруг него, каждая женщина и каждый

ребенок излучали радостное доброжелательство. «Какая ободряющая разница с привычной отчужденностью бирманской толпы по отношению к иностранцам» – подумал он.

Карен, умевший говорить по-бирмански, что-то объяснил проводнику.

– А вот это уже интересно, – сказал бирманец, – эти дикари надеются, что может быть вы – тот самый «белый брат», которого весь их народ ждет с незапамятных времен.

– Вот как? – проговорил дипломат, – спроси их – что же этот «белый брат» должен сделать, когда он придет?

– Он должен принести им книгу, – отвечал бирманец, – Точно такую книгу, как та, что их предки потеряли давным-давно. Вот они и спрашивают – да прямо вздохнуть боятся! – «не принесли ли вы ее?»

Англичанин громко расхохотался.

– И кто же, скажи на милость, автор книги, способной так заворожить этих неграмотных людей?

– Они говорят – это книга И-Ва, Высшего Бога. Еще они говорят... – но тут бирманец остановился в затруднении, и лицо его стало мрачнеть, – они говорят, что, вернув им потерянную книгу, белый брат освободит их тем самым от угнетателей.

Бирманец жутко нервничал. Ну и наглецы же эти карены! Английский дипломат входил в делегацию, посланную, чтобы разрешить спор между Британией и Бирмой – спор, который мог послужить Британии предлогом для включения Бирмы в свои имперские владения – чего бирманцы так боялись. И вот эти дошлые карены практически предлагали англичанину так и поступить. Кто бы подумал, кипел он от злости, что простые дикари способны на такую хитрость!

Чувствуя его раздражение, англичанин тоже начал поживаться. Достаточно одного слова проводника – и бирманские власти обрушатся с мечами и копьями на этих бедных поселян.

– Скажите им, что они ошиблись, – распорядился он, надеясь успокоить бирманца, – я не знаком с этим богом по имени И-Ва. Нет у меня и ни малейшего понятия, что это может быть за «белый брат».

Дипломат, сопровождаемый проводником, быстро зашагал прочь от деревни. Полные недоумения сотни каренов следили

за тем, как он уходит. Они не устраивали политического заговора. Они просто со всей искренностью повторяли предание, преследовавшее их с древнейших времен.

– Неужели наши праотцы ошибались? – спросил молодой карен.

– Не беспокойся, – отвечал ему более старший, пытаясь обнадеживающе улыбнуться, – однажды он придет. Могут не сбыться другие пророчества, но это сбудется наверняка.

Вернувшись в только что основанное в Рангуне британское посольство, дипломат доложил о странной встрече в деревне каренов своему начальнику, подполковнику Майклу Саймсу. Саймс, в свою очередь, упомянул о ней в документе, озаглавленном «Отчет посольства в королевстве Два за лето 1795», изданном тридцать два года спустя в Эдинбурге, в Шотландии.

В следующие 175 лет те, кто случайно перелистывал отчет Саймса, если и обращали, то лишь беглое внимание на это занятное описание каренского предания. Анекдотический характер инцидента прочно заслонял его историческую примечательность. Да и вообще, не слишком заинтересованы были англичане XIX столетия в том, чтобы посещать азиатов в качестве «белых братьев». Роль белых хозяев их устраивала больше. И действительно, начиная с 1824 года Британия приступила к серии нападений на Бирму и в конце концов стала править этой экзотической страной в течение почти целого столетия.

Но еще до британского вторжения история зарегистрировала вторую встречу иностранцев с каренской традицией утерянной книги.

В 1816 году один мусульманский путешественник забрел в отдаленную деревушку каренов примерно в двухстах пятидесяти милях от Рангуна. Карены тщательно обследовали его, как они обследовали каждого иностранца, попадавшего к ним, особенно белокожего, надеясь встретить своего «белого брата». Ну что ж, мусульманин оказался не то чтобы очень белокожим, но среди вещей у него была книга. И он утверждал, что в книге говорится об истинном боге.

Видя, как сильно они зачарованы книгой, мусульманин отдал ее в качестве подарка пожилому каренскому мудрецу. Потом люди говорили, что он предложил им молиться этой книге, но кажется маловероятным, чтобы мусульманин мог дать совет такого рода. Вероятно, он просто сказал, чтобы они хорошень-

ко ее поберегли до того дня, когда им повезет, и появится учитель, который переведет им эту книгу.

Мусульманин продолжил свое путешествие и больше не возвращался.

Старец, получивший книгу, обернул ее в кисею и спрятал в особую корзину. Постепенно у жителей деревни выработался ритуал поклонения священной книге. Старик же нарядился в цветастое одеяние, приличествовавшее его роли хранителя книги, и носил особую дубинку в качестве символа своей духовной власти. И что горше всего – он сам и его народ держали постоянные бдения в ожидании учителя, который однажды явится в деревню и откроет их разумению содержание священной книги.

Но это еще не все. Наверно в тысяче, а то и больше, каренских деревень Бирмы люди, называемые букхо, своеобразные наставники, представлявшие не злых духов, а самого И-Ва, истинного Бога – да-да, карены действительно почитали их пророками Истинного Бога – так вот, эти наставники неустанно напоминали каренам, что пути И-Ва и пути злых духов – не схожи. Однажды букхо окончательно подтвердили, что народ каренов должен целиком вернуться на пути И-Ва.

На самом же деле эти каренские пророки просто обучали народ гимнам, передаваемым из поколения в поколение только устными пересказами. Подобно гимнам, которые Пачакути слагал для Виракочи, каренские гимны И-Ва открывают нам, сколь ошеломляюще ясной может быть в народной религии идея единого истинного бога. С помощью этих гимнов благоговейный страх и почитание И-Ва, Бога истинного хранились живыми в сердцах каренов, не позволяя им опуститься до буддизма с его идолопоклонничеством. Один из этих гимнов превозносит вечность существования И-Ва:

И-Ва – бессмертен, жизнь его длинна.
Проходит вечность – не умирает он!
Проходит другая – не умирает он!
Он совершенен в своих достоинствах.
За вечностью следует вечность – не умирает он!

Другой гимн восхваляет И-Ва, как Творца:

Кто сотворил мир с самого начала?
И-Ва сотворил мир с самого начала!
И-Ва расставил все по местам.
Непостижимый И-Ва!

Еще в одном гимне передается глубокое постижение всемогущества и всеведения И-Ва одновременно с пониманием недостаточной близости к нему каренов:

Всесилен И-Ва, и мы не уверовали в него.
В глубокой древности создал И-Ва человека;
Он знает все в совершенстве!
Вначале создал И-Ва человека;
Все ведомо ему – от начала до нынешних времен!
О дети мои и внуки!
Вся земля – след стопы И-Вы.
И небеса – место, где он восседает.
Он видит все, и мы – его зримое свидетельство.

В каренском рассказе о человеке, отправшем от Бога, содержатся потрясающие параллели с первой главой Книги Бытия:

Изначально построил мир И-Ва.
Он определил – что есть и что пить.
Он создал «плод испытания».
И указания его были точны.
Му-ко-ли подверг соблазну двух людей.
Из-за него они отведали плод от дерева испытания.
Не послушались они, не поверили И-Ва...
И, поев плода испытания,
Беззащитными стали перед болезнями, старостью и смертью...

Алонзо Банкер, который в конце XIX века прожил тридцать лет среди каренов, так рассказывает о типичном вечернем уроке, проводимом каренскими букхо в джунглях Бирмы, неподалеку от Таунгу:

«Почти невозможно описать ни торжественный и почтительный тон, с которым эти белые, как лунь, старики перечисляли вслух свойства И-Ва, ни то, с каким благоговейным вниманием слушали их дети... они были словно магнитом притянуты к этой группе старцев. Затем на некоторое время воцарилась тишина, сопровождавшаяся лишь треском хвороста и бамбука в костре. И вот старый деревенский пророк поднялся и, протянув руки, как для благословения, произнес:

– О дети и внуки! Некогда И-Ва любил каренов больше всех других народов. Но они ослушались его повелений, и по этой причине... теперь мы страдаем. Из-за проклятия И-Ва бедственно наше теперешнее положение, и нет у нас книг.

И вдруг, как будто великая надежда озарила его лицо, когда, подняв глаза к звездам, он воскликнул:

– Но И-Ва вновь проявит к нам сострадание и опять будет любить нас превыше прочих. И-Ва спасет нас снова! Это из-за (того что мы послушались) слова Му-ко-ли (Сатаны) мы страдаем.

Затем последовало... вдохновенное чтение древних стихотворных преданий... Старик... произносил их с естественной выразительностью, которую легко почувствовать, но невозможно описать:

– Сотворив Та-наи и И-у, поместил их И-Ва в сад и сказал: «Семь разных деревьев я создал для вас... и семь разных плодов они несут на себе. Есть среди семи деревьев одно, плоды которого есть не следует... Стоит вам отведать их – и вы станете стареть, делаетесь больными и умрете... Ешьте и пейте с осторожностью. Я буду навещать вас раз в семь дней».

Как-то явился к мужчине и женщине Му-ко-ли и сказал:

– А вы почему здесь?

– Отец наш здесь нас поселил – отвечали они.

– Чем вы тут питаетесь? – спросил Му-ко-ли.

– Господин наш И-Ва создал нам пищу – пищу, которая не кончается.

– Покажите мне вашу пищу – сказал Му-ко-ли. Они стали указывать на плоды, говоря:

– Вот этот – вяжет, а этот – сладкий, этот – кислый, этот – горчит, вон тот пряный, а этот жгуче-острый... Но вкуса этих плодов мы не знаем – кислы они или сладки. Отец наш, господин И-Ва, сказал: «Не ешьте плодов этого дерева. Если съедите их, вы умрете».

Тогда Му-ко-ли сказал:

– Это не так, дети мои. Ваш отец И-Ва сердцем не с вами. Это сочнее и слаще плоды... Если вы отведаете их, вы обретете сверхъестественную силу. Вы сможете вознестись на небеса... Я люблю вас и говорю правду, ничего от вас не утаивая. Если вы мне не верите – не ешьте этих плодов. Но если вы только попробуете их, тогда вы будете знать все... Далее в этой истории мужчина Та-наи отказывается от соблазна и уходит прочь. Женщина же задерживается, поддается искушению и пробует плод, а затем соблазняет и своего мужа, который тоже его отве-

дывает. Рассказ Алонзо Банкера продолжается: Женщина вернулась к Му-ко-ли и сказала: «Муж мой поел плода».

Безумно расхохотался Му-ко-ли.

– О, побежденные мной мужчина и женщина! Вы послушались моих слов и подчинились мне.

На следующее утро И-Ва пришел их проведать. Но они не пошли за ним, как бывало, распевая ему хвалу. И-Ва приблизился к ним и сказал:

– Зачем вы отведали плоды дерева, с которого я запретил вам есть?.. Теперь вы будете стареть, начнете страдать от болезней и умрете.

Прокляв человека, И-Ва покинул его... Со временем пришли болезни. Заболел один из детей Та-наи и И-у. Тогда они сказали друг другу: «И-Ва отказался от нас. Мы не знаем, что делать. Надо пойти и спросить Му-ко-ли».

Итак, они пошли к Му-ко-ли и сказали ему:

– Мы поверили твоему слову и отведали плодов. Теперь наш ребенок заболел... Что ты нам посоветуешь?

– Вы не подчинились своему отцу, господину И-Ва, – отвечал Му-ко-ли, – вы послушались меня. Отныне, раз вы покорились однажды, подчиняйтесь мне до конца.

Затем старый пророк, все продолжая древнюю стихотворную притчу своего народа, рассказал, как Му-ко-ли научил их основным жертвоприношениям, необходимым в случае разных болезней. Эти жертвы следовало приносить его слугам – нагам (духам), которые распоряжались каждой болезнью, равно как и несчастьями.

Рассказал старик и о том, как Му-ко-ли научил их колдовать с помощью птичьих костей, которые стали для этих жителей холмов средством разрешения почти всех жизненных положений.

Алонзо Банкер приводит и каренскую «Песню надежды», выражающую их ожидание неизбежного возвращения И-Ва:

В назначенный срок И-Ва придет.

...Мертвые деревья зазеленеют и расцветут...

Засохшие деревья будут снова цвести и благоухать.

Придет И-Ва и приведет великую Тау-Ти.

(Тау-Ти, по-видимому, имя священной горы)

Давайте же вознесемся духом и помолимся.

Еще одна песня надежды говорит о царе, который возвратится:

Добрые люди – добродетельные –
Войдут в серебряный город, в город из серебра.
Праведные люди – праведники –
Войдут в новый город, в невиданный город.
Те, кто верит своим отцу и матери,
Возрадуются в золотом дворце.
Когда придет царь каренов,
Будет только один правитель.
Когда придет царь каренов,
Не станет ни богатых, ни бедных.

Несмотря на постоянно присутствующее и распространяющееся влияние в Бирме буддистское идолопоклонничество, каренские пророки неустанно укрепляли свой народ в противостоянии идолопоклонству, с помощью таких, например, изречений:

О дети и внуки!
Не молитесь идолам или священникам!
Не дадут вам никаких выгод эти молитвы,
Тогда как грехи ваши возрастут стократно.

Святой обязанностью является также уважение к родителям:

О дети и внуки! Почитайте отца и мать
и благоговейте перед ними!
Ибо, когда вы были малы, их забота о вас была
не заботой москита, который вас укусил.
Согрешить против родителей – страшное преступление.

Пророчествующие о Всевышнем среди каренов подчеркивают также обязанность человека любить Бога и своего ближнего.

О дети и внуки! Любите И-Ва. И не так,
чтобы лишь упоминать его имя (всуе).
Если вы лишь произносите его имя (всуе),
Он уходит от нас все дальше и дальше!
О дети и внуки! Не ищите удовольствия
в спорах и скандалах, но любите друг друга.
И-Ва глядит на нас с небес.
И если мы не любим друг друга,
Это значит – мы не любим И-Ва.

Каренам, которые нарушили закон, предлагается раскаяться и уповать на милосердие И-Ва:

О дети и внуки! Если мы раскаемся в наших грехах,
И прекратим творить зло, удерживая наши страсти,
И станем молиться И-Ва –
он снова подарит нам свое милосердие.
Если у И-Ва не будет для нас прощения,
никто не сможет его нам дать.
Он – единственный, кто нас спасет – И-Ва.
Не упущена и важность молитвы:
О дети и внуки!
Молитесь И-Ва неустанно и ночью и днем.

Карены, таким образом, представляют для теологов впечатляющую аномалию. Иисус, как сообщает нам Благовествование, отметил религиозную чуткость некоторого числа язычников – сравнительно небольшого: римского центуриона, сирофиникиянки, царицы Савской, Неемана Сириянина, вдовы Сарептской, ниневитян и так далее. Равно как и апостол Петр был поражен неожиданной набожностью язычника по имени Корнилий (см. Деян. 10:54). Племя каренов, однако, предстает перед нами сотнями тысяч личностей, чье интуитивное знание основных духовных истин в среднем вполне сравнимо с подобным качеством евреев или христиан за всю историю человечества.

Более того, в благочестии язычников, отмеченном в Библии, каждый раз, кажется, можно отыскать следы влияния евреев. В двух случаях оно было результатом учительства Самого Иисуса. Но карены жили за четыре тысячи миль от Иерусалима. Допустим, что имя их бога – И-Ва – предполагает отголоски иудейского Ягве. Но собиратели каренских традиций не сообщили нам ни о каких аналогиях с Авраамом или Моисеем – второй и третьей важнейших фигурах иудаизма. Влияние евреев, безусловно, включало бы настойчивое упоминание этих имен.

И точно так же, если традиции каренов уходят корнями к влиянию, скажем, несториан VIII столетия или более поздних миссий римских католиков XVI, XVII или XVIII веков, можно было бы рассчитывать на упоминание о вочеловечении или о Спасителе, принявшем смерть во искупление человеческого греха и восставшего из мертвых.

Но и подобных идей я не нашел в сообщениях тех, кто изучает каренские традиции.

И если мы предположим, что иудейские или христианские влияния (или и те, и другие) коснулись каренов, но так мимолет-

но, что закрепили в них лишь основные представления о Боге, сотворении мира и грехопадении, тогда перед нами встает трудный вопрос. Как же смогло такое поверхностное влияние произвести столь глубокое и прочное впечатление на весь народ – тем более, что буддизм и их собственная религия духов изо всех сил и столь долгое время с этим влиянием боролись?

История учит нас, что только очень сильное и очень длительное влияние способно внушить новую религиозную идею, преодолев сопротивление чуждой ему культуры, особенно когда иные влияния – в данном случае буддизм и духопочитание – настолько противоположны этой новой идее.

А не может ли быть, что вера каренов в И-Ва предшествовала и иудаизму и христианству? Не выросла ли она из древних корней монотеизма, который преобладал во времена ранних патриархов? Ответом будет почти уверенное «да»!

Но гораздо более удивительной стороной монотеизма каренов было откровенное признание ими его незавершенности. А в связи с естественной тенденцией большинства людей во всем мире относиться с неприязнью и недоверием к чужестранцам, особенно если они отличаются цветом кожи – не менее удивительна и страстная вера каренов в то, что полноту веры им приносят «белые чужеземцы».

В одном из их гимнов говорится:

Сыновья И-Ва, белые чужеземцы
обрели слово И-Ва.
Белые чужеземцы, сыновья И-Ва
обрели слово И-Ва давным-давно.

Где-то в тридцатые годы прошлого столетия к английскому губернатору Бирмы обратился с речью карен по имени Сау-Куа-Ла. Он сказал, что европейцы, «белые чужестранцы», вначале были младшими братьями каренов. Карены, будучи старшими братьями (и жутким сбродом, каковым они в то время являлись), по неосмотрительности потеряли свою книгу И-Ва. Белые же братья бережно свою сохранили. В результате белые люди стали праведниками и известны как «проводники к Богу». К тому же они научились плавать через океаны на кораблях с «белыми крыльями».

Алонзо Банкер таким образом сводит воедино предания каренов: «Спаситель [для каренов]... должен был быть «белым чужеземцем», явиться с запада, из-за моря на «белых крыльях» [пару-

сах] и принести «белую книгу» И-Ва». Некоторые варианты предания говорят, что книга должна быть золотой и серебряной.

Таким образом, народ каренов замер в виде восьмисоттысячной встречающей делегации, готовой принять первого же, ничего не подозревающего миссионера, явившегося к ним с Библией и с вестью от Бога о спасении. Кем бы он ни оказался, его судьбой было насладиться одной из величайших в истории привилегией.

Прежде чем открыть, кто же был этот избранный, и чего стоило направить его по этому пути, давайте оглядим горизонты Бирмы и прилегающих к ней стран, чтобы узнать, кто еще, затаив дыхание, ждал вести от Всемогущего...

Качины

На самом севере Бирмы еще полмиллиона неистово свободлюбивых людей в красных тюрбанах – народ, называемый качины, тоже обладал представлением о своем создателе. В их национальной религии творец, которого зовут *Карай Касанг* – милосердная сверхъестественная сущность, «чьи пределы и формы превышают человеческую способность постижения». Иногда качины называют его *Хпан Ва Нинсанг* – Тот Преславный, Который Творит, или *Че Ва Нингсанг* – Тот, Кто Знает.

Доктор наук Герман Тегенфельдт, живший среди качинов около двадцати лет и изучивший их язык, писал: «Верующие в духов качины не приносят жертв Карай Касангу. «Зачем? – сказал один из них, – он не причинил нам никакого вреда». Нет у племени и обычая возносить ему молитвы. И тем не менее, в случае крайней нужды, когда жертвы другим духам не помогают, известно, что качины обращаются с громкими жалобами к этому далекому великому духу».

Так же как и карены, качины верят, что однажды Карай Касанг дал их предкам книгу, которую те потеряли. Верования качинов не уточняют, каким способом она будет им возвращена, но, по всем признакам, они рассчитывают, что книга, возможно, когда-нибудь к ним вернется.

Кто же вернет эту книгу качинам?

Лаху

На юго-восток от качинов и на северо-восток от каренов, в районе, где Бирма вдвигается между Китаем и Таиландом, что-

бы достичь стомильной границы с Лаосом, живет около четверти миллиона людей, называемых лаху. В течение нивесть скольких столетий среди людей лаху также живет предание, в котором говорится, что Гуи Ша – Творец всего – дал их праотцам закон, написанный на рисовых лепешках. Но пришел голод, и предки съели лепешки – только чтобы остаться в живых. Они объяснили для себя это так, что закон Гуи Ша будет теперь у них внутри. И лаху в самом деле верили, что ощущение закона Гуи Ша все еще живо среди них, так как их предки съели священные рисовые лепешки. Но они не могли быть до конца послушными Создателю, пока не получают опять запись точно сформулированных его законов.

Подобно каренам, были свои пророки у Бога и среди лаху. Их задачей было постоянно поддерживать в сердцах людей лаху надежду на помощь Гуи Ша. С этой целью они повторяли речения, подобные например такому: «Даже если бы у человека было десять охапок посохов, и он шел бы и шел, пока ни сотрутся они все без остатка, он и тогда не нашел бы Гуи Ша (истинного бога). Но придет час, и Гуи Ша сам пошлет к нам белого брата с белой книгой своих белых законов – со словом, столь давно утерянным нашими праотцами. Белый брат донесет эту утраченную книгу до самых наших сердец».

Некоторые лаху даже носят на запястьях шнурки, символизирующие одновременно и их связь с натами (духами), и нужду в назначенном Богом спасителе, который однажды освободит их руки от этих пут.

Горы Бирмы, Китая и Таиланда, где поселились лаху, представляли собой сцену для захватывающей дух драмы. Где же были белые братья, которые одни только и могли заставить занавес на этой сцене подняться?

Но мы даже не приблизились еще к концу...

Ва

Рассыпавшись среди гор, которые возвышаются между расположением качинов и лаху, жили еще сто тысяч членов племени, называемого ва. Ва охотились за головами – но не так уж беспорядочно и неразборчиво! Лишь раз в году, во время сева, люди ва чувствовали, что их кровожадные духи требуют зарыть на полях вместе с семенами человеческие головы. Заметьте – только

чтобы обеспечить хороший урожай! На самом деле они никому не хотели причинять зла.

Соседние племена всегда надеялись, что смогут убраться куда-нибудь подальше, на отдых, когда у ва наступало время посева. Увы, к несчастью, именно в это время им и самим надо было сеять.

Но внутри народных верований племени вели свою работу и добрые влияния. Время от времени среди людей ва возникали пророки бога истинного, которого они называли Сайе, и открыто осуждали охоту за головами и поклонение духам. Один такой пророк появился в восьмидесятих годах прошлого века. Люди народа Шан называли его Пу Чан (его имя на языке ва нам неизвестно). Он убедил несколько тысяч жителей одного из селений ва под названием Понг Лай покончить с охотой за головами и духопочитанием. Каким образом? Сайе, истинный бог, сказал он, готов послать к ним долгожданного «белого брата с потерянной книгой». Если он приблизится к земле ва и услышит, что они творят грешные дела, он может решить, что они не достойны книги истинного бога, и вернуться назад. И если такое случится, предупреждал Пу Чан, народу ва наверняка никогда больше не будет предоставлена возможность вернуть себе утраченную книгу.

Как-то утром Пу Чан оседлал пони и сказал своим ученикам: «Следуйте за лошадкой. Ночью Сайе сказал мне, что белый брат наконец где-то рядом. Сайе заставит этого пони привести вас к нему. Когда вы отыщете белого брата, посадите его на пони. Мы будем неблагодарными людьми, если вынудим его оставшуюся часть пути идти пешком».

Пока ученики Пу Чана разевали от изумления рты, пони тронулся с места. Предполагая, что животное остановится у ближайшего ручья, они пошли следом. Приведет ли их пони к «белому брату»? К тому самому, истинному?

Племена шан и палаун

Даже некоторые исповедовавшие буддизм народы на юго-востоке Азии проявляли крепкую веру в пришествие мессии. По некоторым источникам, их мессия явится лишь «пятым воплощением Будды» под именем *Пра Арайя Майтрея* – Господь Милосердия. И тем не менее, то, что эти народы ожидали Бога Милосердного, указывает на понимание ими основной потребности человека.

Благовествование также обращается к этой потребности, хотя провозглашенный им Господь Милосердный никоим образом не является пятым воплощением Будды.

Есть предположения, что в буддистских текстах приводились слова Гаутамы Будды, говорившего: «После меня придет Пра Арайя Майтрея – Господь Милосердия. Когда он явится, мои последователи должны пойти за ним!» По одной теории, эти писания были уничтожены во время войны в Лаосе. Но устные предания остаются широко распространенными не только в Лаосе и северном Таиланде, но и среди племен шан и палаун на востоке Бирмы, где Пра Арайю Майтрею, согласно Александру Маклишу, зовут Аре Митайя.

По поводу роли, которую играет Аре Митайя в жизни народов шан и палаун, Маклиш пишет: «Ни один образ во всем их религиозном мире не вызывает у них столь мгновенного интереса. В одной из их книг [относящихся к Аре Митайе] были найдены стихи [очень близкие к словам из] Книги Пророка Исаии [в которых говорится:] «Каждая долина возвысится, и каждая гора опустится, и искривленное распрямится, и неровное делается гладким». И они ожидают, что, когда придет Аре Митайя, он буквально исполнит это пророчество».

Маклиш говорит далее, что палауны, строя новый дом, всегда добавляют лишнюю комнату, которую держат готовой в ожидании Аре Митайи. Эту комнату регулярно прибирают, несмотря на то, что члены семьи никогда ею не пользуются. По ночам в ней всегда горит маленький светильник. Повидимому, никому не было известно, когда явится Милосердный Господь, и какое именно жилище он выберет для отдыха. Так что все хижины должны были стоять готовыми в любое время.

Точно так же как любая девочка во времена Ветхого Завета лелеяла надежду, что именно она станет матерью Мессии, каждая семья палаунов, как видно, надеялась, что именно ее дом окажется однажды прибежищем для этого буддистского Бога Милосердия.

Кая Бирмы и Таиланда

Еще Маклиш рассказывает, что члены племени кая, живущие вдоль границы Бирмы и Таиланда, возводят молитвенные постройки, посвящая их Богу Истинному в ожидании Его посланца,

который с утраченной книгой в руках войдет в эти дома молитвы, чтобы учить народ. Никогда в таких местах не было установлено ни одного идола. Но люди как собирались там и неуверенно, не совсем внятно молились Великому Всевышнему Богу.

Китайские лису

А тем временем по другую сторону границы в провинции Юньнань на юго-западе Китая терпеливо ждали прихода белого брата с книгой истинного Бога, написанной на их собственном языке, несколько тысяч жителей, которые составляли народ лису, селившийся на холмах. Это становится особенно интересным, если принять во внимание, что в языке лису не было даже алфавита – уж какие там печатные труды! Неважно! Лису были убеждены, что однажды он придет и даст им Божественную книгу, написанную на их языке.

Когда мы получим эту книгу, говорили они, у лису будет свой собственный царь, чтобы править людьми (в течение многих поколений лису подчинялись жесткому правлению китайцев).

И все же мы еще не дошли до конца...

Ингуйские нага

Вполне ясным представлением о «божестве с ярко выраженным личным характером, которое связано более с небом, чем с землей» и «стоит превыше всех других» обладали двадцать четыре племени индийской народности нага, жившие у гор, охраняющих северо-западную границу Бирмы. Имя этого бога на чейксангском диалекте было Чипо-Туру – бог, поддерживающий мир. На диалекте коньяков его звали Гуанг.

По меньшей мере, одно из этих двадцати четырех племен располагало уточняющими сведениями о том, что эта Высшая Сущность наделила их предков своим словом, написав его на звериных шкурках. Но праотцы плохо заботились об этих шкурках. Их съели собаки.

Среди нага тоже время от времени появлялись пророки. Некто Пхивеи Дозо, сам принадлежащий к народности нага, описывает одного из пророков – женщину по имени Хамхинатулу, жившую, по всей вероятности, в XVII столетии. Согласно этим описаниям, подробности ее пророчеств обнаруживают поразительное соответствие как библейским первоосновам, так и со-

бытиям, начавшим разворачиваться для людей нага в начале XX века. Но мы забегаем вперед...

Дозо также утверждает, что в культуре нага содержались, удивительно схожие с библейскими, обычаи, такие, как: воздвижение памятных камней в особых местах, жертвы «начатков всех плодов», жертвенная кровь, жертвы святых животных, употребление опресноков, прокалывание ушей, постоянное поддержание священного огня, особое почитание числа «семь», праздники урожая и дудение в трубы после его сбора.

И никогда нага не создавали изображений Чипо Туру!

Ветхий Завет указывает, что даже держа записанный Закон Господен в своих собственных руках, евреям иногда трудно было сохранять послушание этому закону. На протяжении большей части Ветхого Завета большинство детей Авраамовых поклонялось идолам! Некоторые даже доходили до такой крайности, что сжигали собственных детей живыми перед идолом, звавшимся Молох. У людей нага тоже хватало сложностей. Обычным делом у них являлось рабовладение. Но ведь до середины XIX века оно использовалось и некоторыми христианами, а во многих мусульманских странах считается законным и сегодня. Охота за головами была причиной неоправданной гибели людей. Курение опиума (принесенное, кстати, британцами с целью ослабить военную силу племен нага), подавляло их инициативу. Но для неграмотного народа, подверженного искушениям духопочитания с одной стороны и идолопоклонничества буддистов и индуистов с другой, нага прекрасно справлялись, поддерживая столь глубокое осознание Бога в течение столь долгих столетий. Что же являли бы собой нага, не потеряй они Священного Божьего Писания?

Ингуйские мизо

На триста миль юго-западнее того места, где поселились нага, и так же по обе стороны границы Индии с Бирмой живет еще один трехсотпятидесятитысячный народ, называемый в Индии мизо. Бирманцы зовут его лушей. Член племени мизо, которого звали Хминга, так описывает представления его народа о *Патиане* – высшем боге: *Па*, говорит он, означает «отец», а *иан* может служить обозначением понятия «святой». Таким образом Патиан, по всей видимости, значит «святой отец». Мизо считали Патиана

«творцом всего... добрым существом, которое, тем не менее, проявляет не слишком большой интерес к людям». Цитируя автора по имени Макколл, Хминга говорит: «[Мизо] верили в существование единого всевышнего бога, всечеловеческого бога добра». В то время как качины никогда не устраивали жертвоприношений Карай Касангу – таково было их имя для Всевышнего – мизо приносили жертвы Патиану. Но только ему одному!

Хминга утверждает, что однажды человеку, чье имя было Дарпхока, предстало пророческое видение, которое оставило в нем глубокий след. «Ночью он услышал голос, сказавший ему: «Великий свет придет с запада и засияет над землей мизо. Следуйте за этим светом, ибо люди, которые его принесут, будут из рода правящих...» [Затем уже сам пророк сказал людям своего народа:] «Может быть, моей жизни не хватит, чтобы увидеть этот свет, но когда он придет, следуйте за ним. Следуйте за ним!»

Тегенфельдт, в свою очередь, цитирует писателя Хэнсона, который утверждал, что мизо располагали и преданиями о священной книге. Вначале Патиан дал ее далеким предкам мизо, но позже они ее потеряли.

Целых десять народов! И каждый из них был предельно открыт для понимания Благой Вести об Иисусе Христе, если бы только они знали о том, что она уже живет в мире! Десять народов, составлявших более трех миллионов мужчин и женщин. Десять народов, собранных вместе на участке юго-восточной Азии, равном по размеру штату Техас, и ждавших... ждавших... пока люди И-Ва, жившие в других странах, позволяли уплывать одному столетию за другим? Но вот наконец стало рассветать к приходу нового дня.

В 1817 году, после долгого морского путешествия из Америки, благочестивый баптистский миссионер, по имени Адонирам Джадсон сошел с корабля у Рангуна. Разумеется под мышкой у него была зажата Библия, но ни малейшего представления не имел он о том невероятном значении, которое было заключено в этой книге для более чем трех миллионов людей, живших в восьмистах милях от причала, где он стоял.

Джадсон нашел пристанище в Рангуне. С величайшим старанием он изучил бирманский язык. Через некоторое время, одетый в желтый халат, похожий на те, что носили в Бирме учителя буддизма, он вышел из дому, отправился на базар и стал проповедовать Благовестование бирманцам-буддистам. Реакция,

увы, оказалась ничтожной. Часто ему приходилось бороться с почти одолевавшим его чувством разочарования. Только после семи лет проповедничества нашел Джадсон среди бирманских буддистов своего первого последователя.

Мимо его дома каждый день проходили вовсе ему незнакомые карены. По своему обычаю, они часто пели гимны И-Ва – богу истинному. Если бы только Джадсон сумел выучить и их язык, содержание этих гимнов его бы ошеломило. И почти наверняка он нашел бы у скромных каренов гораздо более сильный отклик на Благовествование, чем мог вообразить в самых тайных своих мечтах. В полном неведении о религиозных возможностях каренов, зачастую лишенный всякого утешения, Джадсон все больше склонялся к идее перевода Библии на бирманский язык, поскольку попечение о его немногих новообращенных оставляло ему массу свободного времени.

И вышло так, что этот его перевод стал основой для всего, достигнутого его коллегами по миссионерству среди множества малых народов Бирмы. Если бы сам Джадсон сразу столкнулся с приемом, подобным тому, который способны были оказать Благовествованию карены, он, может быть, и не нашел бы времени закончить свой перевод.

И вот по воле Провидения в тот самый дом, где остановился Джадсон, пришел грубый, как невыделанная кожа, мужчина-карен. Он искал работу, которая помогла бы ему выплатить долги. Джадсон устроил его на работу. Имя этого человека было Ко Тах Биу. Характера он был буйного и утверждал, что уже убил около тридцати человек, пока занимался грабежами.

Постепенно Джадсон и другие члены его общины стали знакомить Ко Тах Биу с Благовествованием об Иисусе Христе. Сперва казалось, что парень слишком туповат, чтобы усвоить эти сведения. Затем кое-что изменилось. Ко Тах Биу начал задавать вопросы о происхождении Благовествования и о «белых чужеземцах» с запада, доставивших весть – а заодно и книгу, в которой эта весть содержалась. И вдруг для Ко Тах Биу все стало на свои места. Душа его приняла любовь Иисуса Христа, как высохшая земля принимает дождь! Примерно в это же время в Рангун прибыли супруги Джордж и Сара Бордмэн – новые миссионеры, назначенные в помощь Джадсону. Джордж открыл для неграмотных новообращенных школу. Никогда Ко Тах Биу не мечтал о школе, но теперь он сразу поступил в нее, так как твердо решил

выучиться и читать эту Библию по-бирмански, по мере того, как Джадсон будет ее переводить. К удивлению Джадсона и Бормэна, он оказался полностью погруженным в Библию и заключенное в ней послание.

А Ко Тах Биу уже открылось, что он самым первым среди своих соплеменников узнал о действительном прибытии в Бирму «утраченной книги». В соответствии с этим, он взял на себя и ответственность объявить добрую весть, которую не терпелось услышать практически каждому карену. Так что когда Джордж и Сара Бордхэм заявили, что собираются основать новую миссию в городе Тавой на узкой полоске южной Бирмы, Ко Тах Биу пришел в необычайное возбуждение. «Возьмите меня с собой!» – попросил он.

Его взяли. Как только они прибыли в Тавой, Ко Тах Биу попросил, чтобы его крестили. Бордхэм пошел ему навстречу, а Ко Тах Биу тут же отправился в путешествие к холмам южной Бирмы. Приходя в каренское селение, он каждый раз проповедовал Благовествование. И почти в любом случае буквально каждый карен, находившийся в пределах слышимости от его проповедей, отвечал на них радостным изумлением. Малое время спустя сотни слушателей Ко Тах Биу стали толпами стекаться в Тавой, чтобы увидеть «белых братьев», которые принесли, наконец, потерянную книгу.

Джордж и Сара отказывались верить своим глазам и ушам. Казалось, переполненные воодушевлением, явились все обитатели холмов в окрестностях Тавоя. Вскоре Бордхэм оказался завален приглашениями из каренских селений, в которые его просили прийти и подкрепить проповеди Ко Тах Биу более подробным учением из «книги И-Ва». Ко Тах Биу тем временем продолжал осваивать все новые края. Переправляясь вброд через реки, перелезая через гряды холмов, храбро встречая муссонные бури и разбойников – как раз таких, с которыми он и сам некогда броджил, он отыскивал одну каренскую деревушку за другой и приносил добрую весть. В конце концов он услышал о той самой деревне, где двенадцать лет назад была получена от мусульманского путешественника священная – как утверждалось – книга. Ко Тах Биу поспешил привести в деревню Бордмана, чтобы тот исследовал этот, давно почитаемый священным, том и установил, в самом ли деле эта книга о Боге. Рассказ госпожи Уайли опубликованный в 1859 году, описывает события, произошедшие по прибытии Бордмана в селение:

«Глава племени, сопровождаемый длинной свитой, вынес священную реликвию. Затем корзина была раскрыта, кисея развернута, и, достав из складок старую, потрепанную и рассыпающуюся книгу, он почтительно вручил ее Бордману. Она оказалась «Книгой литургии и псалмов», изданной в Оксфорде. «Это хорошая книга, – сказал Бордман, – она учит, что есть Бог на небесах, единственный, которому мы должны молиться. Но вы слепо боготворили саму книгу. И это нехорошо. Я научу вас молиться Богу, которого эта книга открывает».

Лица каренов поочередно озарялись улыбкой радости, которая затем угасала от внутреннего осознания, что грехом было молиться книге вместо Того, о ком эта книга свидетельствует... [Выслушав затем наставнические беседы Бордмана,] старый шаман, который двенадцать лет был хранителем книги, понял, что эта его служба подошла к концу. Он отказался от своего фантастического наряда, от палки, которая все это время была знаком его духовной власти, и обрел смиренную веру в Господа Иисуса Христа».

«В результате неустанных трудов Ко Тах Биу, – писала госпожа Уайли в другом месте, – множество каренов, живших в селениях, разбросанных по ту сторону гор Тавоя, вереницами стягивались сюда из далеких джунглей, чтобы с пытливым интересом рассмотреть белого учителя и услышать дивные истины, которым он учит. Бордман обнаружил, что, вопреки жестоким условиям, которые их окружали, эти люди обладали умом, восприимчивым к самым неожиданным впечатлениям и удивительно поддающимся духовному воспитанию. Когда Бордману удавалось попасть в деревни, карены встречали его с почтительной радостью, приветствуя его, как того, кто укажет им более совершенный путь. С этого времени в его дневниках мы постоянно находим записи, подобные следующей: «Огромное число каренов теперь с нами, и Ко Тах Биу проводит дни и ночи, читая и объясняя им Слово Жизни. Создается впечатление, что пришло время избранничества для этого народа». Аллилуйя!

Тем временем Джонатан Уэйд, еще один из недавно прибывших сподвижников Бордмана, буквально сбивался с ног, пытаясь справиться с новым взрывом ликования, охватившим каренов, которые жили на двести миль севернее Тавоя. Приняв новую веру и крестившись, карены почти тотчас же сами становились миссионерами, чтобы разносить благую весть своему народу все дальше и дальше. Группа этих каренских миссионеров

дошла до места, называемого Бассин, в трехстах милях северо-западнее Тавоя, и там проповедовала. Американские миссионеры, прибывшие позднее в Бассин, нашли там пять тысяч новообращенных каренов, готовых к крещению.

Бирманские буддисты пребывали в недоумении. «В чем секрет христианства? – продолжали они задавать себе один и тот же вопрос, – столетиями мы безуспешно пытались приобщить каренов к буддизму. А теперь за несколько десятилетий христиане добились того, чего нам не удавалось достичь веками!»

А Ко Тах Биу в это время покинул Тавой, где он вдохновил Благовествованием фактически все население каренов, и пылающей головней понесся к ожидающим, как сухой валежник, поселениям каренов в центральной Бирме. Ко Тах Биу скоро умер. Не давая себе ни минуты передышки, он буквально спалил себя в несколько лет. Но зажженный им в самой сердцевине его народа огонь и сейчас, полтора столетия спустя, полыхает в Бирме.

Другой коллега Джадсона, Фрэнсис Мэйсон, назвал Ко Тах Биу «каренским апостолом» и написал в его память книгу, так ее и озаглавив. Книгу эту следовало бы переиздать в назидание христианам наших дней.

К 1858 году десятки тысяч христиан-каренов пришли к осознанию своей ответственности перед остальными этническими меньшинствами Бирмы, которым еще не ведома была благая весть о том, что «утраченная книга обретена вновь». Каренские христиане положили начало этой новой фазе межкультурного обмена, посылая группы своих миссионеров – среди которых иногда были и американцы – к полумиллионному народу качинов, живших в горах северной Бирмы.

Каренские миссионеры были потрясены, узнав что у качинов есть свое собственное имя для Всемогущего – Карай Касанг. Но не только этим, оказывается, качины верили и в то, что их предки некогда обладали священным писанием Карай Касанга. Как и карены, качины столетиями отвергали буддийское идолопоклонство на том основании, что *Карай Касанг* его не одобрил бы. И подобно каренам, качины восприняли христианство, как исполнение их собственных верований, связанных с Карай Касангом. За последующие девяносто лет около двухсот пятидесяти тысяч качинов пополнили церковь Иисуса Христа.

Карены... Качины... А как же лаху и ва? В конце девяностых годов прошлого столетия американские миссионеры поручи-

ли одному из членов своей миссии, а именно Уильяму Маркусу Янгу, доставить Благовествование народу шан на восточной окраине Бирмы. Каренские миссионеры, естественно, отправились вместе с ним. В городе Кенгтунг, центре района расселения племени шан, Янг вместе со своими каренскими коллегами основал миссионерский пункт.

Как-то днем Янг отправился на базар, чтобы проповедовать среди людей племени шан, большинство которых было буддистами. Он громко перечислил Десять Моисеевых Заповедей. Затем держа в вытянутой руке Библию, страницы которой ярко светились под солнцем, Янг стал проповедовать о законах Бога Истинного.

Продолжая свою речь, он заметил странно одетых людей, потянувшихся к нему из рыночной толпы. Было ясно, что это не шаны. Позднее он узнал, что это были люди лаху, решившие в этот день прийти сюда с далеких гор, чтобы обменять свои товары на кенгтунгском базаре. Они плотно окружили Янга, с недоверием вглядываясь в его белое лицо, в белые страницы книги в его руках и слушали, как он описывал на языке шан законы Божьи, содержащиеся в этой книге.

Потом в порыве сильнейших чувств, они стали упрашивать Уильяма Маркуса Янга отправиться вместе с ними в горы. Фактически они просто забрали его с собой: «Весь наш народ ждал тебя много веков, – объясняли они, – в ожидании твоего прихода мы даже выстроили в некоторых из наших селений особые дома для встречи.

Кое-кто из людей лаху показывал ему браслеты из грубых веревок, свисавшие с их запястий, как кандалы. «С незапамятного времени мы, лаху, носим эти веревки. Они означают нашу обреченность злым духам. Один ты, как посланец Гуи Ша, мог бы срезать эти путы с наших рук – но только если ты донесешь утерянную книгу Гуи Ша до самых наших сердец!»

Почти лишённые дара речи, испытывая благоговейный страх, Янг и каренские миссионеры вместе с лаху пустились в путь. То, что произошло дальше, похоже на Деяния Апостолов девятнадцатого века. Христианство приняли десятки тысяч лаху. Янг и его каренские коллеги не успевали удовлетворять потребности лаху в учении, так что Янг поставил на службу в качестве учителей Библии двух своих сыновей – Гарольда и Винсента. Оба мальчика с детства носили одежду лаху. Вместе с лаху они принимали участие в народных танцах. Вместе с лаху они работа-

ли и играли, и смеялись, и говорили на языке лаху даже живее, чем по-английски. Впоследствии Винсент перевел на прекрасный разговорный язык лаху весь Новый Завет.

В 1904 году Уильям Янг, его сыновья Гарольд и Винсент и каренские миссионеры крестили 2 200 новообращенных лаху, которые изучили основы христианской веры. С тех пор до 1956 года, когда, все еще продолжая трудиться среди лаху, он скончался, Уильям Маркус Янг был свидетелем того, как ежегодно по меньшей мере две тысячи жителей селений омывались крестильными водами. Был и такой год, когда он вместе с сыновьями и каренскими сподвижниками крестили более четырех с половиной тысяч! Сотни миллионов христиан в странах запада находятся под влиянием стереотипного представления о том, что миссионерская работа в основном неэффективна и безрезультатна. Большинство христиан считает нормальным, если каждые двадцать лет миссионерской работы приносят пять новообращенных. Все это очень далеко от истины. На самом деле работа миссионеров приводила к результатам, настолько выходящим за пределы ожиданий даже самих миссионеров, что рассудок буквально страшился охватить их достижения во всей перспективе, невероятные успехи, достигнутые Бордманами, Уэйдсами и Янгми, ни в коей мере не являются исключениями в практике христианских миссионеров. Понимаете, какая штука, «Бог небесный» знал ведь, что они придут и в остальные из множества его владений и приготовил им путь. Только и всего.

Тот потрясающий факт, что успех миссионеров среди племен каренов, качинов и лаху пришел благодаря соответствующим народным верованиям, а не вопреки им, был совершенно не понят многими исследователями. Вот, например, немецкий антрополог Гуго Адольф Бернацик в 1937–1956 годах путешествовал по району Кенгтунга и позднее опубликовал книгу «Духи желтых листьев» (английский перевод вышел в издательстве Роберт Хэйл Лимитед в Лондоне, в 1958 году). Обнаружив, что более половины горных деревушек стали христианскими, изумленный и раздосадованный автор этой книги начинает одну из глав, под названием «Кенгтунг, охваченный миссионерством», своими комментариями и соображениями о том, как это произошло: «Качины и лаху собираются по воскресеньям в их «церквях» – крытых листьями хижинах, чтобы молиться Богу христиан». Использованием кавычек Бернацик презрительно намекает на то, что крытые листьями хижины нельзя

всерьез считать церквями. Он даже вообразить не может, что, ожидая Благовествования, лаху соорудили похожие постройки задолго до того как оно прибыло. И если бы он дал себе труд всмотреться, то обнаружил бы, что Бог, которому молятся качины и лаху – никто иной как Карай Касанг, Верховный Бог качинских предков, известный среди лаху под именем Гуи Ша.

Бернацик продолжает:

«Миссионеры провозглашают здесь нового бога и объясняют недостаточность и немощность старых богов». Разумеется, Бернацик не присутствовал при том, как люди лаху умоляли Уильяма Маркуса Янга разрезать старые веревочные путы на их руках, символизируя тем самым порывание ими связей с натами (злыми духами). Но давайте еще прочитаем его заметки. «В... старой Азии... в которой тысячи лет существовали не только язычество, но также Брама и Будда, Мохаммед и Конфуций, христианство неразрывно связывается сейчас с европейской цивилизацией, которая ... всегда останется для них чуждым элементом...»

Что подумал бы Бернацик, если бы сегодня оказался в «старой Азии», где тысячи сообществ каренов, качинов и лаху продолжают свое разрастающееся свидетельство об Иисусе Христе без единого европейского миссионера – даже в качестве советника, уж не говоря о руководителе? Но как же может столь убежденный человек даже представить себе, что буддизм – пожалуй, одна из самых приемлемых религий в Азии – потерпел позорное поражение в объединенных усилиях обратить в свою веру именно эти малые народы Бирмы, тогда как христианство, даже не поддерживаемое бирманскими властями, завоевало их сердца всего за несколько десятилетий.

Бернацик – типичный представитель многих интеллектуалов, которые предсказывали, что христианство, по их мнению, прибывшее в Азию и Африку на фалдах мундиров колониальных правительств, быстро улечитизится из стран третьего мира, как только национальные движения вынудят колониалистов их покинуть.

К полному провалу этих предсказаний, христианство в бывших колониальных странах сейчас растет и распространяется даже быстрее, чем в Америке или Европе.

«Нам ничего не остается, – продолжает Бернацик, – кроме как рассматривать работу [миссионеров] с точки зрения «новообращенных христиан».

Антропологи, враждебные к труду христианских миссионеров, обожают утверждать – это делает и Бернацик, используя кавычки – что обращение людей, далеких от христианства, редко бывает подлинным. Самым распространенным в их среде заключением является притворство местных последователей церкви, которые делают вид, что они христиане, чтобы удовлетворить миссионеров. На самом же деле, когда они предпочитают отказаться от христианского пути, эти люди вполне способны презирать, оскорблять и даже убивать миссионеров.

Читая дальше и стараясь обнаружить эту точку зрения «новообращенных» христиан, обещанную нам Бернациком, я был сильно удивлен, так как не нашел ни единого высказывания ни единого христианина из качинов или лаху, которые должны были предстать перед нами запуганными лицемерами. Бернацик просто кормит нас своими собственными, не основанными на исследованиях мнениями и предлагает принять их, как *точку зрения «новообращенных» христиан*. Затем он обнаруживает свою бесстыдную склонность к снисходительному попечительству в следующих словах: «Более того, эти примитивные мужчины и женщины психологически не в состоянии ухватить отвлеченную [христианскую] этику и, таким образом, воспринимают лишь сверхъестественные предрассудки, которые никак не могут им заменить властного мира их духов».

Бедный профессор Бернацик! Сбитый с толку тем, что госпожа Уайли называла «грубым образом жизни» качинов и лаху, он даже помыслить не может о существовании невероятно напряженной духовной жизни, которая уже тогда развивалась в мире этих людей, не то что понять эту жизнь. Он из тех интеллектуалов, которых образование уводило от этого духовного напряжения, вместо того чтобы к нему приближать.

В оставшейся части главы профессор Бернацик нанимает лаху-нехристианина, чтобы тот помог ему отыскать селения, которые, как он надеется, все еще сопротивляются «разъедающему» влиянию христианства. Профессор объясняет, что его изыскания были сильно затруднены тем обстоятельством, что его проводник часто останавливался в пути, чтобы покурить опиум. В конце концов он вынужден был, так сказать, вступить в компромисс с противником, взяв в проводники лаху-христианина, чтобы уложиться в сроки экспедиции. Разумеется, профессор не признает заслугой Благовествования Иисуса Христа возможность найти проводника

лаху, не пристрастившегося к опиуму. Наконец он нашел нехристианское селение лаху. Но жители его, как оказалось, представляли угрозу для его жизни, и ему пришлось искать другое селение, и еще одно, и еще... так как все нехристианские деревни лаху, за исключением одной, отказывались от его общества. И даже то единственное селение, где он был принят, встретило его весьма холодно. Бернацик старается философски отнестись к ситуации, похваливая «дух независимости» лаху-нехристиан.

Кажется, профессору так и не пришло в голову спросить себя, как же миссионерам удалось преодолеть барьер этой свирепой независимости.

Случай с Пу Чаном, проповедником среди охотников за головами племени ва, который надел на пони седло и велел своим ученикам следовать за животным, чтобы найти «белого брата, принесшего книгу Сайе – Бога истинного», произошел как раз в тот период, когда во встрече лаху с Благовествованием наступил решающий момент.

Примерно двести миль пораженные ученики шли вслед за пони горными тропинками, пока он не привел их в Кенгтунг. Там пони повернул в ворота огороженного участка миссии и направился прямо к колодцу.

Пони остановился у воды, а ученики Пу Чана озирались вокруг и не видели никаких признаков белого брата или книги. Нэлда Уидланд, дочь Винсента Янга и внучка Уильяма Маркуса Янга, сама рассказывала мне, что произошло дальше. Она ведь выросла на территории этой миссии и часто пила воду из того колодца. Следующие подробности составляют особо ценный клад в памяти всей семьи Янгов: люди племени ва слышали звуки, исходящие из колодца. Они заглянули внутрь, но не увидели воды. Только дружелюбное бородатое белокожее лицо смотрело на них ясными голубыми глазами.

– Привет, друзья, – прозвучал из колодца гулкий голос, говоривший на языке шан, – Чем могу вам помочь? Уильям Маркус Янг выбрался из колодца, которым еще не пользовались – Янг пока только продолжал его копать. Когда он отряхнул руки и обернулся к пришедшим, посланцы племени ва спросили его: «Ты принес книгу Бога?» Янг кивнул. Люди ва, едва справившись со своими чувствами, упали к его ногам, непрерывно повторяя напутственные слова Пу Чана. Затем они сказали: «Этот пони осед-

лан специально для тебя. Весь наш народ ждет. Возьми книгу. Нам надо отправляться».

Янг только продолжал смотреть на них.

– Я не могу уехать отсюда, – отвечал он, – почти каждый день ко мне приходят учиться тысячи людей лаху. Как же мне быть? Он объяснил ситуацию христианам лаху. И они вместе решили дать пристанище людям ва, чтобы те смогли обучиться здесь, в Кенгтунге, а потом вернуться к себе и самим учить свой народ. Таким образом Пу Чан и тысячи людей его племени стали христианами, ни разу не увидев Уильяма Маркуса Янга.

Благодаря этому решению, пока подрастал маленький Винсент Янг, отец Нэлды, он слышал вокруг язык ва почти так же часто, как и язык лаху. Позже, уже юношей, Винсент много раз предпринимал путешествия в горы, где жили ва – места, обычно избегаемые путешественниками из-за дурной славы ва, как охотников за головами – и там, «на месте», более подробно излагал народу учение. В этих посещениях Винсент так хорошо изучил язык племени, что впоследствии он добавил к своему переводу Нового Завета на лаху, еще один Новый Завет – на языке ва.

Вдобавок к крещению около 60 000 лаху, Янги и их каренские сподвижники скоро обнаружили перед собой еще 10 000 новообращенных и крестившихся ва, которые, в свою очередь, распространяли Благоевествование дальше на восток Бирмы и на юго-запад Китая.

В конце нашей беседы с Нэлдой Уидланд она сказала: «Хотите, я познакомлю вас с моим отцом и покажу старый снимок, где он сфотографировал этого маленького пони под седлом?»

– Вы хотите сказать, что ваш отец жив? – воскликнул я.

– Ему теперь восемьдесят лет, – сказала она, – он живет в Ментоне, в Калифорнии – всего за несколько миль отсюда. Потом я встретился с ней в скромном домике ее отца в Ментоне. Она представила меня самому Винсенту Янгу, который показал не только фотографию пони, но один за другим несколько альбомов старинных фотографий. Это был Уильям Маркус Янг, на разных этапах его жизни и служения, и каренские мужчины и женщины, работавшие вместе с ним. Я видел сотни людей лаху и ва, стоящих в мелководье рек и ждущих, чтобы их крестили, пока тысячи других покрывали окружающие холмы, наблюдая за крещением. Я радовался этому триумфу, и сердце мое готово было разорваться. Аллилуйя!

Неужели кто-то сомневается, что это Господь заставил пони столь безошибочно доставить людей ва на такое большое расстояние? Бог, который воспользовался звездой, чтобы направить волхвов к яслям в Вифлееме, уж, конечно, мог использовать простого пони для отыскания некоего колодца в Кенгтунге.

А по ту сторону границы, в юго-западном Китае англичанин Джеймс Аутрам Фрейзер, работая при миссии в континентальном Китае, обнаружил племя лису, изучил его язык и начал проповедовать Благовестование. Встретившись с осложнениями, он решил перейти через границу в Бирму, чтобы посмотреть, чему он может научиться в области межкультурных связей у американских миссионеров-баптистов, которым, как он слышал, сопутствует грандиозный успех в работе с племенами, подобными лису.

После тяжелого путешествия, Фрейзер наконец дошел до баптистского лагеря, но нашел там лишь миссионеров-каренов. Точно так же, как апостол Павел бывало «обследовал» христианские общины, выбирая из их среды Тимофея, Силу и Луку, необходимых ему для расширения пастырского служения, так и английский миссионер «обследовал» многие христианские общины в Бирме. Фрейзер настаивал на том, чтобы для духовного блага далеких лису каренские миссионеры отправили одного из своих членов вместе с ним.

Карены, со свойственной им восхитительной духовностью, откликнулись на эту просьбу. И Фрейзер быстро вернулся обратно вместе со своим новым каренским помощником, который тоже вскоре выучил язык лису.

По возвращении Фрейзер перевел на язык племени Евангелие от Марка. Переходя из деревни в деревню, он читал Благовестование по экземплярам перевода, присланным из миссионерской типографии в Шанхае.

По-видимому, он сначала не знал, что предания племени лису задолго до этого предсказывали появление белолицего учителя, который восстановит для них давно утраченную книгу Бога на их собственном языке. Но весьма вероятно, что каренские коллеги Фрейзера были настроены на нужную волну, чтобы уловить признаки этой веры, если сам Фрейзер их не заметит. Так или иначе, большое количество людей лису откликнулось на Благовестование об Иисусе Христе. И многие из тех, кто изучает этот исторический факт, полагают, что древнее предание лису и при-

существование каренов, которые были способны оценить такое предание особым образом – оба эти элемента в сочетании сыграли большую роль в возникновении движения, приведшего десятки тысяч членов племени лису к Царству Божию.

Бирма, юго-западный Китай и затем – Индия! Немногие христиане в других частях мира знают, что Нагаленд и Мизорам – целых два штата Индии, в которой всегда преобладал индуизм, могут гордиться большим количеством христиан на душу населения, чем любая такого же размера территория где бы то ни было на земном шаре.

Церкви Нагаленда – страны, где живет более чем миллионный народ нага – общим количеством своих прихожан охватывают 76 % всего населения штата. Мизорам, со своей стороны, объединяет в качестве членов церкви 95 % своего населения. В Мизораме цифра выше, так как там в большинстве церквей практикуется крещение детей, тогда как большинство церквей в Нагаленде осуществляет крещение только молодежи и взрослых.

Недавно христиане племени мизо приобрели известность, послав 400 миссионеров в районы северной Индии, где повсеместной религией является индуизм.

Тут важно, что предания о потерянной книге, в сочетании с древними предсказаниями, подобными тем, что излагала в XVII веке женщина-пророк Хамхинатулу, также сыграли важную роль в пробуждении народов нага и мизо к восприятию христианского Благовествования.

Те, кто посещает эти районы восточной Индии, рассказывают по возвращении, что почти везде в поле их зрения оказывались церкви, и почти постоянно они слышали звуки молитвенных собраний и пение гимнов.

Христиане нага и мизо в Индии еще и сегодня благодарят Господа за то, что через их народные верования Он дал им о Себе достаточно свидетельств, чтобы удержать от искушения уступить идолопоклонничеству индуистов. Подобным же образом Он оставил достаточно света в душах каренов, качинов, лаху и ва, чтобы они отвергли буддизм в Бирме, и дал мудрость народу лису для отказа от таоизма и конфуцианства в Китае.

Не случись этого, и успех Благовествования среди этих людей потребовал бы гораздо больших усилий.

Если окинешь взглядом историю, покажется, будто стратегия дьявола состояла в том, чтобы опутать народные верования фор-

мальными религиями до того, как явится Благовествование – не дать естественному единобожию, которое лежало в основе подавляющего большинства народных верований, исполнить его поразительную роль союзника Благовествования. Стратегия эта сработала для многих народов, бывших прежде приверженцами своих родовых верований. Из-за того, что христианство так задержалось с серьезной миссионерской работой, «содомский фактор» в конце концов свел на нет «фактор Мелхиседека», и миллионы людей подчинились напору индуизма, буддизма, ислама и других формальных религий. Восприимчивость, которая Божьим попечением, помогала ждать Благовествования каренам и им подобным, притупилась и была заглушена у многих народов в окружающих районах.

И тем не менее, цель завоевать для Иисуса Христа сердца приверженцев формальных религий все еще выполняема. Она осуществляется, и, как я постараюсь подробно рассказать в следующей книге, мы неизменно набираем силу.

Критянский пророк Эпименид; Пачакути – защитник Виракочи; сантальский мудрец Колеан; Пу Чан, пророк племени ва и пророчица из племени мизо – Хамхинатулу; эфиопский провидец Варраса – как же нам быть с ними со всеми? Предвиделся ли в Священном Писании этот неповторимый род людей, благоговеино почитающих Бога и живущих среди народов – языческих по всем остальным признакам?

Я думаю, что Писание не только предвидит их существование, но и знакомит нас, по крайней мере, с шестью из них. Я говорю не только о Мелхиседеке, но и об Иове и четырех его утешителях – Елифазе, Вилдаде, Софаре и Елиуе (см. Книгу Иова). Эти пятеро богобоязненных людей жили в земле Уц. Никому не известно, как они в этой земле без помощи Авраама узнали о Боге. Говоря попросту, никто даже не знает, где находилась эта земля Уц!

Сам Авраам был, возможно, таким же как они, когда Ягве впервые говорил с ним в Уре Халдейском. То, что Ягве избрал Авраама в качестве отца целого особого народа, долженствующего стать свидетельством всему миру, было, конечно, единственным и неповторимым выбором. Но то, что Авраам лично знал о существовании Бога Истинного – вовсе не является уникальным. Как мы уже отмечали прежде, прибыв в Ханаан, Авраам узнал о царе города Салима, Мелхиседеке, который уже служил

священником Эль-эльону – что было местным хананейским именем для Всевышнего, (см. Быт. 14:18–20; Пс. 109:4 и Евр. 7:1–22). Фактически, Писание даже утверждает, что Мелхиседек был, по расчетам Господа, еще выше рангом, чем Авраам. Авраам уплатил Мелхиседеку десятину, и Мелхиседек «благословил» Авраама, а совсем не наоборот! И если автор Бытия не приводит ни малейшего объяснения тому, как Мелхиседек узнал об Эль-эльоне, по-видимому, автору никак не кажется необычным, что человек, обладающий знанием, подобным знанию Мелхиседека, может жить и среди хананеев.

Может быть и нам не стоит удивляться известиям о богобоязненных людях, живших среди языческих племен в гораздо более близкое к нам время. Возможно, сам Иисус имел это в виду, когда говорил: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит мне привести».

И все же народы неявного Бога и народы утерянной книги еще не раскрывают нам всей истории Божественного «фактора Мелхиседека». Примите во внимание и загадку народов со *странными обычаями...*

Глава третья

НАРОДЫ СО СТРАННЫМИ ОБЫЧАЯМИ

Читатели, знакомые с моими двумя предыдущими книгами – «Дитя примирения» и «Боги Земли» – уже имеют представление о том, что я имею в виду под «странными обычаями». Для тех же, кто не читал, например, первую книгу, я приведу здесь краткое пояснение.

В 1962 году, с женой Кэрол и нашим восьмилетним сыном Стивенем, мы отправились в Новую Гвинею и жили там, как миссионеры, среди племени соуи – одного из тысячи племен этого, растянувшегося на полторы тысячи миль полуострова. Соуи оказались одним из пяти или шести племен нашей планеты, которые одновременно являются и людоедами и охотниками за головами. Позже у нас родились еще трое детей – Шеннон, Пол и Валери, которые провели свое детство вместе с нами среди людей соуи.

Наши ранние попытки передать соуи Благовестование были затруднены из-за их восхищения «мастерами вероломства» – умными обманщиками, которые могли месяцами поддерживать иллюзию дружбы, как бы «раскармливая» своих жертв этими дружескими отношениями к тому неведомому дню, когда их внезапно убивали. Благодаря этой необычной форме поклонения героям, люди соуи, слушая мои первые объяснения Благовестования, принимали Иуду Искарюта, предавшего Иисуса Христа, за подлинного героя истории. Иисус в их глазах был обыкновенным простофилей, над которым стоило посмеяться.

Мы с Кэрол вдруг осознали, что ищем ответы на два тяжелых вопроса. Во-первых, каким образом можно довести истинный смысл Благовестования до людей, система ценностей которых казалась прямо противоположной этике Нового Завета? Во-вторых, можно ли нам быть уверенными, что соуи не подкармливают нас своей дружбой для неожиданного убийства?

Моля Господа об особо неотложной помощи, мы наконец открыли, что у соуи был своеобразный способ кончать дело миром и предупреждать кровавые развязки вероломства. Если отец из племени соуи предлагал противоположной группе «дитя примирения», то есть своего сына – не только улаживались прежние разо-

ры, но, тем самым, предупреждались и будущие случаи обманов. Правда, лишь до тех пор, пока дитя мира оставалось в живых. И тогда готовым ключом к взаимопониманию стало наше объяснение людям соуи, что Иисус Христос есть абсолютное и последнее «дитя примирения». Мы обосновывали свое сравнение Книгой Пророка Исаи (9:6), Благовествованием от Иоанна (5:16), Посланиями к Римлянам (5:10) и к Евреям (7:25), как простейшими подтверждениями этой аналогии Священным Писанием.

С помощью такого средства смысл Благовествования проник в сознание племени. Уразумев, что Тот, Кого предал Иуда, был «дитя примирения», они больше не считали Иуду героем. Ибо предать дитя мира – было в глазах людей соуи тягчайшим преступлением. С того времени примерно две трети членов племени соуи, пользуясь их словами, «возложили руки по вере на Господнее дитя примирения Иисуса Христа», что возвращает нас к их прежнему обряду, когда принимавшие ребенка один за другим возлагали на него руки и говорили: «Мы принимаем это дитя, как залог мира».

У других народов есть не менее странные обычаи, которым также можно найти аналогии в Благовествовании. В будущих главах вы найдете несколько примеров. Но сначала обратим все-таки внимание на содержащиеся в Писании основы, необходимые, чтобы отыскивать и использовать подобные обычаи в качестве средства, неожиданно раскрывающего духовную истину.

У Савла из Тарса, который стал апостолом Павлом, было преимущество перед евреями, всю свою жизнь проведшими в Палестине. У него было больше возможностей наблюдать язычников и их способ существования. Рожденный в городе, где господствовало язычество, в явно языческой земле, свободно говоривший по крайней мере на одном языческом языке и живший в истинно космополитической империи язычников, Павел пришел по их поводу к некоторым любопытным выводам.

Вот один из них. Павел заметил, что язычники часто поступают так, будто они сознательно подчиняются Моисееву закону, тогда как на самом деле они никогда не слышали ни о Моисее, ни о его законе. Как это возможно? – удивлялся он. Позднее Дух Святой помог Павлу найти прекрасный ответ: «Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон» (Рим. 2:14). Иными словами, осуществляясь в пределах языческой природы человека, закон служит ему как бы предварительным Ветхим Заветом. Разуме-

ется, тут нельзя говорить о равноценности, но все же это гораздо лучше, чем отсутствие закона вообще.

«Они сами себе закон, – продолжает Павел, – хотя и не имеют закона. Они показывают, что дело закона у *них написано в сердцах*, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (там же 14–15, выделено мной). Павел был явно справедлив к язычникам. Даже самым жестоким из них он отдавал должное за данное им Богом чувство морали, существовавшее в таком удалении от иудео-христианского откровения. Соломон, как нам известно, разглядел, что Господь «вложил вечность в сердца людей» (Эккл. 5:11). А теперь Павел добавляет к этому, что Бог начертал там же и слова закона Его.

Сознание необновленного человека смущено двойным представлением. Прежде всего он ощущает зов вечности, к которой он, временная пылинка, по странному предопределению движется. Затем он обнаруживает в самом своем сердце начертанные слова закона, который обрекает его на утрату этого вечно-предназначения.

Ничего удивительного, что в другом месте Павел говорил: «Горе мне, если не благовествую» (1 Кор. 9:16). Только так и можно положить конец этому двойному наваждению.

Те из нас, кто продолжил апостольские пути еще глубже в языческие владения, открыли, что высказывания Павла иногда осуществляются в таких формах, которых он сам, вероятно, не мог бы и предположить. Одно из требований Моисеева закона представляло собой странный ежегодный обряд, для которого требовались два козла. Оба они сначала должны были быть показаны Господу (Лев. 16:7). Потом иудейский священник высокого чина бросал жребий, чтобы выбрать одного из них для принесения жертвы. Наконец, священник закалывал выбранного козла и кровью его окроплял «крышку над ковчегом» (Лев. 16:15).

А что же делали с другим козлом?

Священник возлагал свои руки на голову второго козла, а затем исповедовался в грехах своего народа, передавая их символически этому второму животному. И специально назначенный для этой цели человек уводил козла от людей и отпускал его на волю. Как только «козел отпущения» исчезал из вида, иудеи начинали восхвалять Ягве за то, что он снял с них вину.

Указывая на Иисуса и восклицая: «Вот Агнец Божий, который берет на себя грех мира!» (Ин. 1:29), Иоанн Креститель

различал в Иисусе Христе совершенное, персонифицированное исполнение иудейской символики «козла отпущения». Только там нужны были два животных, чтобы изобразить то, что совершит в одиночку Христос, отдавая свою жизнь за наши грехи. Не просто искупая нашу вину, но снимая также самое присутствие в нас греха.

Члены одной из сект пытались ввести иное толкование вышеописанного обряда. Соглашаясь с тем, что первое животное можно считать предзнаменованием Иисуса Христа, они утверждали, что «козел отпущения» представляет Сатану. Они рассудили, что источник греха сам должен в конце концов и унести грех из мира. Но эта теория оказывается в результате на мели, так как не замечает одной подробности, рифом возникающей из тумана на ее пути. Не только первое, но оба животных должны были сначала предстать перед Богом, демонстрируя отсутствие каких бы то ни было пороков – и это было обычным для всех жертвоприношений у иудеев. А теперь на фоне этих сведений рассмотрим обряд, который ежегодно исполняют некоторые семьи даяков на острове Борнео.

Даяку Борнео

Даякские старейшины, собравшись вместе, наблюдают за тем, как мастер заканчивает отделку миниатюрной лодки. Мастер вручает лодку старейшинам, которые бережно относят ее на берег реки неподалеку от их деревни Аник. На глазах всего населения деревни один из них выбирает двух цыплят из деревенского стада. Убедившись, что оба цыпленка здоровы, он закалывает одного из них и окропляет его кровью берег реки. Второго цыпленка живым привязывают на одном конце палубы лодочки.

Кто-нибудь приносит маленький фонарь, укрепляет на другом конце лодки и зажигает его. Затем жители деревни один за другим подходят к лодке и кладут еще что-то – нечто невидимое – на палубу лодки, посередине между светящимся фонарем и цыпленком.

Спросите даяка, что он кладет между цыпленком и фонарем, и он ответит: «*Доса-ку!*» (Грех мой!).

После того, как каждый житель (или жительница) деревни поместит свой *доса* в лодку, старейшины осторожно поднимают ее с земли и опускают на воду. И вот они отпускают лодочку по течению. По мере того, как даяки следят за лодкой – растет об-

щее напряжение. Старейшины, стоя по грудь в воде, задерживают дыхание. Если еще в пределах видимости маленькую лодку прибьет к берегу или, ударившись о корягу, она перевернется, жители Аника останутся в состоянии глубокой тревоги до будущего года, когда обряд можно будет повторить.

Но если лодочка исчезнет за излучиной реки, все собравшиеся поднимут руки к небу и закричат: «*Селамат! Селамат! Селамат!*» (Мы спасены! Мы спасены!). Однако – лишь до следующего года.

У евреев был козел отпущения. У даяков был «корабль отпущения».

Который из них способен на самом деле унести человеческую вину? Ни один! Апостол, писавший Послание к Евреям, говорил: «Жертвами [евреям] každогодне напоминает о грехах, ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожила грехи... Освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа» (Евр. 10:5–10).

И если даже утвержденные для евреев Богом жертвы были важны только как предзнаменование того, что только еще случится, ясно само собой, что лодка отпущения даяков также не могла уничтожить грехи. Что же, нет стало быть в этом обряде ничего существенного? Напротив! Даякская лодка отпущения олицетворяет собой несколько важных идей. Человеку необходимо, чтобы с него был снят грех! Снятие греха требует не только смерти, но и присутствия чего-то живого и непорочного. Свет истины, символизируемый светящимся фонарем, является обязательной предпосылкой уничтожения греха.

Кто бы подумал, что даяки, одно время считавшиеся охотниками за головами, окажутся уже настроенными на эти, передающиеся на общебиблейских волнах, идеи?

Но будьте осторожны! Буддисты в Камбодже в определенное время года тоже отправляют маленькие лодки по течению реки Меконг. Ночами можно видеть, как дюжины этих крошечных, снабженных фонариками изделий ремесла мерцают на речной воде. Задача этих камбоджийских лодочек – либо уносить души мертвых, либо отвозить еду, отдаваемую мертвым в жертву. Цель такого обряда ничего общего не имеет с уничтожением человеческой вины.

Прежде чем делать выводы о потенциальных связях любых обрядов с библейскими идеями, необходимо выяснить цели, к которым эти обряды направлены. Возможно, что сначала кам-

боджийские лодки духов служили задачам, сходным с назначением лодок искупления на Борнео. Но в течение столетий уступая Содомскому фактору, прежние верующие так радикально изменили подлинное значение обряда, что он уже не помогает более перебрасывать мост к библейской истине.

Добрая весть о том, что Христос стал Искупителем человечества – одна из главнейших составных частей Благовествования. Но это еще не вся новость. Тот же Христос, который берет на себя нашу вину, вкладывает в нас еще и новый Дух, чтобы мы не повторяли бесконечно тот же самый проступок. Иисус говорил, что тот, кто получает этот дар нового Духа, «родится свыше [вновь]» (Ин. 5:3).

Большинству людей трудно ухватить истинный смысл «нового рождения». Первым человеком, с которым Иисус говорил о новом рождении, был умудренный в богословии иудей Никодим, ни много ни мало – член Синедриона. Если кто-то в Иерусалиме и был способен понять, что имеет в виду Иисус под «новым рождением», то наверняка – Никодим. И все же...

Как только Иисус произнес: «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия», – Никодим откликнулся следующим, наивно буквалистским, почти детским возражением: «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» (там же, 3:4). Если таким выпускникам богословских школ, как Никодим, столь трудно уразуметь, что имеет в виду Иисус, говоря о новом рождении, уж разумеется, «живущим во мраке невежества язычникам всего света понять это в тысячу раз труднее. Так ведь? Не означает ли это, что учение Иисуса, будем говорить откровенно, находится, быть может, выше понимания большинства людей?

Вовсе нет.

Возьмем один из труднейших на земле случаев...

Асматы Новой Гвинеи

Найдите на глобусе Новую Гвинею. Сами ее очертания как бы светятся предупреждением «опасно для жизни!» – поскольку Новая Гвинея выглядит точно, как огромный тиранозавр, разинув пасть, греющийся на солнце у экватора нашей планеты. Предупреждение это заслуживает внимания. Список путешественников, чьи жизни были поглощены полторатысячечемильным

островом в форме рептилии, можно читать как настоящий справочник «Кто есть кто». Посмотрите хотя бы на букву «р»... Вот именно! Тиранозавр не питал уважения даже к такой внушительной фамилии, как Рокфеллер. Я расскажу об этом позднее.

Пики гор торчат из хребта этой рептилии, подобно бронированным пластинам, во всю длину Новой Гвинеи. Несколько дюжин вершин превосходят высотой даже пик Маттерхорн в Альпах. А к югу так широко простирается болотистая местность, что, по сравнению с ней, знаменитый парк Эверглейдс во Флориде покажется жалким утиным прудом. Тридцать тысяч квадратных миль леса под непрекращающимся дождем! Змеями извивающиеся реки, многие из которых забиты плавающими островами травы. Более семи метров осадков в год! В Новой Гвинее обитает около тысячи племен. И одно из них – асматы – волею судеб поселилось в самой мокрой, самой заросшей части болот, где наблюдается самая высокая влажность и которая является самым богатым источником заболеваний.

У антропологов есть некое приближенное правило исследования. Оно гласит, что охотники за головами, где бы вы их ни отыскивали, не будут одновременно и каннибалами. Каннибалы – напротив, не станут заниматься охотой за головами. Два эти обычая, как утверждает правило, взаимно друг друга исключают. Вы можете встретить тот или другой, но оба вместе в пределах одной культуры – никогда.

К несчастью, асматы ничего не слышали об этом правиле. Не довольствуясь в качестве трофеев черепами своих жертв, они пожирали и их мясо.

Есть у них и другие занятные способы использования частей человеческого тела. Иногда асмат кладет череп себе под голову вместо подушки. Для детей асмагов черепа служат в качестве игрушек. Воины племени, заточив человеческую берцовую кость, пользуются ею, как дротиком. Из челюстных костей иногда делают нашейные украшения. А из человеческой крови приготавливают клей, с помощью которого асматы натягивают черную кожу ящериц на свои барабаны. Читая такое описание асмагов, будьте осторожны, чтобы не поддаваться искушению счесть их не вполне людьми. Ибо если тех, кто делает подобные вещи, считать недочеловеками, то что следует сказать о кельтских, скандинавских и англо-саксонских племенах, потомками которых являются многие читающие эту книгу?

Как утверждает доктор Ралф Уинтер, некоторые из кельтских племен занимались охотой за головами. А мускулистые англо-саксы, обитатели лесов на севере Европы, по словам ученого, пили из человеческих черепов еще и в 600 году после Р. Х.

Благовествование Иисуса Христа, вот что исправило положение для кельтов, англо-саксов и скандинавов. И это как раз то, что оно совершит для охотников за головами и людоедов – асмагов. Все, что необходимо сделать, это прийти и пожить среди асмагов. И передавать им Благовествование так же усердно, как кто-то однажды передавал его кельтам, англо-саксам и прочим племенам северной Европы.

Конечно, нас от этого не убудет. Иисус говорил: «Даром получили, даром давайте» (Мат. 10:8).

На это не трудно – в самом деле не трудно – пойти. Но не так уж легко этого добиться. Однако, часть трудностей – это одна лишь видимость. Вообразите себя тем, кто назначен выполнить именно такую миссию...

Вы обнаруживаете себя в маленькой, крытой пальмовыми листьями хижине, рядом с деревней асмагов, которая называется Очанеп. В октябре 1969 года где-то здесь, в нескольких милях от вашего дома, исчез с лица земли сын губернатора штата Нью-Йорк Нелсона Рокфеллера, Майкл. Вы слышали предположения о том, что, возможно, ваши соседи асматы были силой, сыгравшей определенную роль в его исчезновении. Но, к вашему великому облегчению, асматы выглядят вполне дружелюбно.

Они не только помогли вам построить дом, но каждый день обильно снабжают вас рыбой, креветками и кабаньим мясом в обмен на леску, крючки, бритвенные лезвия, спички, соль, ножи, топоры или мачете. Кое-кто из них находит время, чтобы помочь вам выучить их язык. Сначала асматы ошеломили вас невероятной смесью бессвязного бормотания, кулдыканья и кудахтанья. Но, так или иначе, и во всем этом в конце концов появляется разумный смысл – вы чувствуете воодушевление, начиная кое-что понимать.

Затем наступает шок. Вдобавок к тому, что они одновременно охотники за головами и каннибалы, мужчины асмагов время от времени лишают своих женщин человеческого облика, понуждая их участвовать в публичной процедуре обмена женами. В других случаях, они оказывают почитание своим мертвым родственникам, манипулируя частями их тела, отсеченными от трупа.

Попытки убедить асмагов изменить их отношение к этим вещам выглядят такими же легко выполнимыми, как смена колеса на

большом грузовике, катящемся под уклон. Вложить в их головы Благовествование – то же самое, что гвоздями прибить к дереву желе.

Постепенно, подобно воде, пробивающейся сквозь трещину в борту лодки, в вас проникает разочарование и погребает под собой ваш первоначальный оптимизм. Подавленность ваша еще больше усиливается, когда вы начинаете получать письма от миссионеров из других районов Новой Гвинеи – письма, в которых говорится: «Возрадуйся с нами! Мы уже крестили шесть тысяч верующих в одной только этой долине! Еще две тысячи начали обучаться грамоте!» «Похоже, что им там нужна помощь», – ворчите вы мрачно. Вскоре вы уже пишете письмо распорядителю миссии с просьбой о переводе к другому, более восприимчивому племени Новой Гвинеи. «Я испробовал все, что только мог, – объясняете вы, – и ничего не добился. По-видимому, еще не пришло время для работы с ними».

Но поскольку в деревне Очанеп нет почтового ящика (уж не говоря о самой почте), вы не можете послать свое письмо, пока пилот миссии, осуществляющий единственную вашу связь с внешним миром, в очередной раз не посадит свой самолет на реку у вашего дома.

Кладя письмо на кофейный столик, вы слышите шум, внезапно возникший в деревне. Вы подбегаете к входной двери и выглядываете на улицу. Сотни асмацких мужчин, женщин и детей вылезают из своих приподнятых сваями над землей и вытянутых в длину вигвамов и толпой выстраиваются на берегу. Все в возбуждении устремили взгляды вниз по течению реки.

Вы сами поспешаете к берегу и смотрите вдоль реки. К неопируемому вашему ужасу, река в той стороне запружена легкими лодками племени Басим – смертельного врага ваших соседей из Очанеп. Вы слышите их приближение. Скрежет весел о борта их челноков. Мерный топот их ног в днища лодок, сопровождающий этот скрежет. И рвущиеся грудные выкрики, аккомпанирующие этому топоту и этому скрежету.

Вы содрогаетесь. Потому что вам известно, что эти весла могут служить и копьями. Что луки из черной пальмы и сотни тростниковых стрел увешивают изнутри борта их лодок. И что за повязки на руках воинов в этих челноках засунуты выточенные из человеческих берцовых костей дротики. «Сейчас начнется кровавая баня, прямо тут, перед самым моим домом...» – успеваете вы прошептать.

– Нет, нет! – радостно отвечает асматский мальчик, стоящий рядом, – сегодня они идут не воевать. Они приходят установить мир!

– Надеюсь, им это удастся, – бормочете вы в напряжении.

С расстояния, которое, как вы надеетесь, оставляет вас в безопасности, вам видно, что лодки басимов выстраиваются в ряд напротив селения и разворачиваются к берегу. Затем они утыкаются в береговую мель, но люди в них продолжают свое движение вперед – прямо на берег. Вертикально втыкая весла в прибрежную грязь, они образуют плотную массу и начинают в крайнем веселье кричать и подпрыгивать на месте. Эти действия вызывают сходный ответ у жителей деревни Очанеп.

Внезапно мужчины без оружия, представляющие как племя басимов, так и жителей селения, начинают двигаться навстречу друг другу и смешиваются на небольшом травянистом возвышении. Станным кажется, что каждый из них несет под мышкой свернутую подстилку. Спустя несколько мгновений эти смертельные враги расстилают свои коврики на траве и ложатся бок о бок лицом вниз, подобно всем на свете любителям загара на переполненном пляже.

Далее жены улегшихся мужчин робко приближаются к тому же возвышению. «Нет! Только не это!» – вскрикиваете вы в приступе отвращения, – «Только не еще одна оргия с обменом женами!»

Но на этот раз вы ошибаетесь. Асматские женщины встают рядом со своими лежащими мужьями, расставив лодыжки и подсунув одну ступню под грудь мужчины, а другую под его бедра. Затем старейшины обоих племен подводят к холмику детей и велят им встать на четвереньки и переползти через спины своих отцов. Одновременно дети проползают и между коленями матерей.

По мере того, как дети басимов пробираются сквозь этот живой коридор, их подхватывают мужчины и женщины деревни Очанеп и качают на руках, как новорожденных. Другие же приносят воду и обмывают их, как бы очищая от последствий родов. Люди басимов проделывают то же самое с детьми деревушки. Потом дети, украшенные морскими раковинами и султанами из пальмового лыка, становятся центральным объектом многодневного и радостного праздника.

Каждый вечер взрослые качают их перед сном. Женщины напевают им колыбельные песни. И, наконец, дети возвращаются к собс-

твенным семьям в свои деревни. С этого времени воцаряется мир. В поисках пищи охотники могут теперь глубже забираться в поросшие саго топи, без страха попасть в засаду. Мужчины и женщины обоих племен обмениваются не только подарками, но даже собственными именами, символизируя единство и взаимное доверие.

Тем временем в вас, свидетеле, разыгрывается острая внутренняя борьба. Предубежденность восклицает: «Фу! Какой отталкивающе-языческий обычай! Кому это нужно!» Но ваше любопытство, тем не менее, задерживается на важном наблюдении. Что бы он ни означал, в обычае этом содержится сила, способная изменить поведение людей племени асмаат – то есть совершить именно то, чего вы надеялись достичь в своих миссионерских целях!

Будем надеяться, что любопытство в вас победит. Если это произойдет, вы станете задавать себе вопросы. И вскоре придете к выводу, что коридор из отеческих спин и материнских лодыжек представляет собой путь рождения общины. Дети, прошедшие этот путь, считаются рожденными вновь в кровном родстве со своими врагами. С помощью этих, взаимно возрожденных детей оба враждующих стана превращаются в единую расширенную семью, обеспечивая тем самым мир. Вдруг вам открывается с ошеломляющей ясностью: с каких же незапамятных времен эта миротворческая церемония внедряла в души людей племени асмаат важный принцип – истинный мир не может быть достигнут одним лишь словесным соглашением! Он нуждается в опыте нового рождения!

Почесывая в затылке, вы говорите себе: «Так. Где же я это уже слышал?»

Вы начинаете упорно выискивать асмаатские глаголы и существительные, которые содержат необходимые вам тонкие значения. Вы честно практикуетесь, пока не осваиваете спряжения этих глаголов во всех временах асмаатского изъявительного наклонения. И вот, дрожа от возбуждения, вы цепляетесь пальцами своих ступней за зарубки асмаатского столба-лестницы и взбираетесь в вигвам человека по имени Эрипит.

Эрипит голым сидит на коврике и удовлетворенно жует палочку из обжаренных личинок жука. Пригласив вас садиться на лежащий рядом коврик, он предлагает вам такую же палочку. Вы вежливо берете ее и кладете рядом с собой – чтобы съесть сразу по приходе домой, разумеется!

– Эрипит, – начинаете вы, – я был изумлен тем как вы, жители Очанепы, установили мир с басимами. Я тоже однажды воевал. Я вел

войну не с простыми людьми, Эрипит, а со своим собственным Создателем. Тень этой войны погрузила во мрак мою жизнь на много лун. Затем в один прекрасный день ко мне явился посланец Создателя. «Мой господин приготовил рождение нового Человека, – сказал он, – в Нем ты можешь родиться вновь, и Он может родиться в тебе. Тогда ты окажешься в мире с моим Господином».

Тут Эрипит откладывает то, что осталось от палочки из жареных личинок, и восклицает:

– Как! Ты и твой народ тоже знаете новое рождение?

Он поражен тем, что вы – необразованный чужестранец, чужак, посторонний – на самом деле настолько изощрены, что способны мыслить в категориях нового рождения. Он – то считал, что только асматы могут так глубоко постичь эту идею.

– Да, Эрипит, – отвечаете вы, – у нас тоже есть новое рождение.

– А похоже ваше новое рождение на наше? – спрашивает Эрипит.

– В чем-то похоже, друг мой. Но есть и некоторые различия. Давай я тебе о них расскажу...

Какова вероятность того, что Эрипит вас прервет, заявив: «Подожди! Как может человек, будучи старым, родиться вновь? Разве он может снова войти в утробу матери, чтобы опять родиться?»

Фактически никакой. Ибо, когда дело доходит до рассуждений о необходимости для человека испытать новое рождение, у голого, безграмотного охотника за головами и людоеда Эрипита есть преимущество, которого не было у иудея Никодима.

А как же насчет того письма, которое вы писали распорядителю миссии? Что с этой просьбой о вашем переводе в другой район Новой Гвинеи, где есть бóльшая вероятность для восприятия Благовествования?

«Ах, это!.. – слышу я ваш ответ, – знаете, я передумал. Теперь я ни за что не оставлю асмагов. Уж я побуду здесь и посмотрю, что может сделать Дух Святой с сердцами этих людей, когда Он откроет им, что Иисус Христос является не просто символическим, а истинно новым рождением, которое их ожидает». Мне почему-то так и казалось, что вы передумаете, раз уж вам кое-что стало ясно.

Яли и жителю Гавайских островов

Что общего у тридцати пяти тысяч чернокожих людоедов племени яли в центре Новой Гвинеи с иудеями? А заодно и с корич-

невными полинезийцами, живущими за пять тысяч миль на Гавайских островах?

Пусть следующий рассказ нам это объяснит.

– Ирариек, расскажи мне что-нибудь, – попросил я, держа наготове шариковую ручку. Улыбка Ирариека, двадцатипятилетнего яли, выражает удовольствие. Он явно рад моему интересу к его народу. Его глаза загораются, как будто к нему вернулось старое воспоминание – история, приключившаяся с его собственным братом – Сунаханом и другом – Кахалеком. Ирариек прочищает горло и начинает рассказывать о том, как двое мужчин ранним утром отправились за едой.

Едва приступив к сбору сладкого картофеля на своем поле, Сунахан и Кахалек услышали свист пролетевшей рядом стрелы. В следующее мгновение вторая стрела ранила Кахалека. Обернувшись, двое сборщиков картошки увидели большую группу нападающих, появившуюся из засады. Блеск в их глазах ясно говорил Сунахану и Кахалеку, что эти их враги с того берега реки Хелук твердо рассчитывали именно в этот день поживиться человеческой плотью – плотью Сунахана и Кахалека!

Побросав палки для копания, двое мужчин схватили свои луки и стрелы и пустились бежать, спасая свою жизнь.

В этот момент истории я ожидал, что Ирариек расскажет, как Сунахан и Кахалек бросились вверх по крутой тропинке, ведущей к их селению на гребне горы, высоко над полем. Но вместо этого, он сказал, что мужчины повернули от тропинки и побежали через поле к невысокой каменной стене. Как раз перед тем, как они достигли стены, еще несколько стрел поразили уже раненого Кахалека. Не успев спрятаться, он упал, расставаясь с жизнью. Но Сунахан успел перескочить через стену, повернулся, распахнул свою грудь навстречу врагам и засмеялся над ними. Прикончив Кахалека еще несколькими стрелами, нападавшие, однако, не решились забрать его тело – жители деревни уже валили вниз с горы, а труп Кахалека замедлил бы бегство людоедов.

Они скрылись, не оставив на теле Сунахана ни царапины.

Я чуть было не уронил свою ручку!

– Почему же они не убили Сунахана, – спрашивал я, – он ведь стоял прямо перед ними? Ирариек снисходительно улыбнулся.

– Дан, ты не понимаешь. Сунахан стоял за каменной стеной!

– Но что это меняло? – продолжал я допытываться.

– Земля за каменной стеной, – объяснял Ирариек, – это то, что мы, яли, называем местом спасения. Если бы нападавшие пролили хоть каплю крови Сунахана, когда он стоял за стеной, их собственные люди казнили бы их по возвращении. Точно также, хотя в руках у Сунахана было оружие, он, стоя за стеной, не осмелился выпустить во врагов ни стрелы. Так как стоящему за этой стеной запрещено проявлять жестокость по отношению к человеку.

Я был совершенно сбит с толку.

Читатели смогут найти множество других подробностей, касающихся Ирариека и удивительного сказания о племени яли, в моей книге «Боги Земли». А сейчас я должен ответить на вопрос: какая связь существует между рассказанным выше и народом Гавайев, живущем за пять тысяч миль от остужаемых дождями долин Новой Гвинеи, где обитает племя яли.

Никому неизвестно, когда жители Гавайев впервые предназначили священное место, называемое *Пуухонуа-о-хонаунау* для его особых целей. Археологи считают, что царь Кеаве-ку-и-кекаи, живший на рубеже 15–16 веков после Рождества Христова, построил на этом месте замок и окружил его трехметровой каменной стеной, часть которой еще сохранилась. Два других замка были достроены в продолжение следующего столетия.

Пуухонуа-о-хонаунау все еще стоит на западном побережье Гавайев, в шести милях южнее монумента, возведенного в память о гибели английского мореплавателя, капитана Джеймса Кука.

Пуухонуа-о-хонаунау был не просто еще одним замком. Он был местом спасения для побежденных воинов, мирного населения или тех, кто посягнул на запреты, если они успевали достичь границ этого места прежде, чем их преследователи. Попасть внутрь древней стены царя Кеаве не было только игрой в «кто быстрее». Это означало самое жизнь.

Любой беглец, попавший сюда, находил для себя готовое убежище. Сад и роща кокосовых пальм обеспечивали еду. В родниках журчала свежая вода. Полоса океанского берега предлагала купанье и рыбную ловлю.

И был Пуухонуа-о-хонаунау лишь одним из может быть двух десятков таких же «городов-убежищ», рассыпанных вдоль всей цепи Гавайских островов.

Яли... Гавайцы... Но какое все это имеет отношение к евреям и их традициям?

Когда-то иудеи – праотцы современного еврейского народа – вошли в Землю Обетованную, следуя под предводительством Иисуса Навина направлению, данному ранее Господом Моисею. Навин назначил шести иудейским городам – по три с каждой стороны реки Иордана – стать «городами убежища».

Их цель? Дать убежище тем, кто спасается от угрозы смерти за нечаянно проявленную жестокость (см. И.Нав. 20–21). Еврейские историки рассказывают нам о том, что дороги, ведущие в эти города спасения, были, как правило, самыми прямыми во всей Палестине. Мосты, попадавшиеся на этих дорогах, содержались в отличном состоянии. И все шесть городов были выстроены на возвышениях, так, чтобы беглецы легко могли их увидеть даже с большого расстояния.

Попав в иудейский город убежища, беглец оставался в безопасности, пока великий священник не совершал над ним суд. В зависимости от исхода суда, беглец либо мог быть выдан для наказания, либо выходил из города оправданным и свободным.

С тех времен в словах иудейских поэтов и пророков не утрачивалась острая образность и духовная значительность «городов убежища». Царь Давид, автор псалмов, к примеру, писал: «На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек...» (Пс. 50:1).

Если великий священник после судебного разбирательства решил выдать беглеца его преследователям для наказания, беглец становился «облеченным во стыд». Чувствуя, что одной его собственной правоты не хватит, чтобы оправдаться перед Богом, царь Давид продолжает свою просьбу: «По правде *Твоей* избавь меня» (Пс.30:2). И как раз именно это обещает сделать в Благовествовании Иисус Христос – развязать раскаянных и ищущих убежища на основе своего, а не их представления о доброте. Только при этом они должны быть уверены, что ищут спасения в Нем, а не где-то еще. Автор Послания к Евреям исходил из того же вечного закона Божьего милосердия, когда писал: «...твердое утешение имели мы, прибегшие взяться за предлежащую надежду» (Евр. 6:18).

Обратите внимание на очевидную стратегию Господа Бога. Сначала он ввел в иудейскую культуру идею «места спасения». Затем, под Его влиянием, царь Давид и другие библейские авторы укрепили образ «места спасения» – как невероятного чуда и для евреев, и для таких, как мы с вами. Не Он ли был причиной и того, что люди племени яли и народ Гавайев «велением природы» подчинялись этому, еще одному требованию *закона, запи-*

санного в их сердцах? А если так, то, конечно же, следуя именно Его целям, мы, в свою очередь, используем образы, производящие переворот в их сознании.

Китайцы и их письменность

Ранние миссионеры встретились в Китае со знаменательным препятствием. Им пришлось изучать китайскую письменность. Будучи западными людьми, привыкшими к европейским алфавитам, в которых в среднем 26 букв, они просто обомлели, узнав, что в своем письме китайцы используют систему, основанную на 214 знаках, называемых «иероглифами».

Но им пришлось еще раз раскрыть рот от изумления, когда они обнаружили, что эти 214 иероглифов, вполне загадочные сами по себе, образуют в своих сочетаниях от тридцати до пятидесяти тысяч значений. Этого было довольно, чтобы начал сетовать и самый терпеливый святой. Чего ради позволил бы Всевышний Господь какому бы то ни было народу создавать язык столь... иероглифический! Неужто для Бога не имело значения, что китайская письменность поставила почти непреодолимую преграду для передачи Благовествования одной четверти человечества?

Но, так или иначе, один из миссионеров прекратил жалобы. Он занимался изучением определенного иероглифа – того, который означал «праведность», и заметил, что знак состоит из верхней и нижней частей. Верхняя часть просто была китайским обозначением слова *ягненок*. А прямо под ягненком помещался второй символ – первое личное местоимение Я. И вдруг он разглядел удивительно ловко зашифрованное сообщение, прятавшееся в иероглифе: *я под ягненком – праведен!*

Это было ничто иное как самая суть Благовествования, для проповеди которого он пересек океан. Китайцы были поражены, когда он обратил их внимание на скрытый смысл иероглифа. Они никогда его не замечали, но как только он им его указал, этот смысл стал для них очевиден. Они не смогли ответить, когда он спросил: что это за ягненок, под которым мы праведны? И с величайшей радостью он рассказал им об «Агнце, закланном от создания мира» (Отк. 15:8), о том самом «Агнце Божиим, который берет на себя грех мира» (Ин. 1:29).

Он поделился своим открытием с остальными миссионерами, и вскоре они, в свою очередь, стали находить другие духов-

ные истины, зашифрованные в четырехтысячелетних иероглифах. Изучение китайского языка внезапно превратилось в самое захватывающее приключение, которое они когда-либо переживали. Вот еще один пример. Китайский иероглиф, служащий для обозначения лодки, включает изображение судна, на котором находятся восемь человек. Восемь? Но Ноев ковчег нес на себе к спасению именно восьмерых!

Символ, означающий «человека», представляет собой фигуру в форме перевернутого «У». Слово «дерево» обозначается изображением креста, поверх которого нанесен вышеуказанный знак – *человек*. А для слова «приходить» необходимы еще два, меньших по размеру символа «человека», расположенные по обе стороны дерева с наложенным на него обозначением большего человека. Некоторые специалисты по китайской письменности утверждают, что две меньшие человеческие фигуры вместе означают *человечество*. А если так, похоже, что иероглиф, выражающий глагол «приходить», содержит следующее закодированное послание: «Человечество, приходящее к человеку на дереве».

Тем, кто хочет подробно изучить некоторые другие, полные смысла китайские иероглифы, я предлагаю обратиться к книге Канга и Нелсона «The Discovery of Genesis», посвященной этой теме. Не все исследователи согласны в едином толковании каждого иероглифа. И тем не менее, сами китайцы (как и многие японцы, у которых, по существу, та же система письменности), были заинтригованы тем толкованием, которое им предложили миссионеры. Даже если какие-то теории не вполне закончены, одного их обсуждения может оказаться достаточно, чтобы сообщить духовную истину неверующим.

Многие китайские и японские духовные наставники, как я обнаружил во время своих исследований, считают, что использование этих разнообразных символов дает им ценное право доступа к душам их соотечественников.

Один миссионер, вернувшись из Китая, рассказал о том, как к нему подошел китайский солдат, прямо пышущий враждебностью. Миссионер набросал в блокноте несколько вышеупомянутых иероглифов и указал солдату на их скрытый смысл. Тот широко раскрыл глаза. «Мне говорили, что христианство – чужая, дьявольская религия! – воскликнул он, – но вы показываете мне сейчас, что язык моей собственной страны ее проповедует?»

Индейцы Северной Америки

Один образ продолжает проявляться тем или иным способом от Аляски до Панамы и от Калифорнии до острова Лабрадор.

Священная четверка!

Практически все племена говорят о четырех направлениях и четырех ветрах. Индейцы навахо указывают на свои четыре священных горы. Сиу используют для ритуального танца, вызывающего дождь, четыре группы лошадей, по четыре лошади в каждой. Причем в каждой группе – лошади одной масти, то есть, в целом – четыре разные масти лошадей. Многие племена пользуются четырехконечным крестом или знаком свастики, или четырехсторонней фигурой, называемой «Божий глаз» для обозначения Священной Четверки. Некоторые индейские старейшины, обучая детей законам своего племени, по обычаю, составляют уроки из четырех тем. Соответственно, индейские дети вскоре обнаруживают, что легче запоминать вещи, объединенные в группы по четыре.

Попросите некоторых индейских мудрецов объяснить сущность Священной Четверки, и общим для всех них ответом будет примерно следующий:

«Когда Великий Дух (Уакан Тонка у сиу или Саа-рен-Тайи у чехали и т.д.) создал мир, он приказал Священной Четверке поддерживать в нем порядок. И вот Священная Четверка – это не четыре бога и не четыре демона, но четыре основополагающие принципа, удерживающие вселенную от хаоса и разрушения». Попросите индейцев отдельно описать части, составляющие Священную Четверку, и у них ничего не выйдет. Если они когда-либо и знали, чем отличается одна от остальных трех, это знание было утрачено давным-давно. Индейцы говорят только о четверке в целом и никак иначе.

Знаменательно, что посланные в различные племена Северной Америки миссионеры, не осознавая смысла своих сообщений, передавали, что, когда бы они ни проповедовали четыре духовных правила, индейцы молча и внимательно слушали. А когда такие темы преподносятся с соответствующей глубиной, особенно человеком, которого индейцы привыкли уважать, это может привести и к возрождению веры.

Духовный учитель из Христианского Братства в городе Уиттиер в Калифорнии Эд Мэлон каждый год посещает районы расселения племени навахо, чтобы учить подающих большие надеж-

ды юных индейских духовных наставников. «Это поразительно, – рассказывает Мэлон, – какой огромный интерес вызывает среди людей навахо проповедь о смысле числа четыре!»

Вообразите себе учителя, который, держа перед группой индейцев брошюру о четырех духовных принципах, говорит: «Вот четыре духовных правила. Нарушите их и жизнь ваша устремится к хаосу. Следуйте им, и Господь принесет мир и порядок в жизнь вашу и вашей семьи, в вашу работу и ваше будущее...» Древние индейские верования, связанные со Священной Четверкой, невидимой аркой резонатора располагаются позади учителя, сообщая каждому его слову особый вес и значительность. Является ли идея Священной Четверки простой выдумкой? Или она содержит в себе некоторую ценность? Разве Библия не намекает на существование предписанной Богом Священной Четверки, поддерживающей порядок во вселенной?

По-моему, ответ на все эти вопросы очевиден. Взгляните на следующие свидетельства:

1. Двенадцать колен Израилевых, направлявшихся к Земле Обетованной, всегда располагались четырьмя станами по три колена в каждом. И знамена устанавливались не в каждом колене, а по одному в стане.
2. Жертвенники евреев были снабжены четырьмя рогами, выходящими из каждого угла. И чтобы жертва была полноценной, ее надо было буквально привязать к четырем углам, а не просто положить на жертвенник.
3. В Новом Завете содержится четыре Евангелия.
4. Иисус умер распятым на четырехконечном кресте.
5. В Апокалипсисе говорится о четырех конях – всех разной масти – с четырьмя всадниками на них.
6. И наконец. Священное Писание, похоже, дает нам представление о том, что реальность разделена на четыре уровня космической иерархии. Высший уровень остается за Богом, господствующим надо всем. Под ним располагается человеческий уровень, занимаемый, по праву, всеми существами, созданными по образу и подобию Божию. Еще ниже мы находим то, что можно назвать уровнем среды обитания, предназначенным для животного и растительного мира. И на самом нижнем уровне находятся материя, энергия и законы природы.

Не существует ничего, что бы не относилось к одному из этих уровней космической иерархии. И далее – до тех пор, пока каждая сущность остается в пределах предназначенного ей уровня, в мире преобладает порядок! Грех совершается, когда существо, сотворенное для бытия на человеческом уровне, пытается выбраться из своей ниши и захватить по праву принадлежащее Богу место властелина Вселенной.

Право же, в идее индейцев, может быть, содержится гораздо больше того, что схватывает разум в первом осмыслении.

Глава четвертая

УЧЕННЫЕ СО СТРАННЫМИ ТЕОРИЯМИ

В предыдущих главах я говорил только о патриархах, апостолах и христианских миссионерах, по всему миру сталкивавшихся с феноменом, который можно назвать «естественным монотеизмом». И теперь читатель вправе спросить: «А знают ли ученые, огородившиеся в своем академическом мире, об этом феномене? И если знают, какой они находят в нем смысл?»

Ответы на эти вопросы составляют одну из интереснейших глав в ранней истории антропологии и этнографии.

Сначала – несколько предварительных сведений.

Девятнадцатый век был временем, которое характеризовалось страстными поисками истоков всего – в целом и по отдельности. Основной энтузиазм брал свое начало в общей надежде, что учение, веками создаваемое определенными философскими школами, сможет, наконец, послужить ключом к открытию всех тайн. Учение это называли по-разному – от *теории материалистического трансформизма до теории развития или эволюции*. Последнее название все больше занимало преимущественное положение.

Когда Чарлз Дарвин развернул эволюционные принципы и использовал их для объяснения того, как разнообразные биологические формы могли развиваться из форм простейших, общее возбуждение еще увеличилось. Другие мыслители, трудившиеся более или менее в одно время с Дарвином, рассчитывали, что принципы эволюции помогут им раскрыть тайны еще одного феномена – происхождения человеческого общества, культуры и религии. Как же предполагали ученые этой последней группы объяснить с помощью эволюционной модели происхождение такого сложного явления, как, например, религия?

Прежде всего, они отвергли утверждение Библии о том, что первой появившейся на земле религией была монотеистическая вера – вера, которую единый истинный Бог с давних времен укрепляет последующими откровениями.

Не приняли они и другую библейскую идею, утверждавшую, что вера в духов и политеизм, во всех их формах, явились резуль-

татом упрямых попыток самого человека переделать естественную *истинную* веру после того, как он сам, введенный в заблуждение, сделал ошибочный выбор. Другими словами, сторонники эволюции стерли разницу между истинной и ложной религиями, сочтя ее с научной точки зрения несущественной. Смешав все религии в одном тигле, они выступили со смелой гипотезой о том, что первыми возникли как раз те религии, которые Библия считает ложными.

Англичанин Эдвард Тайлор, к примеру, в своем двухтомном труде «Первобытная культура» выстраивает теорию, согласно которой, представление о человеческой «душе» должно было стать тем семенем, из которого произросли все остальные религиозные концепции. По предположению Тайлора, древние дикари вообразили, что у них есть душа, встретившись с двумя видами биологических загадок: сном, эмоциональным исступлением, болезнью и смертью – с одной стороны, мечтами и видениями – с другой. Представление о душе укреплялось по мере того, как дикари замечали собственное отражение в воде или свою тень, видя в них как бы продолжение своего «я». Проснувшись, они осознавали, что видели себя во сне в таких местах, где они никогда не бывали, по крайней мере – физически.

Как только первобытные люди привыкли к мысли, что у них есть душа, – продолжает Тайлор, – их осенило, что другие субъекты существования – животные, деревья, реки, горы, небо и даже сами силы природы – тоже могут быть ею наделены. Так родилась вера в духов (Тайлор называет ее «анимизм») – первая религия!

Многими веками позже, говорит Тайлор, в некоторых человеческих сообществах возник новый феномен – расслоение на классы. Властвуя над простыми людьми, аристократия человеческого рода ввела и идею аристократии богов, правящих заурядными божествами и духами. Таким образом, из веры в духов вырос политеизм – но только там, где его спровоцировал феномен расслоения общества на классы.

Еще позже некоторые аристократические слои испытали дальнейшее превращение. Одному аристократу так повезло, что он возвысился над своими подданными, как монарх. И снова религиозно настроенные умы перенесли эту ступень общественного развития в свои представления о сверхъестественном мире. В результате один из членов местного пантеона богов стал при-

обретать преимущества перед своими божественными коллегами в качестве нарождающегося «высшего бога». Так политеизм постепенно развился в монотеизм – но опять лишь в тех районах, где его подсказал общественный феномен монархии. Эволюционная модель Тайлора, безусловно, подразумевала по меньшей мере четыре пункта. Во-первых, не оставалось более ничего таинственного в отношении религии – естественное происхождение религии и ее последующее развитие просто не были до сих пор научно объяснены. Во-вторых, поскольку монотеизм отмечал конечную стадию в развитии религии, она теперь оказалась в самом конце тупика. В-третьих, дальнейшее развитие человеческого общества уже диктовало следующий шаг для тех людей, которые хотели оставаться на вершине эволюционной волны – забыть о религии со всеми ее вымершими духами, богами или богом.

Если и есть необходимость во что-то верить, разве не больший смысл имеет верить в эволюционный процесс, как таковой. То, что способно сначала «создать» духов, божеств и даже самого бога, а затем вывести их из моды, наверняка должно быть более великим, чем они!

Но в чем же заключался четвертый вывод, предполагаемый теорией Тайлора? Это был тот самый пункт, который позволял проверить ценность тайлоровских тезисов практическими исследованиями. Если Тайлор прав, первобытные общества не должны были обладать монотеистическим предрасположением, поскольку расслоение на классы и следующая за ним идея монархии еще не подтолкнули людей к представлению о монотеизме.

Привлеченные впечатляющей стройностью теории Тайлора, десятки известных ученых оказали ему существенную поддержку. Наиболее подробное свидетельство о том, что произошло дальше, можно, пожалуй, найти в работах австрийского католического священника Вильгельма Шмидта, который был одновременно профессором Венского университета и редактором научного журнала «Антропос». В своей книге «Происхождение и развитие религии» Шмидт писал: « [Теория Тайлора] с ее подавляющим весом фактов, с ее гладкой и непрерывной последовательностью этапов развития, точным и бесстрастным стилем изложения, не оставляла места возражениям... в течение следующих трех десятилетий она оставалась «классической теорией»... почти не утрачивая своего престижа. Даже Теория Призраков

[Герберта] Спенсера, которая явилась непосредственно вслед за ней, не смогла поколебать ее высокого положения».

Затем, на странице 77-й Шмидт продолжает: «Заметным доказательством широты, с которой воздействовала на мир теория Тайлора, является тот факт, что она была принята рядом видных исследователей в области этнографии и религии почти без изменений. Следы такого безоговорочного признания можно найти в работах...» И далее Шмидт перечисляет список из 39 европейских и американских ученых, подтвердивших верность теории Тайлора, указывая на различные книги и статьи, в которых можно найти эти подтверждения.

В этом списке стоит и шотландец Эндрю Ланг, которого Шмидт называет «избранным воспитанником Тайлора». В начале своей карьеры Ланг горячо отстаивал тайлоровскую теорию в борьбе с соперничающей с ней «теорией Природы-Мифа» Макса Мюллера. И в результате – «Мюллер... вынужден был отступить».

И даже в периоды расцвета эволюционных теорий, подобных тайлоровской, время от времени отдельные голоса пытались обратить внимание на разрозненные сообщения о том, что и весьма примитивные племена обладают представлением о существовании Создателя. Но ученые обращали на это мало внимания или не обращали никакого. Шмидт так объясняет их позицию:

«Доктрина эволюционного развития покорила умы всей Европы... Создатели всех теорий, имеющих отношение к области фетишей, призраков, анимизма, тотемизма и чудес, даже если они ни в чем не соглашались друг с другом, сходились в одном – фигура бога небесного должна быть исключена из ранних стадий зарождения религии, как слишком возвышенная и непостижимая [для ума дикарей]... если конечно вы не предпочитали отнести ее на счет христианского влияния. Столь велика была сила этого общего потока мышления, и столь окончательной была дискредитация убеждения в почтенном возрасте бога небесного, явившаяся результатом этого потока, что вряд ли кто мог набраться смелости, чтобы пойти против него и указывать на довольно частые примеры возвышенного явления небесного бога у заведомо примитивных народов, где не наблюдалось ни малейших следов христианского влияния».

С каждым открытием, совершенным в рамках эволюционистского мышления, некоторые сторонники этой теории все более громкогласно предсказывали ее полную и окончательную побе-

ду над всеми остальными соперничающими системами, в особенности над теизмом. Французский христианский священник и философ Эдмон де Презанс в своей книге «Исследование истоков» писал о резко возраставшем в его время и набиравшем силу антитеизме: «Я был поражен... растущей яростью нападков не только на христианский монотеизм, но и на сами основы духовной веры. Если верить людям, выступающим в качестве признанных представителей научного мира, нам следует прийти к заключению, что все, подтвержденное апостолами Евангелия... только пустые мечты. Наше стремление к высшему миру, пользуясь лексикой одной из этих школ, есть ничто иное как высоко в воздухе кружащиеся мертвые листья, которые падают обратно на руку, их подбросившую. Все должно быть сведено к энергии, постоянно преобразовывающейся, но всегда одной и той же».

Де Презанс продолжает рассказывать о «победе, так громко превозносившейся в стане материалистов...»; о тех, «кто утверждал, что наука вынесла свое окончательное решение относительно мира души и сознания...»; об «общей поддержке, оказываемой материалистическому фанатизму, как минимум столь же беспредельному, сколь и фанатизм, встречающийся у теистов».

«В городах наших мы еженощно слышим, как Воанергес атеизма выкрикивают свое кредо...» – писал французский священник и отмечал далее «поспешный триумф, который материализм приписывает себе в популярных научных учебниках... и высокопарных газетных статьях».

Затем Де Презанс выставляет на суд своих читателей «конфликт между мыслителями нашего времени» и добавляет: «Я постарался выразить точку зрения тех, с кем я несогласен, ясно и без всякого предубеждения... Я всегда придерживался мысли, что человек зачастую гораздо лучше, чем его теории». Эдмон де Презанс включил в свой трактат и критику теории Тайлора, но, подобно многим другим, кто приступал к подобной критике, не удалось и ему остановить приливную волну эволюционного мышления на тему о происхождении религии.

Это случилось спустя одиннадцать лет, в 1898 году.

Тот самый «избранный воспитанник» Тайлора, Эндрю Ланг, снизошел до того, чтобы прочесть миссионерский отчет, посланный из дальней экспедиции домой, церквям, поддерживающим эту миссию. Миссионеры сообщали, что неразвитые обитатели этого далекого района знали о существовании Бога Твор-

ца еще до их прибытия. Шмидт так описывает реакцию Ланга: «Его первым впечатлением было, что миссионеры ошиблись. Но чем дальше увлекали его исследования, тем больше он встречал такого рода примеров. И наконец он пришел к выводу, что принцип Тайлора не выдерживает никакой критики. Публично он выразил это свое убеждение в 1898 году в книге «Создание религии»... Помимо этого Ланг был занят неустанными розысками новых подробностей, которые следовало опубликовать, ошибок и заблуждений, которые необходимо было разъяснить, нападков, которые требовали отпора...

«Трудно понять, почему большинство специалистов... за пределами Великобритании, видя, что [возражения Ланга] встречают живой отклик в британских периодических изданиях, безусловно широко известных также и за границей, и что они [эти возражения] представляют собой новую точку зрения ученого со столь высокой репутацией, ответили на выступление Ланга глубочайшим молчанием... Вся эта поза молчаливого отрицания была тем более примечательна, что появившаяся в то же время «теория чудес» повсюду встретила охотные дискуссии и в короткое время получила широкое признание. Хотя, согласно трем первым ее сторонникам... Маретту, Хьюберту... и Прессу... она покоилась на весьма еще предварительных и уязвимых основаниях».

Шмидт на протяжении всей своей книги постоянно возвращается к устойчивой тенденции ученых игнорировать или обесценивать феномен бога небесного. Первый научный труд на эту тему, по словам Шмидта, появился только в 1922 году. Кажется, для того, чтобы бог небесный был принят во внимание, надо было прежде исчерпать возможности использования *любых* других вариантов веры в качестве исходной точки для развития религии.

На взгляд Шмидта, эволюционные теории, подобные Тайлоровской, выглядят странными из-за этого их общего знаменателя – безразличия ученых по отношению к одному из путей исследования, который, как они, по-видимому, чувствуют, не будет способствовать эволюционным истолкованиям.

По существу подвергнутый своими братьями-учеными остракизму в Британии и незамечаемый коллегами в Европе, Эндрю Ланг писал: «Мне следовало ожидать, что меня, подобно другим мученикам науки, сочтут назойливым, скучным приверженцем одной идеи, которая к тому же ошибочна. Возмутиться этим –

значит продемонстрировать серьезное отсутствие юмора и солидную недостачу знаний о человеческой природе».

И все же Ланг продолжал свое наступление, опираясь в частности на «удивительные открытия Алфреда Уильяма Хауитта относительно представлений о высшем существе у племен юго-восточной Австралии... и на сведения, предоставленные госпожой Лэнгло Паркер [о других австралийских племенах]... Использовал он и факты, касающиеся бушменов, готтентотов, зулу, яо, народов западной Африки и островов Огненной Земли и, более широко – индейцев Северной Америки». Сразу после опубликования сообщений Хауитта в 1884 году и задолго до того, как Ланг привлек всеобщее внимание к его австралийским исследованиям, с работой Хауитта познакомился сам Тайлор. Какова же оказалась его реакция? Шмидт сообщает:

«Единственной возможностью для него... было... подвергнуть сомнению естественное происхождение этих богов, рассматривая их как результат европейского и, в частности, миссионерского влияния».

Через шесть лет Тайлор выразил это свое мнение официально в статье под названием «Пределы примитивных религий». Но Хауитт, все еще не отдававший себе отчета в том, что его исследования подрывают теорию Тайлора, которой он восторгался, и даже критиковавший позднее Ланга за то, что тот использовал его открытия для нападок на тайлоровскую теорию, объективно уже дал понять Тайлору, что никакого «влияния» не наличествовало.

Другие исследователи также подтверждали, что миссионерским влиянием нельзя объяснить один и тот же феномен, появлявшийся помимо Австралии во многих иных районах земного шара. Для теории Тайлора это было началом конца. Шмидт сообщает, что по приближению развязки «ни от Тайлора, ни от Фрэйзера невозможно было добиться ни слова, несмотря на прямой вызов, брошенный им Лангом».

Именно Шмидт, потрясенный общим отказом Лангу в признании, предпринял один из широчайших исследовательских проектов, когда-либо осуществленных в одиночку. Шмидт начал регистрировать и собирать свидетельства о «естественном монотеизме» – те самые свидетельства, которые хлынули со всех концов мира, подобно мощному приливу. В 1912 году, (год кончины Ланга) Шмидт опубликовал свой гигантский труд «Происхождение концепции бога». Но сведения продолжали поступать

неудержимо, и он издал второй том, затем еще один и еще, пока в 1955 году не собрал в двенадцати больших томах в целом более четырех тысяч страниц таких свидетельств!

Вся тринадцатая глава книги Шмидта «Происхождение и развитие религии» посвящена цитированию десятков антропологов, которые подтверждали, что исследования автора были признаны фактически всеми. Приливная волна повернулась вспять. И все же...

Прежде чем утратить свое значение, теория Тайлора успела вдохновить отдельных ученых использовать ее идеи в других областях. Можно предположить, что несостоятельность «материнской» теории должна была бы привести к увяданию ее концепционных «отпрысков» и во всех остальных сферах. Но этого не случилось. Некоторые из этих идейных отпрысков теории Тайлора зажили, так сказать, самостоятельной жизнью и сумели отделить себя от своей родительницы. Так что, когда она была обезглавлена, они выжили и, сколь бы ни казалось это несправедливым, продолжают существовать *и по сей день!*

И снова именно Вильгельму Шмидту мы обязаны тем, что он вскрыл одну довольно коварную связь. Связь, в которой состоят –

Теория Тайлора и либеральная теология

Шмидт писал: «Следующим важным предметом завоевания для анимистической теории была область богословского изучения Ветхого Завета. Здесь предводителем оказался Липперт, который... объявил, что теория сохранила всю свою ценность по отношению к истории еврейского народа и [его] религии. Такое приложение теории было немедленно принято двумя ведущими богословами либерального протестантизма – Штаде... и Шваллем... К ним присоединился длинный ряд авторов, таких как: Шменд, Бензингер, Велхаузен, Бертольд и все те, кто увидел в этом поддержку их собственным воззрениям, не только по поводу результатов текстологического анализа, на которых они настаивали, но и в связи с данными этнографических исследований, в том виде, в каком их передавала теория Тайлора».

На 192–195 страницах Шмидт цитирует профессора Брокелмана, заявлявшего, что «Велхаузен... более или менее осознанно находился под влиянием Тайлора... [и]... полагал, что анимизм является единственным источником религиозного сознания».

Речь идет о том самом Велхаузене, который стал известен, как автор знаменитой теории, настаивавшей на том, что в Ветхом Завете можно найти признаки политеизма, предшествовавшего, по теории Тайлора, развитию библейского монотеизма. Он утверждал, что позднее монотеистически мыслящие священники пытались изъять из Пятикнижия более ранние места, соответствовавшие политеистическому сознанию, но некоторые из этих мест они все же просмотрели. Выросшая из этой теории система «Критики исторических источников» не только привела к ослаблению веры у миллионов христиан и подорвала жизненные силы сотен тысяч церквей по всему миру, но и помешала огромному количеству неверующих серьезно относиться к Священному Писанию. И ни один либеральный ученый, насколько мне известно, не забил тревогу и не заявил: «Постойте-ка! Раз мы больше не одобряем теорию Тайлора, почему же мы все еще поддерживаем этих ее последышей?»

Даже консервативно настроенные ученые часто удостаивали либеральную теологию Велхаузена незаслуженных ею комплиментов, когда спорили с ней, как с идейно независимой концепцией. Их критика могла бы стать гораздо более действенной, если бы они открыто обнародовали тот факт, что теология Велхаузена основывалась на антропологической теории, которую большинство антропологов к тому времени уже отвергло.

Теория эволюции и расизм нацистов

В теориях биологической и культурной эволюции, созданных XIX веком, довольно серьезно подразумевалась вероятность того, что одна из ветвей человечества – европейская – уже обогнала остальное население Земли в физическом и культурном развитии. Человеком, осмелившимся довести это предположение до логического конца, был немецкий философ Фридрих Ницше (1844–1900).

Взгляды Ницше и многих эволюционистов того времени можно проиллюстрировать следующим сравнением. Представьте себе все человеческие общества участвующими в гигантском культурном «марафоне». Цель его – пройти дистанцию от примитивной культуры каменного века к высочайшей ступени идеального общества, наслаждающегося технологической властью над природой. Далее следует, что если все участники начинают

с единой стартовой линии в одно и то же время и двигаются одним и тем же курсом к единому финишу, то появляется возможность оценивать их силы и слабости по единой шкале. И если человеческие общества, принадлежащие к какой-либо одной генетической ветви, проявляют постоянную тенденцию «идти в отрыве», так сказать, от остальной массы, это будет доказательством того, что данная ветвь человечества достигла и более высокого физического развития.

Неизбежно было прийти к выводу, что высоко развитые в техническом отношении европейские людские сообщества являются «лидирующей группой» – вот теми самыми атлетами, которые в среднем пробегает милю за пять минут или еще быстрее. Другие народы были подобны бегунам, которым нужно шесть, семь или восемь минут. Примитивные же племена оказывались самыми медлительными – они были марафонцами, проходящими милю только за девять, десять, а то и одиннадцать минут.

Ницше, в частности, сосредоточил внимание на бегуне-лидере. Он дал ему имя Сверхчеловек. Сверхчеловек представлял собой личность, которая, благодаря своему более быстрому эволюционному развитию, была достойна встать над человечеством. Ей полагалось достичь этого господствующего положения одной только «волей к власти». Моральных качеств не требовалось, так как сверхчеловек, по определению Ницше, был «вне добра и зла».

Не сомневаюсь, что ни Ницше, ни его коллеги-эволюционисты даже не подозревали, что другой немец – Франц Боас – вскоре поставит под угрозу идею европейского расового превосходства. Его книга «Разум первобытного человека» (1911), по сути дела, привела к ревизии нашего сравнения, в котором все человеческие сообщества участвуют в едином забеге. Боас утверждал, что на самом деле много марафонских забегов имело место одновременно. Что у каждого сообщества или группы сообществ была своя стартовая линия, свое время старта, своя трасса и своя финишная ленточка. Следовательно, просто невозможно было оценивать их соответствующие «силы» и «слабости», пользуясь единой шкалой. Скажем, культуру, ищущую гармонии с природой, нельзя судить по законам культуры, стремящейся к техническому овладению ее.

И поскольку это было справедливо, постольку просто не существовало веских причин использовать понятие культуры в ка-

честве исходной посылки для вывода о врожденном превосходстве одной генетической ветви человечества над другой.

Можно бы надеяться, что опровержение Боасом теории европейского расизма спасет нас от всех болезненных последствий, заложенных в расистском мышлении. Но не суждено было этим идеям так просто исчезнуть. Спустя три десятилетия после смерти Ницше честолюбивый немец по имени Адольф Гитлер решил, что ежели европейцы – самая высокоразвитая ветвь человечества, то он и его соотечественники немцы – самая высокоразвитая часть европейцев, то есть «высшая раса».

Ему же самому, как главе высшей расы, захотелось доказать, что он, соответственно, сверхчеловек. Дальнейшая часть этой истории остается одним из ужаснейших кошмаров человечества.

Суть в том, что одно из позднейших приложений эволюционизма XIX века ухитрилось пережить и сотрясение, вызванное разгромом теории Тайлора, и всеобщее признание новых идей Боаса. А результатом явились неисчислимые человеческие страдания. Тот факт, что создатели теории могут впоследствии предать ее забвению, сам по себе еще не гарантирует того, что от нее автоматически откажутся лидеры в других областях жизни.

Гитлеровским нацистам работы Франца Боаса, естественно, не нравились. В тридцатые годы они лишили Боаса почетной докторской степени, которую присвоил ему университет Киля, и устроили в городах Германии публичные сожжения его книг.

Таким образом, расизм нацистов при самом своем рождении преднамеренно отвергал существовавшие объективные свидетельства.

Теория Тайлора и коммунизм

Политические движения резко различаются в своем отношении к религии. Некоторые решительно ее поддерживают. Другие относятся к ней терпимо, как к человеческой слабости. Иные используют религию в своих политических целях. Но Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Владимир Ильич Ленин, отцы-основатели коммунизма, заняли, я бы сказал, более честолюбивую и самонадеянную позицию. Коммунизм, решили они, должен подавить и, если это возможно, уничтожить религию на всей земле.

Коммунисты могут иногда счесть целесообразным использовать религию там и сям для определенных политических нужд, но и тогда их конечной целью остается ее уничтожение.

Часто они обнаруживали, что уничтожение религии требует уничтожения верующих. Или насильного отторжения детей от таких семей. Или использование пыток и тюремного заключения. Это не важно. Как прирожденно антирелигиозная политическая система, коммунизм рвется к своей цели.

Ирония в том, что антирелигиозная политика иногда оказывалась ярмом на шее коммунизма. Миллионы индонезийцев, например, решительно и энергично сорвали попытку коммунистов захватить контроль над их родиной в 1965 году. Самым сильным их возражением против коммунистической формы правления было то, что они просто не смогли бы примириться с подавлением религии. Если бы не эта политика, коммунисты могли бы овладеть Индонезией – одержать победу, которая страшно помогла бы им в их деле.

Почему же отцы-основатели коммунизма обременили возникшее политическое движение этой чрезвычайно невыгодной доктриной? Если бы Ленин предвидел, по крайней мере, замечательную способность религиозных людей поддерживать свою веру и даже распространять ее, несмотря на худшее из того, к чему прибегают коммунисты, он, возможно, дважды подумал бы, прежде чем взять превостепенной задачей коммунизма уничтожение религии. Что заставило основателей коммунизма считать истребление религии и желанным, и возможным? Меня никогда не убеждало предположение о том, что это было просто их личным пристрастием. Следующая цитата, переведенная моим другом из немецкого издания собрания сочинений Ленина, показывает, что он, по крайней мере, пытался эту цель обосновать научно. «Программа нашей партии в целом построена на мировой научной, то есть материалистической точке зрения... Наша программа... в истинном свете представляет исторические и научные объяснения происхождения религиозных тайн... Таким образом, наша программа непременно содержит пропаганду атеизма».*

Не представляет труда разглядеть за таким заявлением влияние теории Тайлора. Как настойчиво повторял Вильгельм Шмидт, во второй половине XIX века Тайлоровская теория буквально захватила умы европейских и американских ученых. Самостоятельно ли, или через работы Маркса и других, Ленин должен был узнать, что наука

* The Collected Works of Lenin, trans. from German by H. Paulson, том 12, стр. 245. (Дано в переводе с английского).

«развенчала» наконец незыблемое право религии на истолкование тайн духа. Прежде критики религии полагались в основном на философские доводы. Но не была ли более уничтожающей возможность заявить, что происхождение религии и ее последующее развитие теперь объяснимо с научной точки зрения – и все без какого бы то ни было обращения к реальностям духовной жизни?

Другим свидетельством все еще продолжающегося влияния теории Тайлора на отношение коммунистов к религии является тот факт, что его точка зрения на развитие религии изучается в институтах и университетах всего коммунистического мира в качестве важнейшей основы атеизма. Более того, коммунистические правительства рассылают потоки литературы, равно как и бригады лекторов или преподавателей по программам обмена, в страны третьего мира и даже в западные страны, чтобы обучать теории Тайлора, как доказавшей свою истинность. Вот вам несколько примеров.

Мой друг, доктор Уэйн Дай из Уайклифского Общества переводчиков Библии был несколько лет назад приглашен, чтобы прочитать лекции на научном симпозиуме в Папуа-Новой Гвинее. Были туда приглашены и несколько антропологов из коммунистических стран. И что же было темой лекций, которые читали коммунисты юным студентам в университете Папуа в его присутствии? Истинность теории Тайлора о происхождении религии! Странно было доктору Даю слышать, как в XX веке все еще пропагандируются подобные принципы. Во время перерыва Дай спросил ученых-коммунистов, как они соотносят свои лекции с тем, что теории, подобные тайлоровской, были опровергнуты еще в первых десятилетиях нашего века. Оказалось, к его изумлению, что они не вполне знакомы с этими опровержениями.

Второй пример. В начале 1983 года на студенческой конференции, проводившейся в Сан-Диего, начинающий студент одного из крупных университетов Южной Калифорнии рассказал мне, что он посещает курс лекций по антропологии, которые читает профессор, приглашенный из Китая. «Он излагал теорию Тайлора от начала и до конца, – жаловался студент, – и даже ни разу не упомянул, что она с тех пор была уже отвергнута в свете более поздних этнологических исследований. И более того – весь класс это глотает. Да и я бы не знал, что это ложь, если бы не читал «Вечность в их сердцах».

Жалоба студента ставит этическую проблему. Достойно ли университета требовать от студентов за обучение с трудом зара-

ботанные деньги, с тем, чтобы коммунист имел возможность преподавать им устаревшую теорию, превратившуюся в коммунистическую догму? Платя за курс, студенты верят, что университет возьмет на работу преподавателей, которые будут учить их *настоящей* антропологии. А университет обманывает их в этой вере.

Позже университет потребует еще больше денег, чтобы другие педагоги помогли студентам разучиться тому, чему их учил профессор-коммунист.

Нельзя винить этого профессора за то, что он преподает только то, чему учили его самого в рамках коммунистической системы образования. Вина лежит на университете, который не проверил, способен ли этот педагог преподавать современную антропологию.

Пример третий. Один христианин, посещая недавно Югославию, затевал с несколькими коммунистами беседы о вере в Бога. Каждый из них в своих ответах защищал атеизм, пользуясь аргументами, в которых легко узнать тайлоровскую теорию. Некоторые даже предлагали ему брошюры, объяснявшие, что это не научно – верить в нечто, представляющее, как полагают, духовную реальность, тогда как само оно является простым продуктом той же эволюции. Этот христианин в то время ничего не знал об обстоятельствах, связанных с эволюционной теорией XIX века и не мог достойно участвовать в полемике с коммунистами.

Становится ясным, что поражение теории Тайлора не помешало коммунистам использовать ее для того, чтобы узаконить продолжающееся подавление ими религии. Трудно возлагать за это вину на Маркса, так как он умер в 1883 году – за год до того, как работы Хауитта о естественном монотеизме среди австралийских аборигенов пробудили первые серьезные сомнения в справедливости тайлоровской теории. Да и Энгельс умер в 1895 году – за три года до опубликования Лангом его сокрушающего труда «Создание религии», с таким негодованием принятого вначале. Может быть, мы никогда не узнаем и того, до какой степени Ленин был знаком со свидетельствами о меняющейся точке зрения западного мира.

Во всяком случае, в современном мире проблема странных теорий о происхождении религии все еще существует. Ученым, живущим сравнительно благополучной жизнью здесь, на Западе, легко говорить: «Да, но мы не придерживаемся сегодня этой точки зрения». И совсем иначе обстоит дело для рассеянных по всему третьему миру миссионеров, которые вынужде-

ны учиться тому, как противостоять коварному использованию этих идей враждебными политическими силами. Я вовсе не считаю, что кто-то должен был заткнуть Тайлору рот. Было вполне справедливым, что его идеям дано было слово в суде истории. Ни в коей мере я не сомневаюсь и в том, что наука антропология, как таковая, заслуживает доверия. Я убежден, что христиане должны стремиться к участию в развитии антропологии, так же как и других общественных наук, с тем, чтобы для равновесия привнести в эти науки систему ценностей Божественного миропонимания. Если бы Вильгельм Шмидт не отдал всего себя такому стремлению, разоблачение ненаучной основы теории Тайлора могло бы задержаться на многие годы. Пожалуй, можно было бы отчасти винить либеральных ученых, которые сначала не замечали критики Эндрю Лангом тайлоровской теории или выступали против этой критики. Они так быстро приняли теорию Тайлора не только из-за ее стройности, но и потому, что она соответствовала их собственным предварительным представлениям об эволюции и предполагаемом превосходстве европейского человека. Возражения Ланга и Шмидта они принимали, едва поворачиваясь и помалкивая, так как эти возражения не подтверждали их предпосылок. Будь реакция на открытия Ланга и Шмидта столь же горячей, как и предшествовавшее воодушевление работами Тайлора, может быть... только может быть – последующие дискуссии достигли бы слуха Ленина до того, как он начал опускать железный занавес вокруг России, перенесшей революцию 1917 года (который, по совпадению, оказался годом смерти Тайлора).

Тогда Ленин, если мне позволено будет предположить за ним дар сомнения, возможно, еще подумал бы – стоит ли возлагать так много коммунистических надежд на тайлоровскую теорию. И антирелигиозная установка коммунизма могла бы, соответственно, стать менее жесткой.

Будем надеяться, что этот обзор исторической судьбы предмета даст христианам возможность быть не только лучше информированными, но и более способными противостоять силам, которые в сегодняшнем мире борются с Благовествованием. Может быть и христианам, живущим под коммунистическим давлением, придаст бодрости знание того, что даже сама наука открыто отвергла те основы, которые использует коммунизм, чтобы опорочить религиозную веру.

Прежде чем оставить эту тему, я бы хотел посоветовать христианам внимательно следить за спором, вызванным первой книгой Маргарет Мид «Совершеннолетие в Самоа». Австралийский антрополог Дерек Фриман подверг Маргарет Мид, которая сейчас больна, резкой критике за то, что она ввела общество в заблуждение относительно культуры Самоа. По мнению Фримана, все дело не стоило бы выеденного яйца, если бы либералы, подобные Бернарду Шоу, Хавелоку Эллису и многим другим не решили приписать книге Мид значительность и влияние, непропорциональные ее истинной ценности. Фриман несколько не принижает тем самым значение жизни и деятельности Маргарет Мид в целом.

Некоторые считают, что эта первая книга Мид оказала в свое время такое же раскрепощающее влияние на воспитание и образование нашей молодежи, какое знаменитая книжка доктора Спока оказала на уход за детьми.

Другие специалисты объединяются сейчас в защиту книги Маргарет Мид. Пыль еще не осела, и исход спора пока не ясен. Но следует обратить внимание на то, что спор идет не между либерально настроенными людьми и теми, кто придерживается консервативных взглядов, а скорее между двумя группами либералов. И обе они очень не хотят, чтобы результаты полемики оказались на пользу сторонникам консервативной точки зрения.

Часть вторая

**БЛАГОВЕСТВОВАНИЕ,
ПРИГОТОВЛЕННОЕ ДЛЯ МИРА
(ФАКТОР АВРААМА)**

Глава пятая

ЧЕТЫРЕХТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ СВЯЗЬ

Директор Центра Мировых миссий Соединенных Штатов в городе Пасадине, штата Калифорния, доктор Ралф Уинтер любит иногда поразить слушателей, говоря вещи, которые кажутся им нереальными, хотя на самом деле таковыми не являются. Однажды, например, доктор Уинтер заявил:

– Большинство христиан считает, что в Библии по сути, ничего не говорится о миссионерстве. Они относятся к идее миссионерства, как к запоздалой мысли, пришедшей на ум Христу в самом конце его пути. Как если бы он вдруг щелкнул пальцами в последнюю минуту перед вознесением на небеса и сказал: «Да, кстати, ребята, забыл вам сказать...» – и затем, ни с того, ни с сего ошарашил их этим беспримерным, совсем для них неожиданным распоряжением нести Благовествование в мир.

Но на самом-то деле, – продолжал доктор Уинтер, – Библия фактически начинается с миссионерства, поддерживает его в качестве центральной темы на всем своем протяжении и завершает эту тему в Апокалипсисе внезапным взрывом радости, так как назначение миссионерства исполняется! Доктор Уинтер сделал паузу, разбирая свои заметки, пока его слушатели, один за другим морщили лбы в немом вопросе. Потом один из них поднял руку и задал этот вопрос, который был на уме у каждого.

– Доктор Уинтер, Библия начинается с повествования о том, что Бог создал небо и землю. Какое же вы находите здесь миссионерство? Но как раз этого-то и ждал умудренный лектор.

– Главной темой Библии, – отвечает он, и глаза его помаргивают под оправой очков, – является благословение Богом всех людей на земле через благословение, данное сначала Аврааму. А где Бог обещает благословить через Авраама всех людей на земле? – В двенадцатой главе Бытия, – отвечает кто-то.

– Значит двенадцатая глава Бытия и есть подлинное начало Библии, – продолжает доктор Уинтер, – а все что ей предшествует – вступление. Точно так же внушенное свыше, да! И все же только вступление. Основная тема начинает свой путь лишь с двенадцатой главы. Давайте в нее заглянем.

Полный любопытства, я пролистал Книгу Бытия до двенадцатой главы и прочитал три первых стиха. Я много раз читал их прежде. Сейчас я убедился, что недооценивал их значения. Эти три стиха содержат слова Ягве о том, что иудеи и христиане называют *Заветом Авраама*. Авторы других частей Библии иногда называют это «обетованиями», так как их несколько. В других местах они говорят об «обете» в единственном числе, потому что различные обетования, включенные в завет, вместе составляют единую последовательную цель Бога.

Я увидел, что несколько обетований, содержащихся в завете, можно разделить на две основных группы. Я озаглавил бы их *исходный ряд* и *конечный ряд*. Посмотрим сначала на *ряд исходный*: «Я произведу от тебя великий народ, – говорит Ягве, – и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословение. Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя проклену».

Так называемые «критики исторических источников» указывают саркастически, что завет Авраама был на самом деле лишь еще одним примером того, как незначительный местный божок разжигает самолюбие избранной кучки своих последователей, обещая дать им редчайшее благословение. А происходит это потому, что критики эти в гордыне своей чувствуют себя настолько выше текста, что не видят, что там по существу говорится. Обратите внимание, что как раз посреди этого ливня обещаний, касающихся личного, общественного и политического успеха для Авраама, возникает определяющая фраза: «...и будешь ты в благословение».

И фраза эта предвещает конечный ряд завета:

«И БЛАГОСЛОВЯТСЯ В ТЕБЕ ВСЕ ПЛЕМЕНА ЗЕМНЫЕ»

Мыслящего читателя эти слова повергают в молчание. Мы сразу ощущаем, что Бог, говорящий такими словами, не жалкий местный божок. Это Бог, чьи планы одновременно милосердны и универсальны, и сводят воедино все века и культуры. Если Он разделяется с врагами Авраама, то не с тем только, чтобы защитить самого Авраама, но чтобы не дать им погасить огонь, разожженный для того, чтобы согреть целый мир.

Очевидно, что завет Авраама – не первое свидетельство откровения Бога человеку. Адам, Каин, Авель, Сиф, Енох, Ной, Иов и, без сомнения, многие другие, вплоть до Авраамова сов-

ременника Мелхиседека, получали от Бога прямую весть. Бог явил себя во сне даже царю филистимлян Авимелеху (см. Быт. 20:6). Предметом этих ранних явлении Бога были (1) сам факт Его существования; (2) творение; (5) бунт и падение человека; (4) необходимость жертв, чтобы умиловать Бога, и изощренные попытки бесов заставить человека приносить жертвы им; (5) великий потоп; (6) внезапное появление множества языков и последующее разделение человечества на многие народы; и, наконец, (7) осознание человеческой потребности в новом явлении Бога, которое вновь соединит с Ним человека благословенными отношениями.

Семь этих главных событий, бывших известными задолго до времени Авраама, все еще находятся – в нисходящем порядке их статистического появления – среди основных составных элементов народных религий по всему миру. По тому, сколько из этих семи элементов и насколько отчетливо сохранилось, можно судить о том, до какой степени сберегла свои силы та или иная религия. По этим признакам религия каренов, открытая в Бирме Бордманом, Уэйдом, Мэйсоном и другими, была, пожалуй, «чистейшей» народной религией, оставшейся на земле в наши времена.

Эти сохранившиеся по всему миру элементы составляют то, что иногда называют *общим откровением*. Поскольку Мелхиседек был главным представителем откровения этого рода в дни Авраама, я определил его, как «фактор Мелхиседека».

Завет Авраама, однако, возвышается посреди этого моря общего откровения подобно острову. Этот остров называют *особым откровением*. И в истории он представляет собой «фактор Авраама». Из предыдущих глав мы уже узнали кое-что о факторе Мелхиседека. Теперь нам предстоит изучить фактор Авраама. В чем отличие Авраамова фактора особого откровения от предшествующего ему откровения общего? Во-первых, особое откровение всегда связывают с канонической, внушенной вдохновением свыше записью. Чтобы написать Книгу Бытия, являющуюся началом этого канона, Моисей, по-видимому, собрал вместе ранние записи. Затем он прибавил книги Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Без этой уникальной настойчивости особого откровения в сохранении письменного документа человечество, вероятно, осталось бы без какого бы то ни было авторитетного свидетельства о том роднике, из которого позже по всей земле распространилось общее откровение.

Автор Новозаветного Послания к Евреям призывает обратить особое внимание на то, что ко времени Мелхиседека общее откровение уже было лишено исторически прослеживаемой связи с особым откровением. Этот автор указывает на необычность того, что Моисей, подробно записывая родословную каждой важной личности в эпоху патриархов, не отмечает ни имен родителей Мелхиседека, ни исторические обстоятельства его рождения, ни в каком возрасте он скончался (см Евр 7:3). Он не говорит: «Мелхиседек, сын такого-то...». Он также подчеркивает, что, в отличие от левитского священства, которое пришло через Авраама, священство Мелхиседека не было основано на кровном родстве со священскими коленами. Священник Мелхиседекова типа всегда, так сказать, «оказывался на месте». Вы никогда не смогли бы предсказать – где одного из них можно (или нельзя) встретить.

И это было постоянным свойством общего откровения – его способность «оказываться на месте». Автор Послания к Евреям утверждает, кроме того, что Мессия, который явился среди людей во исполнение каждого духовного аспекта, предвещаемого системой священства левитов, был в то же время «священником вовек по чину Мелхиседека» (Пс. 109:4; см. также Евр. 5:4–10; 6:20; 7:15–22). Иначе говоря, Христос – Господь обоих откровений – и общего, и особого.

Единство обоих откровений в Христе отмечено также апостолом Иоанном, который писал: «Свет истинный [Христос], Который просвещает каждого человека [через общее откровение]» являлся в мир – то есть, чтобы светить каждому человеку новым, особым образом. Иоанн также утверждает: «Свет во тьме [содомский фактор] светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5).

Ученые открыли недавно, что даже физический свет существует в двух формах – рассеивающегося и концентрированного (когерентного) излучения. Рассеивающийся свет, которым называют дневной свет, свет осветительных ламп, свет от огня и так далее, имеет место, когда естественным путем образуются соответствующие условия. Когерентный свет образуется только в лазере и требует, таким образом, специальных целенаправленных приготовлений и особых приборов. В рассеивающемся свете отдельные фотоны распространяются непреднамеренно, как бродяги, разгуливающие по парку. В когерентном излучении фотоны собраны в «жесткий» луч, как если бы бродяги вдруг организо-

вались и двинулись через парк в ногу, подобно армии. Когерентному излучению доступны чудеса, выходящие за пределы возможностей рассеивающегося света. Оно может, например, прожигать металл и даже удалять катаракту с глаз слепого.

Так что общее откровение наверно можно называть *рассеивающимся* откровением, а особое, если следовать этой параллели, становится *когерентным* откровением, так как все его строение предназначено не только просвещать, но и нести «благословение»! Беря свое начало в Авраамовом Завете в качестве особого откровения, обещанное «благословение» осуществляется через Мессию. И объектом этого благословения являются «все племена земные». Но не *каждый человек* на Земле – ибо тогда сам Завет Авраама мог бы стать основанием для идеи всеобщего спасения.

Выражение «все племена» представляет собой Божественное признание этнических различий внутри нашего рода человеческого. Тот же Бог, чье высшее вмешательство в Вавилоне привело к появлению большого количества разных человеческих культур, теперь избирает целью своего «благословения», дарованного Аврааму, каждое племя, созданное в результате этого вмешательства. Моисей, описывая договор Ягве с Авраамом, уже отмечает тридцать шесть языческих племен.

Мало того. Бог полон такой решимости исполнить Свое обещание благословить Авраама и сделать его благословением всем племенам, что *связывает Себя клятвой*, чтобы подчеркнуть эту решимость (см. Быт. 22:15–18). И клятва эта объединяет исходный и конечный ряды Завета (см. в частности Быт. 22:18).

Такое клятвоприношение – очень серьезный поступок с точки зрения семитских народов – снова вызывает энергичные комментарии автора Послания к Евреям. Он говорит, что Бог, таким образом, поставил в зависимость от исполнения Завета всю Свою безмерную репутацию, чтобы каждый знал, что тут представлено «непреложную Его волю» (Евр. 6:17).

Какова же, стало быть. Его воля? Гарантировать, что оба ряда Авраамова Завета – исходный и конечный – станут реальностью. Благословится Авраам и семья его (которое, как мы увидим далее, включает в себя не только еврейский народ), и затем семья Авраамова станет благословением для всех племен. А теперь давайте зададим себе неизбежно возникающий вопрос: подтверждает ли Писание, начиная с 12 главы Бытия, что Ягве настойчиво осуществляет исполнение своих, скрепленных клятвой, обеща-

ний Аврааму, включая и конечный их ряд? Или Писание показывает, что связав Себя этой священной клятвой, Ягве, некоторым образом, отклонился от своего пути и занялся преследованием других целей? Прежде всего, замечали ли вы когда-нибудь, сколь много мест в Ветхом Завете посвящено описанию того, как всевозможные сыновья и дочери Авраама становились благословением для языческих народов? Просто на тот случай, если вы не заметили важной особенности этих существенных событий Ветхого Завета, я хочу указать вам, на некоторые из них:

1. Авраам самим собой принес свидетельство благословения *хананеям, филистимлянам, хеттеям* и – в несколько отрицательном смысле – *египтянам*.
2. Иосиф был потомком Авраама, который восполнил для *египтян* недостаточность свидетельства, представленного им его предком. Иосиф благословил народ Египта и в самом деле удивительным способом.
3. Два соглядатая, пробравшиеся в Иерихон перед тем, как он был разрушен, стали благословением для *хананейской* блудницы Раав и для ее семьи.
4. Одна из прадочерей Авраама – Ноеминь была благословением для двух *моавитянок* – Руфи и Орфы.
5. Моисей стал благословением для своего *мадиамского* тестя Иофора (Исх. 18:1–20).
6. Царь Давид вынудил даже своих врагов *филистимлян* признать величие Господа.
7. Пророк Илия был благословением для *сидонской* вдовы в Сарепте (Лк. 4:26).
8. Точно так же пророк Елисей был благословением для Немана *сириянина* (Лк. 4:27).
9. Иона, хотя и неохотно сначала, но стал благословением для нееврейского населения *Ниневии*.
10. Царь Соломон оказался благословением для «южной царицы» *Савской* (Лк. 11:51).
11. Даниил с тремя своими товарищами Седрахом, Мисахом и Авденага стали благословением для жителей *Вавилона*.
12. Мардохей и его приемная дочь Эсфирь были благословением для всего *Персидского царства* (Эсф. 8:17).

13. Иезекииль, Иеремия, Ездра, Неемия и другие пророки принесли Слово Господа различным *нееврейским* народам.

Ясно, что Святой Дух использовал принцип отбора, решая, должно или не должно войти в канон Ветхого Завета описание той или иной биографии. Из десятков тысяч других, достойных описания биографий, которые также могли бы быть включены в канон. Он предпочел только те, *которые демонстрируют, как действуют в жизни сыновей и дочерей Авраамовых оба, и исходный и конечный, ряды Аврамова Завета.*

Но и это не все. В Ветхом Завете содержится более трехсот утвердительных заявлений, которые усиливают скрепленное клятвой обещание Бога благословить все народы на земле (см. к примеру Пс. 66 и Ис. 49:6). В книге, которая будет продолжением «Вечности в их сердцах», я перечислю все эти места для читателей, которые захотели бы получить полное впечатление от этой стержневой, объединяющей темы Библии.

Что же мы обнаруживаем, переходя теперь к Новому Завету? По-прежнему ли Бог остается верен Своему древнему обязательству или отклоняется от него? Апостол Павел, например, не оставляет нам никакого повода сомневаться, что Новый Завет – действительное развитие первоначальной Божьей цели, открывшейся в Завете Авраама.

Только в одной главе своего Послания к Галатам Павел пять раз подчеркивает неразрывную связь между Заветом Авраама и Новозаветным Благовествованием:

1. «И Писание, провидя, что Бог верою оправдает язычников, предвозвестило Аврааму: «В тебе благословятся все народы» (Гал. 3:8).
2. Павел считал Благовествование Нового Завета уже двухтысячелетними узами связанным с Заветом Авраама. Но есть и другие подтверждения.
3. «[Он] искупил нас... Дабы благословение Авраамова [т.е. «исходный ряд» благословения] через Иисуса Христа распространилось на язычников [исполняя обещания «конечного ряда»]» (Гал. 5:15–14). И Павел продолжает:

«Аврааму даны были обетования и семени его. Не сказано [в Писании] «и потомкам», как бы о многих, но как об одном «и семени твоему», которое есть Христос» (Гал. 5:16). Зна-

чит в особом, исключительном смысле Иисус Христос был СЕМЕНЕМ Авраама. И Павел снова подтверждает это специфическое определение Христа, как семени Авраамова.

4. Стих 19: «[Закон] дан после... до времени пришествия семени, к которому относится обетование».
5. Но есть более общий смысл, согласно которому все, кто отождествил себя с Христом своей верой в Него, тоже являются «семенем» Авраамовым: «Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники» (Гал. 5:29).

Мы, христиане, в общем-то не оценили по-настоящему тот факт, что Павел и остальные апостолы видели в Завете Авраама основу для всего того, что явился осуществить Христос. Это обетование было, таким образом, основой и для их труда, и для для того, что ими написано. Благодаря положениям Авраамова Завета (особенно его «конечному ряду»), они ощущали свою жизнь включенной в долговременную историческую. Богом предвещенную перспективу. И они пользовались этим конечным рядом обетования, как главным своим средством, чтобы объяснять соотечественникам евреям необходимость пробиваться к сознанию других народов.

Посмотрите, к примеру, до чего отчетливо обращение Петра к «конечному ряду» в том месте Деяний апостолов (5:25), где говорится о ясном распоряжении Христа «быть Ему свидетелями» от Иерусалима «до края земли», которое он дал апостолам, явившись им по воскресении: «Вы сыны пророков и завета, который завещавал Бог отцам вашим, говоря Аврааму: «и в семени твоём благословятся все племена земные».

Далее Петр объясняет смысл «конечного ряда», говоря: «Бог, воздвигнув Сына Своего [т.е. призвав Иисуса к Его служению Мессии, как предсказывал Моисей в Деян. 5:22], к вам первым послал Его благословить вас [во исполнение «исходного ряда» обетования]» (Деян. 5:26).

В этом случае Петр просто упоминает исходный и конечный ряды обетования в обратном порядке. Его слова «к вам первым послал Его благословить вас» подразумевают, что у Бога была также и другая, сопутствующая цель – согласно вышеприведенной цитате, благословить языческие народы.

Что же касается ощущения апостола Павла, что «конечный ряд» предвещает «выход» Новозаветного Благовествования в не-

еврейский мир, то оно не было следствием простой интуиции. Павел называет его «чрез откровение возвещенной тайной» (Еф. 5:3). Он называет это также «тайной... которая не была возвещена прежним поколениям.. как ныне открыта святым Апостолам Его и пророкам Духом [Святым]» (Еф. 5:4–5).

Затем он так определяет свое глубокое внутреннее понимание этой тайны: «[Эта тайна была возвещена], чтобы и язычникам [т.е «всем племенам» конечного ряда обетования] быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками *обетования* Его [Завет Авраама] во Христе Иисусе посредством благовествования» (Эф. 5:6). Павел повторяет по существу то же самое в Послании к Римлянам (16:25–26) и к Колоссянам (1:25–27). Кроме того, в Послании к Римлянам (15:8–9) он пишет: «Ибо говорю вам, что Иисус Христос сделался служителем для евреев ради истины Божией, *во исполнение обещанного отцам, чтобы язычники могли славить Господа за милосердие Его.*»*

Далее Павел выражает стремление «открыть всем, в чем *состоит* домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге» (Еф. 5:9). Эта тайна – и Павлово практическое осуществление ее – находится в согласии с «предвечным определением [Бога], которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем» (Еф. 5:11; см. также Рим. 15; 16:25–26).

Слова Павла напоминают нам о месте в Послании к Евреям, где говорится о «непреложности Его воли» в связи с клятвой, которую дал Бог в Авраамовом Завете.

Но почему же тогда десятки тысяч учителей и толкователей Библии в христианском мире не удосуживались отметить в своих уроках и лекциях то центральное место, которое занимает Завет Авраама с его исходным и конечным рядами?

Последователи Христа во всем мире и на протяжении многих веков могли бы гораздо энергичнее осуществлять миссионерство, если бы только профессора семинарий, священники и учителя церковных школ понимали и объясняли эту центральную тему, как ее объясняет Библия.

* Перевод английского текста Библии. В русском Синодальном издании: «Разумно то, что Иисус Христос сделался служителем для обрезанных – ради истины Божией, чтобы исполнить обещанное отцам, а для язычников – из милости, чтобы славили Бога».

Завет Авраама, во всех разнообразных проявлениях его исходного и конечного рядов – это истинный стержень Библии, спинной хребет особого Откровения. Обучение, которое не включает эту основополагающую идею, неизбежно становится несколько «бесхребетным». В нем буквально будет отсутствовать позвоночный столб. И христиане, обученные таким способом, будут менее решительными в передаче полученного ими благословения не только людям, близким по расе, но и всем народам на земле.

Вряд ли можем мы рассчитывать, что церковь станет проявлять Павлово усердие по отношению ко всем оставшимся народам, не ведающим благословения, если мы не смогли внушить церкви именно ту историческую перспективу, которая самого Павла подняла до этой высокой степени усердия. Если использовать параллель – ученые, занимающиеся физикой высоких энергий, утверждают, что ни одну частицу нельзя разогнать до необходимой скорости, если она: (1) не обладает зарядом; (2) не помещена в мощное магнитное поле; (3) не разгоняется этим магнитным полем как бы по очень длинному тоннелю – «ускорителю».

Сначала мы, по аналогии, должны «обрести заряд» путем нашего личного обращения к Иисусу Христу, затем мы должны попасть в мощное магнитное поле – силу Святого Духа, пронизывающую Тело Христово. Это магнитное поле должно разогнать нас по очень длинному тоннелю – четыре тысячи лет осуществляемой цели Божией – цели, которая определяется лишь одним – Заветом Авраама. Важность этого завета, таким образом, никак не может недооцениваться. Осознать себя связанным с этой четырехтысячелетней Божественной целью – значит стать личностью с мощным зарядом. Представить себе нельзя, что может еще сильнее побудить обрести высокое стремление осуществить на земле план Божий.

Предположить, что Бог не озабочен более исполнением двух своих древних обещаний Аврааму, значило бы вообразить, что разум Его в какой-то момент расслабился – будто каким-то образом из Его памяти ускользнуло, что Он поклялся исполнить эти два обещания.

Вспомните, что говорится в Послании к Евреям: «невозможно Богу солгать [или забыть]» (Евр. 6:18).

Вот, стало быть, что я имею ввиду под «четырёхтысячелетней связью». Увидеть себя инструментом исполнения теперь уже сорокавековой божественной цели, значит тут же расстать-

ся с ощущением нерешительности, с чувством собственной незначительности и никчемности. Эта неимоверно длинная историческая перспектива, посредством пронизывающего ее духовного магнитного поля, сразу начинает разгонять нас по направлению к величайшему предназначению, какое только возможно для любого из смертных.

Для начала убедитесь только, что вы – заряженная частица, что вы истинно верите в Иисуса Христа. Иначе это магнитное поле, этот ускоритель не окажут на вас никакого воздействия. Они оставят вас в том же положении, в каком вы находитесь.

Сотни миллионов христиан слушали, как сотни тысяч проповедников читали сотни тысяч наставлений, основанных на великих гимнах Апокалипсиса, гимнах, которые пели небесные создания, славя великое собрание спасенных на небесах. Вы можете найти эти гимны в Откровении Иоанна Богослова – заключительной книге Библии. Но, кажется, очень немногие из этих проповедников и их слушателей понимали, что на самом деле говорит нам Иоанн, когда приводит слова двадцати четырех старцев, поющих в одном из этих гимнов: «Ты [Агнец Божий] был заклан, и кровию Своею искупил нас Богу *из всякого колена и языка, и народа и племени*. И соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле» (Отк. 5:9–10, выделено мной).

Но когда Иоанн описывает свое, дух захватывающее видение того, как «великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков стояло пред престолом и пред Агнцем» (Отк. 7:9), – что он в действительности сообщает нам? И какой смысл открывается вам в словах ангела, который говорит Иоанну, что тому «надлежит пророчествовать о народах и племенах и языках и царях многих» (Отк. 10:11)?

А что приходит нам на ум, когда в своем Откровении (11:9) Иоанн говорит, что «многие из народов и колен, и языков и племен» будут созерцать впечатляющую судьбу двух свидетелей? Или когда он говорит, что зверь (Антихрист) временно получит власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем (Отк. 13:7)?

Что проглядывает в его описании другого ангела, который провозглашает «вечное Евангелие... всякому племени и колону, и языку и народу» (Отк. 14:6)? Конечно же Иоанн описывает не только завершение истории, но и осуществление особой Божьей цели в истории – благословение всех народов на земле через

семя Авраамово – Иисуса Христа. Иоанн мог бы с легкостью описать все упомянутые сцены, пользуясь единственным греческим существительным, означающим человечество. Но вместо этого он исследует весь словарь греческого языка, выбирая каждое доступное существительное, чтобы отметить особенности этнических подразделениях человечества, которые были изначальной, Богом указанной целью Авраамова благословения.

Иначе говоря, Иоанн сообщает нам своим пророчеством, что Бог будет преследовать свою древнюю цель до самого конца, пока не освободится от обязательств, взятых Им на Себя посредством давней клятвы. Ибо такова «непреложность Его воли».

А теперь – весьма настораживающий вопрос. Апостолы в своих посланиях обнаруживают полное понимание того, насколько центральное место занимает Завет Авраама. Но как быть с Самим Иисусом Христом? Показывают ли четыре Благовестования уверенность Христа в том, что завет являлся основой для Его пастырского служения? Если бы после всего того, что я об этом сказал, выяснилось, что Сам Господь наш проявлял блаженное неведение относительно «конечного ряда» Авраамова завета и, таким образом, никак не обнаруживал его направленность ко всем народам, вся главная идея этой книги оказалась бы под угрозой.

Глава шестая

МЕССИЯ ДЛЯ ВСЕХ НАРОДОВ

«Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой: и увидел и возрадовался» (Ин. 8:56).

Каждый раз, читая это предложение, я почти слышу доносящийся сквозь века радостный патриарший смех отца Авраама. Но кто произнес эти слова? Чей был этот «день», который видел, полный предчувствиями, отец Авраам?

Говорившим был Иисус из Назарета, потомок Авраама, родившийся через тысячу девятьсот лет после Авраамова времени. Недоверчивые евреи, пораженные таким ужасающим предположением, возражали: «Тебе нет еще пятидесяти лет, – и ты видел Авраама?» (там же: 57).

Его следующие, еще более дерзкие слова, которые Он сказал в ответ, сорвали с петель двери их сознания: «Истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь» (там же: 58).

Я есмь было еще одним еврейским именем Бога.

Ошеломленные евреи приготовились забросать Его камнями, но Иисус скрылся от них (см. там же, 59). Не прошло и нескольких месяцев, как тот же Иисус, «неся крест Свой... вышел на место, называемое Лобное [по-арамейски – Голгофа]; там распяли Его» (Ин. 19:17–18).

Где была расположена Голгофа или Лобное место? Сразу за Иерусалимской стеной и не более чем в 1600 метрах от вершины горы Мориа. Столетиями ранее царь Соломон воздвиг на этой горе первый еврейский храм, возможно, в память о том самом месте, где Авраам положил связанного Исаака на вязанку дров (см. Быт. 22:1–19). Именно там Ягве взял на себя клятву исполнить оба ряда Авраамова Завета.

Заметьте, однако – в Книге Бытия говорится, что Авраам собирался принести Исаака в жертву не на горе Мориа, а «в земле Мориа». Если бы Авраам стоял на самой вершине Мориа (название, гораздо чаще произносимое в те дни, чем сейчас), то, очевидно, легче было бы описать это место именно так.

Меньшие вершины и гребни гор, располагавшиеся под самым высоким пиком не так легко было бы назвать. Но если бы распятие совершилось далее чем за 1600 метров от горы Мо-

риа, скорее всего его соотносили бы с другими, находящимися поблизости возвышенностями, часть которых была более известна, чем Мориа.

Таким образом, становится возможным, что именно Голгофа была местом Исаакова испытания. Если в намерения Ягве действительно входило, чтобы агония Иисуса совершалась на этом же самом месте. Ему важно было не оставить еврейским историкам точного описания – иначе как раз там и был бы построен памятный храм, который лишил бы римских воинов возможности использовать это место для казни Иисуса.

Так или иначе, потомок Авраама по имени Иисус, не совершив никакого преступления, был умерщвлен распятым на деревянном кресте, который Он нес на Себе к месту казни. Сам нес дрова к месту своей предполагаемой смерти и Исаак, тоже не виновный в преступлении, и был связанным положен на вязанку хвороста. Его спасло лишь вмешательство Бога. И место свершения двух этих событий было предположительно, если не буквально, тем же самым.

Можно привести много других параллелей между Исааком и Иисусом, но важнее всего то, что вся жизнь Христа, его смерть и воскресение прямо связаны с многовековым обещанием Ягве наделить «Авраамовым благословением» все племена земные.

Как бы подчеркивая это обстоятельство, автор жизнеописания Христа Матфей начинает свое повествование с прослеживания обратной родословной Спасителя через 42 непрерывных поколения до самого Авраама собственной персоной! Но физическое родство Иисуса было только основой. Миллионы евреев во всей истории могли бы проследить свою родословную до Авраама. Мария, мать Иисуса, провозглашала в своем знаменитом восхвалении, что в Иисусе Ягве произвел на свет нечто гораздо большее чем только еще одного биологического потомка Авраама. Приход Христа, по словам Марии, был знаком того, что Ягве «вспомянул милость, как говорил отцам нашим, к Аврааму и семени его до века» (Лк. 1:54–55).

Дядя Иисуса – Захария тоже считал рождение его племянника доказательством того, что Ягве помнил «святой завет Свой, клятву, которую клялся Он Аврааму, отцу нашему». Далее Захария еще больше усиливает накал ожиданий, связывая приход Иисуса с «Востоком свыше, [явившимся] *просветить сидящих во тьме и тени смертной*» (Лк. 1:72–73; 78–79, выделено мной).

Слова о людях, «сидящих во тьме» и «тени смертной», евреи обычно рассматривали, как определение язычников (см. Мат. 4:15–16). Мы приближаемся к тому самому конечному ряду Авраамова завета! И наконец...

Старый Симеон, благочестивый еврей, встретив Иосифа и Марию с младенцем Иисусом в иерусалимском храме, чрезвычайно красноречиво выразил эти, более широкие цели прихода Мессии, когда заявил, обращаясь к Ягве: «видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал *пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников*, и славу народа Твоего Израиля» (Лк. 2:50–52, выделено мной).

Предшественник Иисуса, Иоанн Креститель также постоянно приводил слова пророка Исаяи (40:15–16), как законные основания для своей миссии – приготовить «пути Господу», сделать «прямыми стези Ему». Для какой же цели? Да вот она: «*и узрит всякая плоть спасение Божие*» (Лк. 3:4,6, выделено мной).

Значение слов Иоанна Крестителя уязвило некоторых евреев. Выходит, они – Богом избранный народ – были виновны в том, что «искривили» свои пути, лишая остальное человечество возможности видеть «спасение Божие», как того требовал завет, поставленный Богом с Авраамом?

Часть евреев переполнилась негодованием, заявляя, что не следует выдвигать такие обвинения против «детей Авраама». Но ответ Иоанна на использование имени Авраама для оправдания лености и праздности был острым и мгновенным. «Не думайте говорить в себе: «Отец у нас Авраам»; ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму; уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Лк. 5:8–9).

Этими словами Иоанн предвосхитил то новое, что собирался совершить Ягве через Иисуса – призвать новый род Авраамова потомства из неотшлифованных «каменных залежей» языческого мира. Таким образом призванные, они станут «живыми камнями» Божьего храма духовного. И на этот раз основой для отбора будет не просто физическая родовая принадлежность, но покаяние и провидением ниспосланная вера.

«Свет к просвещению язычников». «Восток» (Солнце), явившийся свыше к людям, «сидящим во тьме» и «тени смертной». Носитель «спасения», уготовленного «пред лицом всех народов». Все указания были безошибочными. Иисус был призван

стать не просто человеком на все времена в качестве еврейского Мессии, но и человеком для всех народов – Светом даже для языческого мира.

До чего же соответствует всему этому, что в Иисусе, еврейском Мессии, отчасти должна была течь языческая кровь.

Кроме матери Иисуса Марии, только еще четыре женщины упомянуты в преимущественно мужской родословной Благовествований от Матфея (1) и Луки (5). Все они были женщинами языческого происхождения, разделявшими родство с Иисусом. Фамарь – жена Иуды – происходила из хананеев (см Быт. 58), Рахава – блудница из Иерихона, давшая пристанище евреям-соглядатаям перед знаменитым падением этого древнего города, была замужем за евреем Салмоном и через него вошла в родство с Иисусом Христом (см. Мат. 1:5). Также и Руфь – женщина из презируемого языческого племени моавитян, выйдя замуж за сына Салмона и Рахавы, Вооза, родила ему сына Овида и тоже стала прародительницей Иисуса (там же: 5). Наконец, Вирсавия [Бат Шева], которую взял себе в жены царь Давид, вероятно, была хеттеянкой.

Как кстати использовал Бог распоряжение языческого императора Цезаря Августа, сделав неизбежным, чтобы Иисус родился в Вифлееме – городе царя Давида – исполняя слова ветхозаветного пророка Михея (см. Мих. 5:2). Как соответствует миссии Иисуса, что среди тех, кто пришел отпраздновать Его рождение, были ученые кудесники с Востока, по-видимому не евреи (см. Мат. 2:1). И что спасение от гнева Ирода, безжалостного царя иудеев, Иисус нашел в языческом Египте (см. Мат. 2:14).

И, наконец, насколько же всему этому соответствовало, что Иисус начал открыто проповедовать в той части Галилеи, которая на севере граничила с языческой Сирией, а на востоке с языческим палестинским Декаполисом.* Фактически Галилея соседствовала и с пользующейся дурной славой Самарией, с ее населением смешанных кровей. Земли Галилеи определенно не считались главнейшими еврейскими владениями. И все же Иисус удостоил этот район чести своих первых открытых проповедей.

Матфей, один из учеников Иисуса, отметил этот факт, как исполнение пророчества Исайи о «Галилее языческой»: «Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране тени смертной воссиял свет» (Мат. 4:15–16; см. также Ис. 9:1–2).

* В Синодальном издании Библии – *Десятиградие*.

«И следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима и Иудеи и из-за Иордана» – пишет Матфей (4:25). «И прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных... и Он исцелял их» (там же, 24).

Жребий был брошен! Вопреки сильному нажиму и осуждению (даже со стороны Его собственных учеников), Иисус придерживался открытого характера своей проповеднической миссии, установленного таковым с самого начала. Человек для всех племен, чье сердце и руки всегда распахнуты навстречу, чьи глаза и уши внимательны к язычникам и самаритянам, как и к Его кровной родне – евреям. И Он рассчитывал, что ученики будут воспитываться на Его примере.

Миллионам христиан, разумеется, известно, что Иисус в самом конце своего первого Пришествия повелел своим ученикам «идти, научить все народы» (Мат. 28:19). Мы почтительно удостаиваем это последнее и наиболее невероятное Его распоряжение величественным названием «Великое Поручение». И все же, в глубине души все мы потихоньку верим – если дела наши являются точным барометром нашей веры (а Писание утверждает, что это так) – что Иисус высказал это повеление Своим ученикам, действительно никак их заранее не предупредив.

Прочитайте бегло все четыре Благовествования и окажется, что Великое Поручение выглядит как какая-то запоздалая мысль, скрепкой припиленная к основному учительству Иисуса. Как будто, по словам доктора Уинтера, обнаружив все, что было действительно близким Его сердцу, Иисус щелкнул пальцами и сказал: «Да, кстати, ребята, есть тут еще одна вещь. Я хочу, чтобы вы провозгласили это послание всем до единого в мире, независимо от их языка и культурных особенностей. То есть, если у вас будет время и настроение, конечно».

Так ли – с полной ли неожиданностью ошеломил Иисус своих учеников Великим Поручением? Открыл ли Он им его внезапно, в последнюю минуту, без соответствующей подготовки, вознесшись затем на небеса, и даже не дав им возможности обсудить с Ним выполнимость этого поручения? Не сумел Он, стало быть продемонстрировать им разумные способы для его осуществления?

Как часто мы, христиане, читаем Благовествования, не распознавая обильных, Богом представленных оснований для абсолютно противоположного вывода! Задумайтесь, к примеру, о том, сколько проявлял Иисус во встречах с язычниками и сама-

ритянами сочувствия, способного научить Его учеников мыслить в межкультурных категориях.

В одном случае (Мат. 8:5–15) римский центурион, язычник обратился к Иисусу с просьбой помочь его парализованному слуге. Евреи убеждали Иисуса согласиться. «Он достоин, чтобы Ты сделал для него это, – говорили они, – ибо он любит наш народ и построил нам синагогу».

На самом деле стены и колонны синагоги, построенной, возможно, именно этим центурионом, еще и сейчас, две тысячи лет спустя, стоят на северном берегу Галилейского моря.* Но обратите внимание на смысл аргументов, использованных евреями. У них, по сути, получалось, что если бы центурион им не помог, то и Иисусу не следовало бы помогать ни ему, ни его парализованному слуге. Какое свойственничество! Недаром Иисус вздыхал время от времени: «О род неверный и развращенный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?» (Мат. 17:17).

Центуриону же Иисус отвечал: «Я приду и исцелю его». И тут центурион сказал нечто довольно неожиданное: «Господи! я не достоин, чтобы Ты вошел под кров мой; но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов... Услышав сие Иисус удивился», – пишет Матфей. Что же тут было удивительного? Просто военный опыт центуриона научил его кое-чему в отношении власти. Подобно воде, всегда стекающей вниз, власть тоже спускается ступенями иерархии (по цепи команд). Тот, кто подчиняется более высокому уровню власти, наделен также полномочиями осуществлять власть над низшими уровнями. Центурион отдавал себе отчет в том, что Иисус абсолютно послушен Богу в своих путях и, таким образом, должен обладать абсолютной властью надо всем, что располагается под Ним в самой величайшей иерархии – Вселенной. Следовательно! Иисус безусловно должен быть способен приказывать нервам и мышцам больного слуги вернуться к здоровому состоянию.

«Истинно говорю вам, – воскликнул Иисус, – и в Израиле не нашел я такой веры!» Как и во многих других своих речах, Иисус пользовался случаем, чтобы внушить ученикам, что возможности язычников в обретении веры столь же велики, как и у евреев. И что они являются столь же полноценными объектами Божьей милости.

* Генисаретское озеро.

Полный решимости ввести в этот вопрос окончательную ясность, Иисус продолжал: «Говорю же вам, что многие придут с востока и запада [«ки севера и юга» – добавляет автор нееврейского происхождения Лука в своей параллельной версии Благовествования] и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царствии Небесном; А сыны Царства [это может означать только евреев, как избранного Богом народа] извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мат. 8:7–12; Лк. 7:9; 13:28–29).

Что же, как вы догадываетесь, будут праздновать Авраам, Исаак и Иаков вместе с этой толпой языческих гостей? Исполнение «конечного ряда» обещаний Ягве – благословение всех племен, конечно!

Не могло быть более ясного указания на будущее Великое Поручение. Но не спешите. Их гораздо *больше*.

Некоторое время спустя к Иисусу обратилась хананеянка из района Тира и Сидона, прося помочь ее дочери, одержимой бесами. Сначала Иисус притворился безразличным. А ученики Его, которым, без сомненья, понравилось, что Иисус отвернулся от надоедливой язычницы, тут же поддержали то, что – им казалось – было Его истинными чувствами. «Отпусти ее, – просили они, – потому что кричит за нами» (Мат. 15:21–28). Они даже не подозревали, что Иисус устраивает им ловушку. «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева», – сказал Он женщине. Уже продемонстрировав мнимое равнодушие по отношению к женщине, теперь Иисус проявлял кажущуюся непоследовательность – он ведь уже излечил многих язычников. На каком же основании он отказывает теперь в просьбе еще одной? Можно себе представить учеников, сурово кивающих головами. Они все еще не догадываются. Но не согласившаяся примириться с отказом женщина упала к ногам Иисуса, моля: «Господи! помоги мне».

«Нехорошо взять хлеб у детей... – метафора Божьего благословения евреям в соответствии с «начальным рядом». Затем Иисус прибавляет совершенно уничтожающие слова, – ... и бросить псам». «Псы» – это был привычный эпитет, которым евреи пользовались, говоря о язычниках, особенно о тех, кто пытался вторгнуться в область их религиозных тайн и привилегий. Иначе говоря, теперь Иисус дополняет проявленные им бесчувственность и непоследовательность еще худшим проявлением – жестокостью. Заметьте также, что слова Иисуса находятся в прямом противоречии с «конечным рядом» Аврамова завета.

Неужели это говорил Спаситель мира? Ученики Его безусловно считали такой ответ вполне подходящим к случаю. Но как раз, когда грудь у них распирало от расовой гордости, хананейка, должно быть, разглядела искру в глазах Иисуса, и ей открылась истина.

«Так, Господи! – заметила она столь почтительно, уж не говоря о том, как тонко, – но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мат. 15:21–27; см. также Мк. 7:26–30).

«О, женщина! велика вера твоя, – просиял Иисус, – да будет тебе по желанию твоему». Нет, Он не был переменчив в настроениях. Именно это он и собирался сделать с самого начала. Сразу вслед за этим событием Иисус учил своих учеников разнице между нечистотой настоящей и метафорической. Таков был его метод прояснять свою точку зрения другим.

«И исцелилась дочь ее в тот час», – отмечает Матфей (там же, 28).

Когда позднее Иисус с учениками достигли одного самарянского селения, жители его отказались приветствовать Христа. Иаков и Иоанн – двое учеников, которым Иисус за буйный их темперамент дал прозвище «сыны Громы», пришли в ярость. «Господи! – вскричали они негодуяще (может быть, даже затопав ногами?), – хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их?»

Иисус обернулся и сделал Иоанну и Иакову выговор. «Не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать» (Лк. 9:52–56).

Словами этими Иисус определил Себя, как Спасителя и для самарян!

Еще позднее, на границе Самарии с Галилеей Иисус излечил десятерых прокаженных. Девять из них поспешили прочь наслаждаться своим восстановленным здоровьем. И только десятый возвратился к Иисусу, «громким голосом прославляя Бога». Затем только что очистившийся человек «пал ниц к ногам Его, благодаря Его».

«И это был самарянин», – добавляет Лука для уточнения.

А Иисус снова сделал все, чтобы Его ученики не пропустили значения этой встречи двух культур.

«Не десять ли очистились? – спросил Он, – где же девять? Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменика?» (см. Лк. 17:11–18). Эта склонность Иисуса при-

водить праведность неевреев в пример евреям, которые должны были бы быть примером праведности для всех народов на земле, еще ярче проявляется в Его притче о добром самарянине, которая стала ответом на вопрос, заданный в запальчивости законником из евреев, пытавшимся себя оправдать. Вопрос был: «Кто мой ближний?»

«Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон, – начал Иисус, – и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Самарянин же некто... – вообразите кислую мину, начавшую складываться на лице этого «законника» – ... самарянин же некто, – продолжал Иисус, – проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился. И подошед перевязал ему раны, возливая масло и вино; и посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем» (Лк. 10:30–54).

Иисуса, рассказывающего такие притчи, трудно обвинить в заискивании перед Его соплеменниками-евреями. Множество людей веками рассматривали строго последовательный отказ Иисуса уступать в пользу политической выгоды, как самое верное свидетельство Его безгреховности. Магомет – как мы увидим в следующей книге – полностью и трагически провалился на этом испытании.

Вот еще один пример того, как Иисус пошел прямо против потока распространенных в Его время предубеждений.

«Надлежало же Ему проходить через Самарию, – читаем мы в Благовествовании от Иоанна, – Итак, приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь... Там был колодезь Иаковлев. Иисус... сел у колодезя... Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить... Женщина Самарянская говорит Ему: как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки?»

Вслед за этим малообещающим вступлением Иисус начинает постепенно проникать сквозь броню самарянского сопротивления всему иудейскому. Ему удается не потерять слушательницу даже после Его слов «спасение от иудеев»! Самарянка Ему поверила. Она оставила свое ведро у колодца и в полном восторге поспешила в Сихарь, обежала всех его жителей и привела их толпой к Иисусу.

Тем временем ученики Его, которые ходили покупать еду в город, были по возвращении поражены, увидев как Иисус разговаривает с женщиной, да еще *самарянкой*. Сами они, находясь в

Сихари, старались и с мужчинами-то вести переговоры исключительно на деловой основе. Ибо, как объясняет в своем изложении Иоанн, «иудеи с самарянами не сообщаются».

И все же они не решались осуждать Иисуса, а только сказали Ему, насупившись: «Равви! ешь».

«У меня есть пища, которой вы не знаете», – отвечал Иисус. Пока они догадывались, что Он имеет в виду, снова появилась самарянка, ведя за собой к Иисусу толпу соседей по городу. И, возможно кивая головой на самарян, Иисус продолжал: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин. 4:4–34).

Но каковы же воля и дело Ягве? Исполнить обещание, данное Аврааму, включая этот самый «конечный ряд», касающийся благословения всех народов на земле птомками Авраама. И видя направляющуюся к Нему толпу самарян, Иисус знал, что Завет Авраама еще на один шаг приблизился к исполнению. Еще один народ вступал в этот круг.

Их головы, покачивающиеся на ходу, подобно спелым колосьям, напомнили Иисусу пшеничное поле. «Посмотрите на нивы, – сказал Он ученикам, – как они побелели и *поспели* к жатве» (там же, 55). Самаряне? Посев для Божьего урожая? Хорош посев! – подняли бы их насмех многие евреи. Соровой, быть может, но не яровой? Но в глазах Иисуса, Мессии всех народов, самаряне могли оказаться полноценным зерном.

Однажды Иисус произнес гораздо более вызывающую речь о том, что три языческих города – Тир, Сидон и даже пользующийся дурной славой Содом окажутся в Судный День в лучшем положении, чем три еврейских города по имени Хоразин, Вифсаида и Капернаум. Почему? Потому что, если бы упомянутые языческие города оказались свидетелями чудес, явленных Иисусом в Галилее, они бы, «сидя во вретнице и пепле, покаялись» (Лк. 10:13).

И точно так же Он предупреждал своих современников евреев, что жители языческой Ниневии «восстанут на суд с родом сим и осудят его». Почему? «Они покаялись от проповеди Ионой; и вот, здесь больше Ионы».

В том же духе Иисус предостерегал современников, что языческая «Царица Южная восстанет на суд с родом сим и осудит его». На каком основании? «Она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона» (Мф. 12:41–42).

Лука был тем описателем жизни Христа, который засвидетельствовал для нас, как бурно возмущались евреи именно такого рода сравнениями.

Жители Назарета – родного города Иисуса, слышали множество удивительных подробностей о чудесах, которые Он являл в других местах. Каждый назареянин – и мы можем быть совершенно в этом уверены – подпрыгивал от нетерпения, когда Иисус наконец возвратился в город, впервые после того, как Он начал проявлять этот талант в совершении чудес, которого прежде никто от Него не ожидал. Если Он столь щедро расточал чудеса посторонним, можно только догадываться, что за невероятные вещи Он сможет осуществить для своих собственных земляков.

Люди говорили, будто Его способность творить чудеса так велика, что Он может позволить себе тратить ее даже на язычников и самарян. Ему придется уж как-то особенно постараться для своих знакомых евреев, чтобы возместить им такую недостачу. И вот Лука рассказывает нам, что же произошло: «И вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать. Ему подали книгу пророка Исайи; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: «Дух Господень на мне; ибо Он помазал меня благовествовать нищим».

Можно вообразить, как Иисус подчеркивает слово «нищим» и обводит взглядом своих слушателей, оценивая этих людей, почитающих себя столь достойными особых привилегий. Иисус продолжал читать: «[Он послал Меня] проповедовать пленным освобождение...»

Не усилил ли Он это слово «пленные», чтобы вложить в него смысл, гораздо более глубокий нежели простые «арестанты»?

[Проповедовать] *слепым* прозрение, отпустить *измученных* на свободу. Проповедовать лето Господне благоприятное» (Лк. 4:16–19, выделено мной; см. также Ис. 61:1–2).

И пока значение весомых слов Исайи еще опускалось на его сограждан-назареев, Иисус «закрыв книгу и отдав служителю, сел; и глаза всех в синагоге, – прибавляет Лука с тревожным предчувствием, – были устремлены на Него... Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (там же, 20–21). Шепот одобрения распространился по синагоге. «И все засвидетельствовали Ему это, – продолжает Лука, – и дивились словам благодати, исходившим из уст Его» (там же, 22).

Конечно же, это только оттого, что они еще не поняли, почему Он выбрал именно это место из Исайи. Но это не важно. Так не терпелось увидеть Его творящим чудеса, что им недосуг было обдумывать значение Его речи. Ведь слова Его были лишь вступлением к чудесам, не правда ли? Разумеется! Главным событием дня должны были стать чудеса.

«Конечно, – продолжал Иисус, – вы скажете мне присловие: врач! исцели самого себя; сделай и здесь, в твоём отечестве, то, что, мы слышали, было в Капернауме... истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своём отечестве» (там же, 23–24).

Последние слова, которые Иисус, вполне возможно, проговорил вздыхая, были ничем иным, как переходом к центральному пункту Его речи. Чтобы объяснить, что имел в виду Исайя, предрекавший служение Мессии нищим, пленным, слепым или измученным, Иисус искусно приводит два других места из Ветхого Завета. Первое: «Много вдов было в Израиле во дни Илии, когда... сделался большой голод по всей земле; и ни к одной из них не был послан Илия, а только ко вдове в [языческую] Сарепту *Сидонскую*» (там же, 25–26, выделено мной).

Если после этого, первого примера атмосфера в синагоге начала затягиваться тучами, то после второго готов был грянуть гром: «Много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее, и ни один из них не очистился, кроме Неемана *Сириянина*» (там же, 27).

Разразился ад крошечный. «Услышавши это, все в синагоге исполнились ярости, – отмечает Лука, – и вставши выгнали Его [не только из синагоги, но даже] вон из города». И все еще не удовлетворенные, они повели Его «на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть Его; но Он, прошед посреди них, удалился» (там же, 28–30).

Какая непомерная плата за одну лишь заинтересованность Иисуса в исполнении конечного ряда им же самим принадлежащего Завета Авраама. Предположение, что Ягве мог обойти нуждающихся иудеев, чтобы исполнить этот пункт закона для язычников, было совершенно отвратительным и неприемлемым, даже если его можно было подтвердить Священным Писанием! Каким одиноком должен был чувствовать себя Иисус, будучи почти единственным среди всего еврейского народа, кто заботился о полном содержании древнего завета, который Ягве установил с Авраамом. И как это должно быть трудно было – все время пы-

таться разделить эти взгляды с людьми, которые обязаны были их поддерживать, но не испытывали к ним интереса.

Даже Его ученикам понадобились, как мы увидим, десятилетия, чтобы постичь Христову «всемирную перспективу». И все же, до чего терпеливо выносил Иисус их, кажущиеся нескончаемыми, отказы от этого, наиболее далеко идущего и полного глубокого сострадания замысла! Как терпеливо Он ждет еще и сегодня нашего полного соответствия этому плану. Он должен был, конечно, нести свою службу до самого конца. Это была Его миссия. И она все еще заключала в себе Его личную четырехтысячелетнюю преданность Богу и Аврааму.

Один Иисус знал, какой горячей надежды полны ожидания каренов, лаху, ва, лису, качинов, мизо, нага, гедео, санталов, инков и тысяч других народов. Он не мог бы их (да и нас) подвести, позволив этой идее умереть. Но была еще более сильная причина, вынуждавшая Его стоять на своем.

Сразу же после чуть не совершившегося жертвоприношения Исаака, Ягве подтвердил Свой завет с Авраамом знаменитой клятвой! Слушайте. «Мною клянусь, говорит Господь, что, так как ты [Авраам] сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего, то Я благословляя благословлю тебя... И благословятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Быт. 22:16–18).

Автор Новозаветного Послания к евреям так комментирует вышеприведенное место из Книги Бытия: «Бог, давая обетование Аврааму, как не мог никем высшим клясться, клялся Самим Собою... желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, [Бог] употребил в посредство клятву, дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы, прибегшие взяться за предлежащую надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий» (Евр. 6:13–19).

Так что, никак не мог Иисус, Мессия, отказаться от повеления обо «всех народах». Бог за исполнение этой своей воли уже поручился самим собственным именем и достоинством. Более того, самое Его имя и достоинство находятся в зависимости от исполнения этой воли еще и сегодня. Тот, кто не в состоянии это понять, вряд ли сможет постичь, что вершит Бог в истории.

Не только в маленьких городках, подобных Назарету, но и в крупном городе Иерусалиме непоколебимая верность Иисуса

повелению обо «всех народах» постоянно создавала напряжение между Ним и Его соотечественниками евреями. Матфей, Марк и Лука – все трое отмечают, что незадолго до конца Его служения Иисус появился в месте, почти наверняка являвшим собой языческий двор – один из участков знаменитого Иродова храма Иерусалимского. Почему его называли двором язычников? Только по одной причине – это была единственная часть храма, предназначенная исключительно для напоминания евреям об их древней обязанности почитать конечный ряд Авраамова Завета. Без этого внешнего двора евреи гораздо быстрее могли бы забыть о том, что они были благословлены – чтобы стать благословением для язычников.

Кроме того, это была единственная часть храма, куда допускались язычники-путешественники, да даже и те благочестивые язычники, которые обладали «страхом Божиим». Целью Господа было, чтобы язычники, входящие в этот священный двор, могли слышать, как евреи молятся о них, и знать наверняка, что Бог евреев действительно был Богом всей земли, Богом, стремившимся благословить все племена. К своему крайнему негодованию Иисус обнаружил, что вместо этого языческий двор был отдан еврейскому торговому предпринимательству. Загоны для овец и крупного рогатого скота, клетки с голубями и менялы, с их весами и счетами заполняли весь внешний двор – от ворот до внутренней стены. Шум и звон, торговые споры и мелочные раздоры висели в воздухе и были, может быть, еще зловоннее навоза животных.

Сначала такого рода предпринимательство, имевшее отношение к храмовым делам – если оно вообще существовало – велось за пределами территории храма. Потом торгаши постепенно додумались, что их доходы могут сильно увеличиться, если только они подвинутся поближе к внутреннему двору храма, где как раз и приносились в жертву животные. Они вдруг осознали, что место, называемое двором язычников, не так чтобы очень всерьез используется. Откровенно говоря, кто теперь так уж в самом деле молится за язычников? А если кто-то и хочет о них молиться, он может это делать где угодно. Практично ли связывать этот кусок земли, обладающий колоссальной потенциальной стоимостью, с таким непопулярным занятием, как молитвы за язычников? «Отдать двор язычников под торговый двор!» – это стало лозунгом широкой кампании. В конце концов это предложение было при-

нято и стало законом – возможно, не без одного-двух шекелей, проскользнувших в карман первосвященника.

И потекли во двор торговцы животными, за которыми двинулись менялы – им не терпелось поживиться за счет язычников, приходивших посетить храм. Пришедшие издалека, не знакомые с обменным денежным курсом в Палестине, они могли и не знать, что менялы обдирают их на несправедливом обмене, уж не говоря о неточных весах.

Иисус увидел это и стал действовать. Он «выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей» (Мат. 21:12). А тем, кто закричал: «Эй, ты что делаешь!» – Иисус ответил не столько гневным обличением, сколько поучением, основанным на Писании.

Чему учил Он, обосновывая свои решительные действия против мерзкого надругательства своих соотечественников-евреев над двором язычников? Он выбрал мастерское сочетание цитат двух пророков Ветхого Завета. Первая была из пророка Исайи: «Дом Мой [Храм Божий] домом молитвы наречется для всех народов» (Мк. 11:17; см. также Ис. 56:7). Затем Иисус в пару к первой добавляет фразу из Иеремии: «Не соделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей?». (См. Иер. 7:11).

Контекст, в котором расположены слова Исайи, цитированные Христом, имеет прямое отношение к повелению обо «всех народах» Авраамова Завета. Так как рядом Исайя приводит слова Ягве, говорившего: «Да не говорит сын иноплеменника, присоединившийся к Господу: «Господь совсем отделил меня от Своего народа»... И сыновей иноплеменников, присоединившихся к Господу, чтобы служить Ему и любить имя Господа, быть рабами Его... я приведу на святую гору Мою, и обрадую их в доме молитвы; всесожжения их и жертвы их будут благоприятны на жертвеннике Моем; ибо дом Мой назовется домом молитвы для всех народов» (Ис. 56:3,6–7).

Пусть все язычники помнят, что Иисус изгнал меновщиков не просто, чтобы оберечь святость самого храма, но еще и с целью защитить наше право на то, чтобы духовные потребности наши были в этом храме представлены. Более того, Он дорого заплатил за этот свой поступок, так как «услышали это книжники и первосвященники [которые вероятно и продали этим торговцам права на место в храме или, по крайней мере, согласились с теми, кто это сделал] и искали, как бы погубить Его; ибо боялись Его, потому что весь народ удивлялся учению Его» (Мк. 11:18).

Столь вопиющий отказ от глубокой духовной открытости Авраамова Завета заставил Иисуса распространить суровое предупреждение и на еврейских религиозных лидеров. Первое такое предостережение прозвучало на следующий же день после того, как Он очистил храм. Иисус проводил ночь в Вифании...

«Поутру же, возвращаясь в город, взалкал; и увидев по дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла. Увидевши это, ученики удивились» (Мат. 21:18–20).

Но действительный смысл этого происшествия обнаружился только позднее в этот день. Пока Иисус учил в храме, старейшины и первосвященники хмуρο взирали на Него из толпы, терзая свои мозги в поисках средства перехватить внимание собравшихся. Иисус, однако, взял на себя инициативу, рассказав несколько притч, включая притчу о хозяине [Ягве], посадившем виноградник [Израиль], отдавшем его в аренду виноградарям [религиозным лидерам евреев] и отправившемся в путешествие. Когда пришла пора урожая, он послал своих слуг [пророков], чтобы они забрали его долю плодов [покорность условиям его завета] в качестве платы за аренду. Арендаторы избili посланных, коекого из них убили, а некоторых забросали камнями. Наконец, хозяин воспользовался самой крайней формой убеждения – он послал своего собственного сына. Но виноградары убили и его.

«Что сделает он [хозяин виноградника] с этими виноградарями?» – спрашивал Иисус.

«Злодеев сих предаст злой смерти, – отвечали Ему евреи, – а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои».

И Иисус продолжал: «Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его» (См. Мат. 21:33–43). Ученики Иисуса, конечно, должны были тут же вспомнить, как засохла под Его проклятьем смоковница из-за того, что не было на ней плодов, когда Он возжаждал. И должно быть, они догадались, что засохшая смоковница предвещала трагедию, которая вскоре разразится над самим Израилем.

Не могло быть более ясного предостережения – Ягве уже готовился отобрать права на духовное преимущество, однажды врученные евреям, и отдать новые полномочия тем языческим народам, которые готовы были почитать дух Авраамова Завета.

Но чтобы в случае чего их не миновал смысл сказанного, Иисус сразу вслед за первой рассказал вторую притчу.

Царь [Ягве] устроил свадебный пир для своего сына и пригласил его друзей [евреев]. Те, однако, отказались прийти, причем отказ их выразился в форме оскорбления и даже убийства слуг, посланных царем с приглашением. Реакция царя была двойной: первым делом он послал войска, чтобы уничтожить злодеев, оскорбивших или погубивших его слуг; а затем он отправил других слуг на улицы и дороги, чтобы созвать для участия в празднестве вместе с ним множество людей [язычников], которые прежде лишены были такой привилегии. Таким образом, Господь наш предвозвестил, что посредством служения Его апостолов, а затем – их преемников, грядущее приглашение милосердного Сына Ягве распространится и на самарян, и на любого рода язычников.

Уже упомянутый мной теоретик миссионерства Ралф Уинтер однажды привел в изумление слушателей, заявив: «Иисус пришел не для того, чтобы *дать* великое поручение! Он явился, чтобы отобрать его у евреев, которые почти две тысячи лет обладали им в форме его прототипа и почти ничего в связи с этим не сделали. Это было время, когда пришла пора всему миру увидеть, что смогут сделать верующие язычники, которым вручается все то же повеление Ягве в виде Нового Завета».

Мысль о том, что Ягве может наказать за страшное неповиновение, лишив их на век-другой прав на духовное преимущество, была для евреев непереносимой. Насколько же безумным должен был казаться Иисус, предположивший такую невероятную вещь! Но ведь их собственный законодатель, Моисей, уже предупреждал их о такой возможности. «Они раздражили Меня не богом, суетными своими огорчили Меня, – приводит он слова Ягве, – и Я раздражу их не народом, народом бессмысленным огорчу их» (Втор. 32:21, цитируется ап. Павлом в Рим. 10:19).

В чем же состоял немедленный ответ еврейских религиозных лидеров на предостережения Иисуса? «[Они] старались схватить Его... ибо поняли, что о них сказал притчу» (Мк. 12:12). Однако, некоторые из них, искушенные в религиозных дебатах, попытались обманом вынудить Иисуса ответить на их вопрос политически неуместными словами о Римском владычестве. Но – увы, для выспрашивавших Его – Он разделался с этим, как и с остальными вопросами, с легкостью ветерана-вратаря, угадыва-

ющего, куда будет послан одиннадцатиметровый, и снимающего угловые с голов нападающих.

А каков был их вопрос? «Позволительно ли давать подать кесарю, или нет?» (Мат. 22:17). Что сказать Иисусу – человеку для всех народов – о таком предельно опасном предмете, как уплата евреями налогов языческому императору?

Он начал так: «Что искушаете Меня, лицемеры?» Почему Он назвал их лицемерами? Очень просто – они исповедовали и Завет Авраама, и позднейшие его изложения в Моисеевом законе и пророках, и в то же время нарушали смысл этого завета почти по каждому из важнейших пунктов.

Иисус продолжал: «Покажите мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (там же 18–21).

Словами этими Иисус, Мессия всех народов, признал даже для неверующих языческих царей право владычествовать над евреями – предположительно до того момента, когда окончится период, позже названный Им «временами язычников» (Лк. 21:24).

Враги Иисуса «не могли уловить Его в слове», писал Лука. И, «удивившись ответу Его, замолчали» (Лк. 20:26).

Иисус же тем временем, заботясь повсюду о благословении для евреев (как того требовал исходный ряд Авраамова Завета), продолжал твердить своим ученикам, что вскоре и сами они должны будут начать служение среди язычников. Например, однажды Он отправил их на пробное задание, объяснив, что хотя сейчас Он посылает их не к язычникам или самарянам, а к «погибшим овцам дома Израилева», позднее они будут приведены к «правителям и царям... для свидетельства перед ними и язычниками» (Мат. 10:5–6, 18, выделено мной).

Скорее всего, Иисус установил это временное ограничение не с тем, чтобы развивать в них неуважение к язычникам или самарянам, а потому, что ученики духом и сознанием своим не были еще готовы к межкультурной деятельности.

Через некоторое время, объясняя метафорический смысл своей, ныне знаменитой, притчи о семенах, Иисус определял «поле», упоминавшееся в притче, как весь «мир», а не один только Израиль (см. Мат. 13:24–30, 36–43).

Там же Иисус обронил всего одно предложение, составляющее притчу о женщине, которая положила дрожжи в большое

количество муки и дождалась, «доколе не вскисло все» (Мат. 13:33). По аналогии с собственным толкованием Иисусом Его притчи о семенах, в этой крохотной притче «много муки», по видимому, должно тоже означать мир, а закваска становится, соответственно, свидетельством Благовествования, распространяющимися по всему свету.

Еще в одном месте Иисус предупреждал учеников, что конец света не может наступить, пока не будет сначала «во всех народах... проповедано» Благовествование. (Мк. 13:10). Греческое *ta ethne*, согласно многим специалистам, следует переводить скорее как «всем народам», а не «всем нациям» – что искажало бы смысл, указывая, что внимание Создателя сосредоточено на проходящих политических структурах, а не на этнически различающихся человеческих сообществах!^{*} Индия, к примеру, представляет собой одну «нацию», но состоит Индия их трех с половиной тысяч «народов». Если переводить *ta ethne* как «нации», пришлось бы говорить о трех с половиной тысячах Индий.

Спустя некоторое время на праздник в Иерусалим пришли греки и хотели встретиться с Иисусом. Двое учеников, Филипп и Андрей, передали Ему просьбу греков, и Иисус, как всегда, не преминул воспользоваться случаем, чтобы еще раз втиснуть в головы учеников *всемирную перспективу*: «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин. 12:32). Это пророчество предвещает способ умерщвления Христа – распятие. Но оно предсказывает также и его результат. Не просто вопреки унижению Иисуса, но благодаря ему все люди будут привлечены к Христу, как к помазаннику Божию. Поверхностно это заявление можно истолковать в том смысле, что каждый человек в мире станет христианином. Но поскольку мы знаем, что такое маловероятно, слова эти, может быть, означают, что к Христу придут представители всего человеческого разнообразия в мире, когда узнают, что смерть Его явилась искуплением их вины. И именно это обещал Завет Авраама: будет благословлен не каждый народ целиком, но в благословении будут представлены все народы. Таким образом, ученики Иисуса получили еще одно откровенное предупреждение о предстоящем вскоре великом поручении.

^{*} Авторское уточнение связано с тем, что в английском тексте Библии греческое слово *ethne* часто переводится, как *nation* (нация).

Острая озабоченность Иисуса будущей проповедью Благовествования языческим народам обнаружилась, косвенным образом, и в другой ситуации. Когда Мария Магдалина, благочестивая женщина, полила ноги Иисуса очень дорогим благовонным маслом, символически как бы заранее совершая последнее помазание, ее упрекнул за пустую трату драгоценного снадобья Иуда Искариот (см. Ин. 12:4–5). На защиту Марии встал сам Иисус. Объясняя ее побуждения, Он прибавил нечто, много говорившее о глубоком внутреннем предназначении Его самого: «Где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет, в память ее, и о том, что она сделала» (Мк. 14:9).

Сразу же вслед за этим Иуда Искариот потихоньку вышел и втайне условился с врагами Иисуса о своем предательстве. К этому времени себялюбивый Иуда совершенно разочаровался в своем Господе. Безразличие Иисуса к возможности использовать свою власть для политических и денежных выгод учеников положило конец терпению Иуды. И вот сейчас, как будто нанося новое оскорбление, Иисус открыто поставил его в неловкое положение, одобрив расточительный обряд Марии после того, как Иуда осудил его. Это убеждало Иуду – если у него оставались еще какие-то сомнения – в том, что Иисус просто лишен способностей к финансовым делам.

В конце концов, возвышенное стремление Иисуса распылять мессианское благословение на весь языческий мир (вместо того, чтобы сконцентрировать его на еврейском народе, где оно только и могло иметь какой-то смысл) для Иуды, с его националистическими взглядами, должно было выглядеть предельно непрактичным. Вероятно, Иуде стало наконец ясно, что Иисус в самом деле не шутя собирался объявить праздничное пиршество еврейских религиозных привилегий открытым для языческих псов! И если это так, то Иуда, возможно, был самым умным из двенадцати, потому что остальным одиннадцати понадобилось, как мы увидим, гораздо больше времени, чтобы всерьез воспринять этот усиленно звучащий мотив в служении Иисуса.

Столкновение Иуды с Иисусом по поводу стоимости обрядового действия Марии и новое подтверждение «всемирной перспективы», высказанное Христом в защиту Марии – оба эти момента в Священном Писании кажутся связанными в своем значении катализаторов, ускоривших решение Иуды предать Иисуса. Видимо, это была последняя обида, выветрившая остат-

ки обязательств, которые еще чувствовал по отношению к Иисусу Его ученик.

Иуда начал вдруг перебирать перечень своих недовольств. Он отдал три года жизни, чтобы помочь Иисусу основать и укрепить новое мессианское предприятие. И вот, несмотря на все старания, его финансовое положение ничуть не улучшилось, если не считать некоторых «авансов», полученных им «взаимы» из общего богатства компании. В этом смысле, далеко идущая (по сути – уходящая от реальности) организационная политика Иисуса по принятию в компанию языческих народов не оставляла ни малейшей надежды на материальное вознаграждение и в будущем.

Иуде стало жалко самого себя. Не было ли какого-либо способа возместить хотя бы часть тех выплат, которые были ему задержаны, пока Иуда следовал за Иисусом в течение трех этих, неблагоприятных в экономическом отношении, лет?

Внезапно Иуде пришло в голову, каким остроумным способом можно вернуть себе, по крайней мере, часть убытков. Конечно, для этого нужно было бы предать друга, но друг этот уже продемонстрировал замечательную способность жить в постоянной опасности и оставаться целым и невредимым. Не может такого быть, думал Иуда, чтобы маленькая тайная сделка с высшими священниками в самом деле привела к смерти Иисуса. Либо Иисус победит своих обвинителей в суде (Он был очень силен в речах), либо та же самая толпа, которая приветствовала триумфальный въезд Иисуса в город, потребует освободить Его под угрозой восстания (в тот момент Иисус был уже невероятно широко известен!). Но даже не случись ни того, ни другого, Иисус сам мог бы легко обмануть смерть, ускользнув от нее каким-нибудь чудесным способом. Да, действительно, Иисус несколько раз предсказывал, что жизнь Его окончится трагически, но ведь время это еще не пришло. Он все еще был единственным в своем роде. Служение его находилось в зените. Первосвященники, конечно, арестуют Иисуса, но вскоре же вынуждены будут, под давлением общественного мнения, Его отпустить.

Иуда, тем временем, скроется где-нибудь в другой части Палестины с тридцатью серебряными монетами, которые помогут ему вступить в новое и светлое будущее. Но, разумеется, он не покинет Иерусалима, пока не увидит собственными глазами, как выпустят Иисуса.

К полнейшему ужасу Иуды, все произошло совсем не так!

С момента ареста все пошло вкривь и вкось. Иисус, по необъяснимой причине, не стал пользоваться своей восхитительной силой полемиста, чтобы одолеть своих врагов. Человек, который ставил в тупик самых изощренных защитников иудаизма, стоял перед Анной, Каиафой, Пилатом и Иродом, ни слова не говоря в свою защиту, как будто отсох Его язык. Напрасно дожидался Иуда и слухов о том, что Иисус воспользовался, наконец, своей чудесной властью, чтобы проскользнуть сквозь пальцы своих врагов. А когда был произнесен смертельный приговор, не поднялась на Его защиту и толпа. Невероятно легковверные люди, часть которых приветствовала Иисуса как Мессию еще пару дней назад, теперь поддались профессиональным агитаторам и шумно требовали для Него распятия.

Распятие?! У Иуды, должно быть, прервалось дыхание. Иисус? Прибитый железными гвоздями? В судорогах кончающийся на *языческом* кресте? Это был способ пытки, отведенный только для самых подлых преступников. Такого не должно было произойти! Или должно было? Может быть, предатель вспомнил теперь слова Иисуса: «И когда Я вознесен буду от земли...» В то время эти слова казались относящимися к какому-то будущему состоянию воспарения. Сейчас – слишком поздно – начал проявляться их истинный смысл. И Иуда знал, что он, один из двенадцати избранных учеников Иисуса, приложил руку к этому, смертному ужасу вызывающему своей несправедливостью, преступлению. Матфей так описывает реакцию Иуды на этот неожиданный поворот событий:

«Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав Кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того?.. И бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился» (Мат: 27:3–5).

Что произошло впоследствии с этими тридцатью серебряными монетами? Занятно, что первосвященники подобрали их и использовали для покупки земли горшечника, на которой они затем устроили кладбище – догадайтесь, для кого? Для язычников. Закон запрещал евреям хоронить их на еврейских кладбищах, но даже деньгами, уплаченными за Иудино предательство, Иисус сумел позаботиться о язычниках (см. Мат. 27:6–10).

Распятие, тем временем, произошло в той самой «земле Мория», где за девятнадцать столетий до того стоял Авраам, гото-

вый по распоряжению Господа принести в жертву своего единственного сына – невинного Исаака. В этот раз, однако, не было «овна, запутавшегося в чаше», который заменил бы безвинного Сына. Вместо этого исполнилось древнее пророчество: «На горе Иеговы усмотрится».

И усмотрен был Иисус Христос. Позднее один из Его учеников, Иоанн, понял значение того, что происходило в этот день и написал: «Он [Иисус Христос, праведник] есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1 Ин. 2:1–2).

Таким образом, это было первым благословением, которое необыкновенный потомок Авраама разделил не только с евреями, подобными Иоанну, но и со «всемирном».

Над висящим на кресте Иисусом была прибита дощечка с надписью на арамейском языке, самом распространенном среди евреев Палестины: «Иисус из Назарета, царь иудейский». Но надпись эта была также сделана и на двух языческих языках – латинском и греческом.

В тот момент, когда громко вскричал Иисус: «Отче! в руки твои предаю дух Мой», – у подножия креста стоял воин-язычник. Он наблюдал за последним вздохом Иисуса. Как же этот соотник выразил свое отношение к происходящему? «Истинно, человек этот был праведник», – сказал он.

Точно так же, как ученики не доверяли намекам Иисуса о проповедовании Благвестования язычникам, не верили они по существу, и Его словам о том, что Он восстанет из мертвых. В обоих случаях Иисус поразил их неожиданностью. Через три дня после погребения Он воскрес. И в первый раз после воскресения Он, неузнанным, повстречался с двумя из своих учеников по дороге в Эммаус (см. Лк. 24:13–49). В беседе двое учеников, все еще не узнавая Иисуса, пожаловались Ему: «...мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля» (там же: 21). Они не добавили: «И сделать Израиль благословением для всех племен». Их слепые сердца все еще не различали эту сторону Авраамова Завета.

«О, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки! – отвечал им Иисус, – Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?» (там же: 25–26).

Затем – начав «от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании». Он уже говорил об этих вещах и

прежде, но теперь терпеливо повторял их вновь и вновь (см. там же, 27). И сейчас, когда Он изъяснял им Писание, сердца этих двух учеников воспламенились (см. там же, 32). Открылись ли наконец их души более широкому взгляду на мир?

Они все-таки узнали Христа, но в то же мгновение Он исчез. Двое сразу вернулись в Иерусалим, отыскивали остальных из Одиннадцати – так некоторое время называли учеников после предательства Иуды – и поведали им о своей встрече. Но не успели еще они кончить свой рассказ, как сам Иисус возник перед учениками, и конец этой истории они смогли увидеть собственными глазами.

Как безошибочно возвращается ласточка к своему гнезду, так возвращался к Священному Писанию и его центральной теме Иисус: «Тогда отверз им ум к уразумению Писаний и сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима; вы же свидетели сему» (Лк. 24:45–48, выделено мной).

Заметьте, однако, что Иисус пока не велит им отправляться. Это случится несколькими днями позже, на горе в Галилее – где, насколько известно было ученикам, все это началось. И вот слова этого поручения, которое Завет Авраама предвещал уже в течение двух тысяч лет, и к которому три долгих года готовил Иисус своих учеников: «... дана Мне всякая власть на небе и на земле. *Итак, идите, научите все народы*, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать [обратите внимание на следующее за этим ограничение] все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мат. 28:18–20, выделено мной).

Ничего несправедливо неожиданного в этом распоряжении не было. Его предсказывал Ветхий Завет. Своим ежедневным учительством его исполнял сам Иисус. Свободное от предрасудков и достаточно частое служение Христа среди самарян и язычников давало ученикам конкретный пример того, как этому распоряжению следовать. Сейчас Иисус обещал вдобавок завещать ученикам свою власть и Его собственное постоянное присутствие среди них, если они будут послушны.

Чуть позже, за мгновения до Его вознесения на небеса с Елеонской горы (около Вифании), Иисус прибавил еще одно обещание: «...вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете мне свидетелями...» А далее следовала знаменитая Иисусо-

ва формула центрбежного продвижения Благвестования: «в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и *даже до края земли*» (Деян. 1:8, выделено мной).

Это было последним распоряжением Иисуса. Не произнеся больше ни слова, и не предполагая никаких обсуждений своего поручения, Он вознесся на небеса, чтобы ждать, пока оно не будет до конца исполнено Его последователями.

Конечно, Иисус знал, что не было в Его время надежды спасти большинство евреев от их слепого эгоцентризма, как нет надежды и на то, что от этого греха спасется большинство какого-либо другого народа. Большая часть евреев была настолько сосредоточена в своей истории на исходном ряде Авраамова Завета, что его конечный ряд сделался для них практически невидимым. Пожалуй, не будет преувеличением счесть их разум герметически закупоренным от проникновения сколь бы то ни было серьезных размышлений о «конечном ряде». Именно поэтому многие евреи стремились использовать чудесную силу Иисуса только для своих собственных выгод. А Его, основанная на Завете, всемирная перспектива постоянно вступала в противоречие с укоренившимся в них образом «нашего исключительного народа». Исходя именно из такого умонастроения, один из Его учеников, как мы видели, даже предал Иисуса. Но тогда единственной надеждой оставались эти одиннадцать. Если бы только Иисусу удалось внушить им идею всемирной перспективы, еще могло бы исполниться целиком все обещание Бога Аврааму, а не одна его усеченная версия.

Спрашивается: а сам Сын Человеческий – мог ли, не отрицая свободу человеческой воли, преобразить одиннадцать мужчин, чей способ мышления был с самого детства запрограммирован на крайний *национализм*? Вопрос может показаться пустым. Разве не способен Сын Человеческий, который в то же время – всемогущий Сын Божий, совершить что угодно? Ответом будет «да», но само признание свободной воли человека предполагает изначальное решение Бога не вмешиваться в метафизические основы этой свободы. Оно предполагает также и возможность для человека отвергнуть предпринимаемые Богом попытки воздействовать на эту свободную волю, оставляя при этом в покое ее сверхъестественную природу.

Убеждение, а не принуждение – вот на что должен полагаться даже сам Господь Бог. А убеждение, по самой своей природе

де, должно допускать сопротивление. И все же Бог, разрешивший сопротивляться себе, настолько мудр, что может с легкостью преодолевать любые последствия такого своего самоограничения. Продолжая свои усилия, с равным успехом встречаясь и с человеческим сопротивлением, и с признанием, Он все-таки достигает своей извечной цели.

Неопределенность окончательного разрешения не зависит, стало быть, от того, насколько удачно составлен план Божий; ибо успех этого плана заранее подтвержден. Окончательное разрешение, скорее, зависит от ответа на вопрос: кто из сыновей и дочерей человеческих распознает день Божьего избранничества, когда он для них придет? И кто из тех мужчин и женщин, которые отличат этот день, пренебрежет им, как Исав, пренебрегший своим первородством? И наконец, как же Бог добьется своей цели, если даже любящие Его мужчины и женщины, сделавшие Его цели своими, оказываются духовно неустойчивыми, слабыми физически и – ох, до чего же ограниченными в понимании?

Могут ли какие-либо другие вопросы создать большую неопределенность?

С этой, тяжело опустившейся на наши плечи, неопределенностью мы постараемся сейчас рассмотреть, во что обратились изнурительные усилия Христа превратить одиннадцать, одержимых родовой ограниченностью, евреев – в интернациональных апостолов.

Как ни невероятно, но эти прекраснейшие и стратегически самые важные усилия Его учительства оказались в положении жука, перевернувшегося на спину и лежавшего в полной беспомощности до тех пор, пока... Но не станем забегать вперед.

Глава седьмая

СКРЫТЫЙ СМЫСЛ «ДЕЯНИЙ АПОСТОЛОВ»

Сотни миллионов христиан полагают, что описанные Лукой «Деяния апостолов» свидетельствуют о выполнении двенадцатью учениками Христовыми великого поручения. На самом деле «Деяния» отмечают их нерасположенность его выполнять.

Стоя, как будто приросшими к вершине горы, следя за тем, как Иисус исчезает в облаках, действительно ли испытывали эти одиннадцать твердое желание следовать Его поручению? Пример сострадания, испытываемого Иисусом по отношению к римскому центуриону, сирофиникиянской матери, к прокаженному самарянину, гадаринскому бесноватому, сирийскому полководцу Нееману, вдове сарептской, к раскаявшемуся населению Ниневии, к жителям Содомы и Гоморры, которые были наказаны, не получив ясного призыва к раскаянию – всего этого, несомненно, должно оказаться достаточным, чтобы растопить в их сердцах лед предубеждений, заменить его интернациональным сознанием и отправить учеников в путь, к краям земли. Сделанный Иисусом широкий обзор Писания и вслед за тем – прямое Его распоряжение, раскрывающее Божий план в отношении всего мира, безусловно, должны внушить ученикам достаточно убежденности. И наконец, неужто не превратит их обещанный дар силы Духа Святого – в энергичных международных подвижников Благовествования?

Но подождите! Насчет этого дара силы Духа Святого...

Допустим, Господь дал вам, как специалистам по организации общественных мероприятий, задание устроить для Него некую демонстрацию. Предположим, Он разъяснил вам лишь единственное условие – событие должно строиться таким образом, чтобы и самому тупому из учеников стало абсолютно ясно, что сила, которую им предстоит получить в дар, дается не просто как личное благословение и не для воодушевления ее получающих, а чтобы сделать их способными нести благословение через весь мир ко всем народам.

Даже если вы – самый гениальный в истории организатор, вряд ли вам удалось бы придумать более ясный способ этого добиться, чем следующий.

Когда сила Духа святого опустилась, наконец, на учеников Христа – время оказалось самым подходящим. В Иерусалим на праздник, называемый Пятидесятница, собирались богобоязненные евреи по крайней мере из пятнадцати разных районов Ближнего и Среднего Востока. Вдобавок к их обычному знанию древнееврейского или арамейского языков, эти паломники – часто называемые евреями диаспоры, «рассеяния» – вероятно, говорили примерно на нескольких десятках языческих наречий.

А сила Духа Святого, полученная апостолами и другими верными последователями Христа, чудом наделила их способностью говорить на многих языках, представленных в толпе евреев диаспоры и новообращенных язычников, собравшихся в тот момент в Иерусалиме.

Зачем?

Не в качестве благословения для них самих. Когда бы имелось в виду только такое благословение, чудесный дар знания нееврейских языков был бы излишним.

Более того, не могло быть целью и благословение тех, кто явился на праздник из рассеяния. Если бы нужно было проповедовать только им, хватило бы и арамейского языка или иврита.

Не входило в задачу и демонстрировать способность Святого Духа творить чудеса.

Рассматриваемый в свете служения Иисуса и отчетливо высказанных Им планов по отношению ко всему миру, этот чудесный дар внезапного овладения языками мог иметь целью только одно – указать с кристальной чистотой, что сила Духа Святого была дарована и даруется в связи с особой задачей рапространить Благоевествование среди всех имеющихся в наличии народов. Любые попытки использовать силу Святого Духа для чьего-либо личного удовольствия или возвеличения, или стремление упиваться свидетельствами и чудесами, как таковыми – должны выглядеть для Господа неверным истолкованием.

И все же мы иногда встречаем христиан, которые ищут только свидетельств и проявлений силы Духа Святого, отнюдь не заботясь о том, чтобы отдать себя делу проповеди Благоевествования всем народам.

Давайте посмотрим, однако, понимало ли сколько-нибудь глубже значение даров Святого Духа это первое поколение христиан.

Благодаря власти Святого Духа, просвечивающей в их свидетельствах, апостолы быстро перешагнули первый из четырех от-

меченных Иисусом порогов – распространили Благовествование в Иерусалиме – без всяких сложностей! Вскоре раздалась жалоба их противников: «Вы наполнили Иерусалим учением вашим» (Деян. 5:28). Затем было отмечено, что «число учеников весьма умножилось в Иерусалиме» (Там же, 6:7). К концу седьмой главы «Деяний апостолов» мы, однако, обнаруживаем, что все апостолы и – тысячи новообращенных все еще топчутся в Иерусалиме. Четверть книги «Деяний» уже стала историей, но, как показывают ее записи – у них даже в планах еще не стояло приступить к выполнению оставшейся части последнего распоряжения Христа.

И если мы правильно понимаем последовавшие события, даже Бог начинал терять терпение. Складывается впечатление, что Создатель готов был использовать самые крайние меры, чтобы не допустить превращения дара, принесенного в мир Его Сыном, в исключительную собственность одного лишь народа – евреев. Решение Бога было очень простым, хотя и болезненным. Он рассеял христиан с помощью преследования. Враги, охотившиеся за последователями Христа, даже не подозревали, что выполняют волю Божью: «произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме, и все, *кроме апостолов*, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии» (Деян. 8:1).

Не должны ли были хоть некоторые из апостолов, имея в виду последнее распоряжение Иисуса, уйти в первых рядах этих гонимых? Видимо, даже преследование не могло заставить их сдвинуться с места. «Рассеявшиеся ходили и благовествовали слово. Так Филипп [не апостол Филипп, а, вероятно, один из семерых мирян, назначенных ранее исполнять обязанности диаконов – служителей церкви, в обязанности которых особо входило попечение о бедных и нуждающихся – для тысяч верующих иерусалимской общины; см. Деян. 6:5] пришел в город самарийский и проповедывал им Христа... И была радость великая в том городе» (Деян. 8:4–8).

Вот после того, как мирянин Филипп во время своего «активного отдыха» от служения в Иерусалиме (см. Деян 6:1–5) проложил для них путь в Самарии, апостолы решили послать двоих из своего числа – Петра и Иоанна – чтобы утвердить возрождение, которое уже началось.

Это было нелегким делом для Петра и Иоанна, но вероятно, оно не было легким и для Филиппа. Собственная культура воспитала евреев как касту, «самарян избегающих», ибо «иудеи с

самарянами не сообщаются» (Ин. 4:9). Самаряне, видите ли, исходили из весьма отличающейся системы предположений. Они не соглашались даже с тем, что Иерусалим – святой город евреев – был столицей мира. И кровь их была перемешана с кровью язычников. Может быть, евреям легче было бы переварить чистокровного язычника, но помесь... фу, какая безвкусица!

Шумерская земля, может быть, даже Сибирская земля представляли бы для людей с еврейским самосознанием боле легкую задачу, чем отвратительная земля Самарийская.

Тем не менее, Петр и Иоанн начали испытывать некоторое воодушевление по поводу «зарубежного» служения в этом городе самарийском. И так они были воодушевлены, что сразу же «во многих селениях самарийских проповедали Евангелие», но только на своем обратном пути – догадитесь куда? В Иерусалим! (См. Деян. 8:25).

Тем временем, тот же храбрый мирянин по имени Филипп, бесстрашный служитель Духа Святого, уже выполнял следующее межкультурное задание. «Филиппу Ангел Господень сказал: встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу, на ту, которая пуста. Он встал и пошел. И вот [повстречался ему] муж эфиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Эфиопской, хранитель всех сокровищ ее, приезжавший в Иерусалим для поклонения» (там же, 26–27).

Вот еще один, содержащийся в Писании пример язычника, поклонявшегося единому истинному Богу. Запись не отмечает даже, что он был сначала обращен в иудаизм, как это упоминалось ранее по поводу «Николая Антиохийца, обращенного в иудаизм» (Деян. 6:5).*

Встретив эфиопа на этой дороге, «которая пуста» – наиболее близкий прообраз нынешнего шоссе – Филипп заметил, что тот, «сидя на колеснице своей, читал пророка Исайю». Между тем, книга пророка Исая содержит распоряжение относительно земли Куш – в верховьях Нила – того самого места, где эфиопский евнух служил под началом царицы Кандакии: «Идите, быстрые послы, к народу... рослому и все попирающему... [люди племени динка, живущие в этом районе, – одни из самых высоких в мире, а башнеподобные ватусу из Центральной Африки, как полагают,

* Перевод английского текста Библии. В русском Синодальном издании – «Николай Антиохийца, обращенного из язычников»

ведут свое происхождение из земли Куш] ...к народу, страшному от начала и донныне, *народу воинственному, речь которого непонятна*,* которого землю разрезают реки» (Ис. 18:2,7).

Насколько нам известно, Филипп оказался первым «быстрым посланцем», вплотную приблизившимся к выполнению этой, явно межкультурной миссии, указанной в той самой книге, которую читал эфиоп.

Внимание эфиопа, однако, было сосредоточено на других словах Исаяи, которые содержатся в седьмом стихе 53 главы: «Как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец перед стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст своих» (Деян. 8:32).

Эфиоп обратился к Филиппу: «Прошу тебя сказать: о ком пророк говорит это? о себе ли, или о ком другом? Филипп отверз уста свои и, начав от сего писания, благовествовал ему об Иисусе» (Деян. 8:34–35). Эфиоп уверовал, попросил крестить его в тот же день и «продолжал путь, радуясь» (там же, 39). История подтверждает, что, возможно, именно он успешно подготовил пути для основания тысяч христианских церквей в далекой долине Нила.

Отлично сделано, Филипп!

Расставшись с эфиопом, Филипп пошел дальше на север по дороге, «которая пуста», благовествуя вдоль морского побережья от Азота до Кесарии.

Мы знаем, что даже он не продвинулся далее. Но так же, как до того он проложил Петру и Иоанну путь в Самарию, нынешний его поход вдоль берега через Лидду, Яффу и Кесарию снова подготовил почву для будущего посещения этих мест Петром. Так в «Деяниях» (с 9:32 по 11:18) мы видим Петра опять следующим по стопам Филиппа. Петр, безусловно, проделывал большую работу, хотя он все еще проповедовал Христа только там, где Он уже был проповедан. Но было одно исключение.

Будучи в Кесарии, Филипп, видимо, разминулся с ищущим Бога римским центурионом Корнилием, и задача обратиться Корнилия к вере в Христа выпала на долю Петра. И что за мука была, даже для исполненного Духом Святым Петра, пытаться обратиться к вере римлянина! Трижды должно было повториться видение, целью которого было избавить Петра от его антиязыческих настроений, прежде чем он понял, о чем идет речь. Последовавшая затем его встреча с Корнилием – это горький урок люд-

* Выделенная часть английского текста Библии отсутствует в русском её издании.

ской предубежденности, постепенно тающей под жаром истинной святости Благовествования. Петр подвел итог своим приготовлениям ко встрече с римлянином, стремящимся к Богу, следующими словами: «Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян. 10:54–55).

И все же, начав проповедовать язычнику Корнилию и его домашним, Петр описывал Благовествование, как «слово», которое Бог послал «сынам израилевым... благовествуя мир через Иисуса Христа». Он даже не упомянул о том, на что Иисус указывал так отчетливо – эта Благая Весть предназначалась также и для всех народов. Правда тут же, может быть оттого, что увидел следы разочарования на лицах своих слушателей, Петр допустил, что Иисус Христос имеет некоторое отношение и к язычникам. Он, признался Петр, – «Господь всех» (там же, 56).

Дальше Петр повторил для своих слушателей-язычников последнее распоряжение Иисуса. Но до чего же усеченной прозвучала его версия великого поручения! «Он повелел нам проповедовать людям» (там же, 42). Не трудно угадать, каких людей инстинктивно подразумевал Петр.

А потом, несмотря на Петрово сопротивление, Святой Дух все-таки заставил его сказать все до конца: «Все пророки свидетельствуют, что всякий [без ограничений] верующий в Него получит прощение грехов именем Его» (там же, 45).

И в ту же минуту сошел Дух Святой на томившихся ожиданием слушателей Петра, как сошел Он на верующих евреев в день Пятидесятницы, как сошел на отверженных самарян, которых сначала пробудил своим служением диакон Филипп.

О, как труден был Христов урок всемирной перспективы – даже для апостолов, избранных Им самим! Он все еще труден сегодня и для нас. По возвращении Петра в Иерусалим, настроенные сугубо проеврейски, соратники-христиане стали, как он и предполагал, осуждать его, говоря: «Ты ходил к людям необрезанным и ел с ними» (Деян. 11:3).

Когда же Петр объяснил, как Господь почти заставил его войти к этому римскому семейству, его оппоненты изменили свое отношение к случившемуся: «Видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь», – согласились они (там же, 18). Это было качественно новым постижением, только сейчас ступившим на порог их сознания.

Можно лишь удивляться – как же до этого момента они представляли себе цель последнего распоряжения Иисуса? И как собирались евреи выполнить это распоряжение повсюду «до края земли», не преломив хлеба с язычниками?

Были и другие христиане с еврейским самосознанием, которые, убегая от преследований в Иерусалиме, добирались на севере до Финикии, Кипра и Антиохии. Проповедовали Благовестование и они. Но, как отмечается в «Деяниях», они были слишком осторожны, чтобы благовестовать кому-либо «кроме иудеев» (Деян. 11:19).

Некоторые из них, бывшие уроженцами Кириanei и Кипра, попытались все же передать слово Благовестования и язычникам. Наконец-то! – воскликните вы, – случился все-таки этот прорыв в их мышлении! Но постойте. Они ведь не решились проповедовать Благовестование у себя на родине – на Кипре или в Киринее. Они делали это в Антиохии, где, по всей вероятности, их не так хорошо знали. Почему? Не хотелось ли им оставить для себя возможность – встретив осуждение, подобное тому, которому подвергся Петр, бежать домой и оставить позади кипящие страсти?

Еще раз явил свою силу Дух Господен. Из книги «Деяний» можно вынести впечатление, что Он постоянно ждал, чтобы проявиться именно таким образом, и делал это где бы то ни было, лишь только отыщет христиан, готовых предстать перед язычниками с Благовестованием на устах. Читаем: «И была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось к Господу» (там же, 21).

А в следующей фразе можно почти услышать интонацию легкого сарказма: «Весть о сем достигла слуха церкви Иерусалимской» (там же 22). Вдохновенный автор мог бы с таким же успехом сказать «Весть о сем дошла до церкви Иерусалимской».* А метафора «слух церкви», может быть, является мягким намеком на нетерпение озадаченного Луки (и Святого Духа), вызванное таким ограниченным еще сознанием Иерусалимской церкви. Следует помнить и о том, что все двенадцать апостолов (Иуду заменил Матфей) – как главы церкви в Иерусалиме – до сих пор оставались в сокрытии. То есть, слова «достигли слуха церкви» впол-

* Перевод английского текста Библии. В русском Синодальном издании – «Дошел слух о сем до церкви Иерусалимской».

не могли быть истолкованы, как «достигли слуха апостолов», но, разумеется, не так написаны тонким дипломатом Лукой.

Ни один из апостолов не рискнул отправиться в Антиохию, чтобы своими глазами увидеть великие дела, совершающиеся там среди новообращенных язычников. Они послали человека по имени Варнава.

Почему же – своего заместителя?

Не страдали ли Петр, Иоанн и все остальные распространенным человеческим недугом, который называется «штабной лихорадкой»?

Они всегда останутся апостолами Христа. Их имена запечатлены на двенадцати камнях, лежащих в основании стены «нового Иерусалима» (см. Отк. 21:14). И все-таки, подобно тому, как четыре Святых Благовествования сознательно не скрывают множество их человеческих упущений – пререкания не по чину, запальчивость, попытки отвести Иисуса от креста и прочие – книга «Деяний» открывает нам еще одну, не менее существенную их ошибку: неохоту, с которой они медлили принять всерьез последнее распоряжение Христа, по крайней мере, в первые годы после Пятидесятницы.

Почему год за годом они оставались в Иерусалиме вместо того, чтобы, располагая властью, данной им Богом, отважиться на преодолевающее границы культур испытание среди отдаленных народов?

Возможно, лучшим оправданием их медлительности могла служить необходимость держаться вместе, пока слова и деяния Иисуса были еще свежи в их общей памяти, и собирать воедино подробности, из которых позднее Матфей, Марк, язычник Лука и Иоанн составят свои четыре Благовествования. Эта работа могла бы полностью занять всех апостолов на пять – десять лет, а некоторых даже и дольше. Факты, однако, указывают, что, прежде чем они начали двигаться, прошло двадцать, если не больше, лет.

Думали ли они еще, что их постоянное присутствие в Иерусалиме необходимо, чтобы Святой город навсегда закрепился как центр новой веры, каковым он был для иудаизма? Если так, то они явно позабыли, что сказал однажды Иисус самарянке у того старого колодца возле города Сихарь: «Поверь мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу» (Ин. 4:21).

Или это случилось потому, что они взяли себе в жены женщин (см. 1 Кор. 9:5), которые не могли выдерживать такие длинные путешествия?

Или старый спор о том, кто из них более велик, держал их кучкой в Иерусалиме? Оставить большую, хорошо устроенную церковь в Святом городе и пачкать руки начальной, тяжелой, возможно опасной миссионерской работой – было бы понижением в звании, не правда ли? Боялся ли каждый из апостолов оставить Иерусалим, предполагая, что кто-то из оставшихся может в его отсутствие устроить заговор, чтобы утвердить себя своего рода епископом иерусалимским?

Каков бы ни оказался ответ – или ответы – ясно, что требовался новый апостольский отряд, чтобы спасти последнюю волю Иисуса от забвения. Но кому же на свете под силу было совершить то, в чем, по большей части, терпели поражение самим Христом избранные, исполненные Духа Святого апостолы?

«Савл, Савл! что ты гонишь меня?»

Это был голос недавно вознесшегося Христа, исходивший из света, который был ярче солнца. Внезапно ослепленный этим светом Савл из Тарса пал на землю.

«Кто ты, Господи?» – спросил Савл.

«Я Иисус, которого ты гонишь», – раздался ответ, в котором не звучало угрозы возмездия за такое преследование. Савл вздрогнул. Незадолго до того он охранял одежду, сброшенную к его ногам теми, кто забил камнями до смерти Стефана – самого страстного свидетеля об Иисусе – и совесть его с тех пор не давала ему покоя. Он ведь лично одобрил убийство Стефана и послал в тюрьму многих других, разделявших те же убеждения. А теперь, к ужасу своему и стыду, обнаруживал, что все, сказанное ими о своем Господе, было правдой. Иисус и в самом деле был Господь.

«Встань и иди в город, – продолжал голос, – и сказано будет тебе, что тебе надобно делать» (Деян. 9:4–6).

В то время как Савл, все еще лишенный зрения, три дня оставался в Дамаске, Иисус явился к смиренному верующему Ананию и велел тому вылечить глаза этому, пользующемуся славой самого известного в том десятилетии преследователя христиан, члену синедриона. Увидев, что Анания колеблется, беспокоясь за свою жизнь, Иисус сказал (обратите внимание на слова): «Иди,

ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми; и Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое» (Деян. 9:15).

Так было положено начало новому отряду апостолов. У Савла, надо признаться, были некоторые преимущества перед апостолами, рожденными в Палестине, когда дело касалось международных заданий в пределах Римской империи. Он вырос в Тарсе – языческом, в основном, городе. Говорил не только на древнееврейском и арамейском языках, но и на греческом, а возможно, даже и на латинском. Он был рожден римским гражданином. А изучение им книг Ветхого Завета под руководством Гамалиила сделало его способным проследить веки христианской веры, установленные в Ветхом Завете, с неподражаемой точностью и ясностью.

Позднее Савл в течение года помогал Варнаве обучать множество новообращенных язычников в Антиохии. К концу этого года Савл, по-видимому, и открыл новые, отчетливо сформулированные методы для дальнейшего, преодолевающего культурные границы, продвижения Благовествования к язычникам. По Божьему внушению, он решил, что обращенные язычники не нуждаются в обрезании, которого Моисеев закон требовал для евреев. Так же как нет им нужды быть членами прихода еврейских синагог. Они могут образовывать свои собственные *ecclesia* – церкви – где у них появится возможность молиться Богу именем Иисуса Христа и быть при этом избавленными от хмурого неодобрения строгих законников иудаизма и от жестких рамок их религиозных служб. Отныне моральное содержание закона становится важнее, чем форма обрядов.

Это было самым существенным прорывом. Вплоть до этого момента Петр и другие апостолы мучились с проблемой – как подчинить новообращенных язычников определенным требованиям, которые позволяют им войти в то, что они определяли, как «назарейскую» синагогу. В конце концов – к чему же еще могли присоединиться эти новообращенные? А поскольку официальные синагоги не были предназначены для приема большого числа обращенных язычников, возникла бы неловкость, когда они потекли бы с просьбами о принятии. Если их придет слишком много, они вообще могут стать большинством! Да легче было просто не бороться за их обращение!

Идея Савла, которую, видимо, поддержал и Варнава, о том, что новообращенные язычники могут образовывать собственные *экклесии* – церкви, основанные самими верующими язычниками, а

не обязательно еврейскими христианами; церкви, сами собой управляющие и сами себя увековечивающие – эта идея осветила путь ко Христу огромному количеству язычников. И вот, после года совместного служения в Антиохии, Савл и Варнава пришли в Иерусалим, чтобы представить апостолам свою новую систему проповеди Благовестования. Своими первыми слушателями они с осторожностью выбрали только Петра, Иакова и Иоанна, которые казались «особо знаменитейшими». Видимо, остальных апостолов Савл и Варнава сочли мыслящими, пожалуй, слишком узко.

В качестве испытания Савл привел с собой Тита – верующего грека, который обрезан не был. Петр, Иаков и Иоанн, как и надеялся Савл, не настаивали на обрезании Тита (см. Гал. 2:1–5). Постепенно, слово за слово, убеждения апостолов были поколеблены. Савл позже писал: «[Петр, Иаков и Иоанн] не возложили на меня ничего более; напротив того, увидевши, что мне вверено благовестие для необрезанных... [согласились, чтобы] нам [Савлу и Варнаве] идти к язычникам, а им к обрезанным» (Гал. 2:6–7.9).

Обратите внимание на содержащийся в этих словах намек: никто из остальных апостолов еще не предпринимал похода за пределы еврейских земель. В противном случае Петр, Иаков и Иоанн вряд ли разговаривали бы с Савлом и Варнавой, как с единственными посланцами Христа к язычникам.

Удивительно! С тех пор как Матфей, Иаков, брат Господень, Савл и Варнава присоединились к первоначальным одиннадцати, существовало по меньшей мере пятнадцать человек, в общем и целом признаваемых апостолами. И все же только двое из пятнадцати были «отправлены» благовестовать девятистам миллионам язычников, жившим в мире в то время. Остальные тринадцать были убеждены, что их присутствия требует проповедь Благовестования трем миллионам евреев, среди которых уже были десятки тысяч верующих, прибавлявших свое собственное свидетельство. То что они, нисколько не смущаясь, разрешили Павлу и Варнаве взять на себя весь языческий мир, не укладывается в сознании.

И это было тем, к чему стремился Иисус?

На Савла, который приблизительно в это время начал пользоваться своим римским именем – Павел, апостолы в общем-то не произвели сильного впечатления. Чего ж удивляться! «В знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, – писал он о Петре, Иакове и Иоанне, – для меня нет ничего особенного: Бог не взирает на лицо человека» (Гал. 2:6).

Некоторое время спустя у Павла произошло даже открытое столкновение с Петром в Антиохии. Вопреки случаю с римским центурионом Корнилием, во время которого Господу пришлось приложить много усилий, чтобы внушить Петру, что можно сесть за стол с язычником, Петр, вполне переваривший угощение Корнилия, все еще никак не мог переварить этот урок Духа Святого. Павел так описывает эту проблему: «[Петр] до прибытия некоторых от Иакова [родного брата Господня], ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и прочие иудеи... даже Варнава был увлечен их лицемерием» (там же, 12–15). Вот ведь до чего беспощадной была борьба за «всемирную перспективу».

Павел поступил решительно: «Когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?» (там же, 14). И Павел пояснил свою мысль: «Не отвергаю благодати Божией; а если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (там же, 21).

После того как Павел выковал эту новую концепцию на ковальне своего опыта в Антиохии, Иерусалиме и Тарсе, путь был расчищен. Освобожденное наконец от привязанности к еврейской основе Благовествование, могло теперь отправиться к тысячам различных народов, как общемировая духовная сила. На самом-то деле весть эта была слишком значительной и простосердечной, чтобы долго оставаться в союзе с кабалой фарисейского иудаизма. Путь был открыт, и «Дух Святы́й сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они [старейшины антиохийской церкви, а не первоначальные апостолы], совершивши пост и молитву и возложивши на них руки, отпустили их в языческий мир» (Деян. 13:2–3).

Павел и Варнава были совершенно убеждены в том, что уверовавшие язычники становятся «сонаследниками, составляющими одно тело [с Израилем] и сопричастниками *обетования* Его [Бога] во Христе Иисусе... [они –] уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу... жилище, в котором Бог живет Духом своим» (Еф. 3:6; 2:19,22, выделено мной).*

* Слова «*Жилище, в котором Бог живёт Духом Своим*» – являются переводом с английского текста Библии и не вполне совпадают с русским её изданием.

Павел решался даже утверждать – как он писал в своих посланиях – что во Христе «нет *уже* иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского... [но те, кто верует -] одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Потому что Христос разрушил «стоявшую посреди преграду» (Еф. 2:14).

Еще позднее он и Варнава смело провозгласили: «Мы обращаемся к язычникам; ибо так заповедал нам Господь: «Я положил Тебя во *свет язычникам*, чтобы Ты был во спасение до *края земли*» (Деян. 13:46–47, выделено мной).

Черта была проведена. Отныне христианство и иудаизм становились разными религиями. Петр, Иаков и Иоанн изо всех сил старались удержать их вместе. Но сила воздействия последнего Христова распоряжения была слишком велика. Распространить Авраамово Благословение всем народам на земле – все еще оставалось «непреложной Его волей». Связав себя однажды клятвой, Господь не может и не станет менять своего решения.

Вернувшись к антиохийским церквям, Павел и Варнава сообщили, что Бог «отверз дверь веры язычникам» (Деян 14:27).

Затем церкви эти вновь послали Варнаву и Павла в Иерусалим, чтобы во второй раз встретиться с Петром, Иаковом и Иоанном и попытаться раз и навсегда разрешить вопрос, все еще мучивший некоторых верующих евреев: должны ли новообращенные язычники, чтобы быть спасенными, подчиниться испытанию обрезания и быть послушными всем пунктам Моисеева закона, во всех его обрядовых подробностях?

Теперь Петр, примирившись с неизбежным, напомнил о том совете, на котором обсуждалось посещение им несколько лет назад дома Корнилия: «[Бог] не положил никакого различия между нами и ими, верую очистив сердца их. Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы? Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они» (Деян. 15:9–11).

И затем Иаков, брат Господень, сказал последнее слово: «[Петр] изъяснил, как Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое» (там же, 14).

Он задел самый главный нерв: это было Божьей заботой – должно было стать, ибо сами-то они пальцем о палец не ударили?

«И с сим согласны слова пророков, – продолжал Иаков, – как написано: «Потом обращусь и воссоздам скинию Давидову падшую... Чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы, между которыми возвестится имя Мое» (там же, 1–17).

Может быть, кое у кого из апостолов, ограничивавших себя – по крайней мере, до этого собеседования – Палестиной, начали в тот момент раскрываться глаза на возможность служения среди далеких язычников. Рассказы Павла и Варнавы о широком отклике азиатских народов могли заставить их понять, наконец, что Иерусалим и Самария – не единственное на земле место, где совершаются события.

Есть даже теория, утверждающая, что Лука, возможно, написал «Деяния апостолов» в качестве слегка замаскированного руководства, чтобы воодушевить других апостолов и новообращенных из евреев последовать примеру Павла в деле Благовествования.

Так или иначе, разрушение Иерусалима Титом в 70 году после Р. Х. должно было рассеять апостолов, ибо в результате – мало что осталось от того места, где они могли бы продолжать свое затворничество.

Различные предания, упоминающиеся отцами церкви и другими источниками, свидетельствуют, что Иаков Праведник, кровный брат Иисуса, так и не покинул пределов Палестины и был замучен в Иерусалиме. А вот апостол Иоанн продолжил служение апостола Павла в Малой Азии и окончил свой жизненный путь где-то в районе Смирны и Эфеса.

Апостол Петр дошел в своем служении язычникам до самого Рима и был распят в этом городе римскими безбожниками перевернутым вниз головой.

Фому, согласно преданию, конечный ряд великого поручения привел в «Индию». Индия в те дни означала все, что лежало восточнее Сирии, однако есть свидетельства, что Фома добрался до района Мадраса, неподалеку от южной оконечности собственно самой Индии. Большое число очень древних церквей в этом районе называют себя церквями Мар Тома. Возможно, *Тома* ведет свое происхождение от имени Фома.

Андрей, вероятно, двинулся на север от Черного моря, где обитали дикие племена Скифии – прародители многих нынешних народов северной Европы. Другие апостолы, по-видимому, проникли в Эфиопию, Северную Африку, Сирию и, возможно, Южную Аравию. Может быть в будущем исследователи отыщут древние документы, которые с большей точностью раскроют, как проходили последние годы жизни каждого из апостолов.

Что же в конце концов убедило их приступить к исполнению конечного ряда последнего великого повеления Господа наше-

го? Чтение ли «Деяний апостолов» – этого «самоучителя», написанного Лукой, помогло им поверить наконец, что они и в самом деле могут проповедать Благовестование другим народам, как это делали Павел и Варнава?

Или разрушение Титом Иерусалима в 70 году после Р. Х оказалось последним аргументом, вынудившим их покинуть свое гнездо раз и навсегда? Но какова бы ни была причина, большинство из них все же отправилось в путь. И с тех самых пор по крайней мере некоторые христиане продолжали покидать свои родные места, будучи послушными великому последнему распоряжению Христа.

Но одним этим скромным меньшинством христиан в течение двух тысячелетий сильнее всего и определялась человеческая история. Основные факты их судеб, значение которых намеренно преуменьшают, или даже просто не замечают светские историки, будут содержанием будущей книги. О грандиозных победах этого незначительного меньшинства я расскажу там в главах под такими названиями: «Первый в мире Библейский круг» (семитысячемильное кольцо, окружающее Средиземное море); «Галатское объединение» и «Три эры».

Я подробно опишу некоторые из встретившихся им препятствий, таких, как истребление мусульманами и викинггами, и эпидемия чумы.

И наконец, я покажу, до какой степени мы, современные христиане, опираемся на плечи этого незаметного меньшинства первопродводцев, которые понимали, что конечный ряд Завета Божьего характеризует «Его непреложную волю». Они передали нам энергию своего движения, позволяющую постоянно нести Благовестование всем оставшимся не благословленными народам – если только мы не пускаем эту энергию по ветру.

Таким образом, именно от нас зависит, чтобы четырехтысячелетнее Божье обещание смогло торжественно и окончательно исполниться.

Воплощая собой фактор Авраама, избегая какой бы то ни было общности с содомским фактором, и отличая фактор Мелхиседека уплатой десятины, которой он заслуживает –

МЫ МОЖЕМ ЭТО СДЕЛАТЬ!

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

К главе I

1. Кто такой был Эпименид? Какие три предпосылки были заключены в его необычном жертвоприношении?
2. Сравните «выкладывание стриженной шерсти» Гедеоном (Суд. 6:36–40) с тем, как Эпименид «выставил целую отару». Действителен ли этот общий принцип распознавания воли Божьей еще и сегодня? Совершали ли вы когда-либо похожие попытки? Каковы были результаты?
3. Как реагировал Павел на идолопоклонству в Афинах? В связи с чем он иначе отнесся к одному определенному жертвеннику в этом городе? В каком смысле идолопоклонство содержит в самом себе «фактор инфляции»?
4. Что такое Септуагинта? Какова была основная трудность, с которой столкнулись работавшие над ней переводчики? Как они с ней справились? Согласились ли апостолы с тем, как переводчики разрешили эту задачу?
5. Каковы свидетельства того, что Павел был знаком с историей Эпименида и относился к нему с уважением?
6. Какое еще известное греческое понятие, кроме Теоса, стало приемлемым для обозначения Бога и на каком основании? Который из апостолов сделал употребление этого термина распространенным среди христиан?
7. Кто такой был Инти и кто такой Пачакути? На каком основании последний усомнился в достоинствах первого?
8. Что за серьезная политическая проблема воспрепятствовала религиозной реформе Пачакути? Не могли бы мы отыскать лучшее решение этой проблемы?
9. Почему можно сказать, что европейские христиане предали ацтеков, майя и инков даже страшнее, чем Кортес, Писарро и другие конкистадоры?
10. Сравните духовную интуицию фараона Эхнатона и инки Пачакути. Как вы думаете, почему светские ученые по существу игнорировали проницательность одного и превозносили – другого?
11. Найдите параллели между Ветхим Заветом и версией происхождения человека в преданиях санталов.
12. Какое упомянутое ранее библейское событие подтверждает право Скрефсруда признать имя Такур Джиу в качестве полноценного имени Всемогущего для санталов?
13. Как в целом отнеслись теологи к известиям о широко распространенном в мире феномене «бога небесного»? В чем теологи непродуманно сыграли на руку эволюционистам?

14. Как местная религия племени гедео в Эфиопии приготовила путь Благовествованию?
15. Что заставило миссионера Юджина Розенау воскликнуть, что люди племени мбака ближе к истине, чем его собственные предки в северной Европе?
16. Что имеется в виду под искупительной чертой? Почему не следует называть ее искупающей?
17. В чем главное противоречие между великим поручением и человеческой гордыней?
18. Какова была основная ошибка в мышлении ранних китайских теологов, позволившая конфуцианству, таоизму и буддизму занять место изначального поклонения Шан Ти-Хананим?
19. Как христианство пыталось исправить эту древнюю ошибку?
20. Почему протестантские миссионеры быстрее добились существенного успеха в Корее, чем католики? И что, в результате, пытались предпринять последние, чтобы наверстать упущенное?

К главе II

1. Отыщите параллели между Библией и удивительными религиями каренов, качинов, лаху, ва, лису, нага и мизо. Какой главный акцент, существующий в Библии, отсутствовал в этих народных верованиях?
2. В какой форме видели эти народные верования будущее Божье откровение, предназначенное возместить то, что было утрачено?
3. Какими были основные препятствия, которые сумел с Божьей помощью преодолеть Ко Так Биу, и что, им совершенное, предоставило ему честь называться «каренским апостолом»? Какой вклад внесло племя каренов в целом в жизнь окружающих его народов?
4. В чем ошибся профессор Гуго Бернацик, оценивая ситуацию, связанную с качинами и лаху?
5. Какие основания дает нам Священное Писание, чтобы признавать существование необычайно просветленных язычников, таких, как Эпименид, Пачакути, Колеан, Пу Чан, Варасса и других, как доказательство некоего света, разлитого Богом по всему миру, в качестве свидетельства, приготовляющего пути для Благовествования?

К главе III

1. Какова была замечательная сторона языческих культур, которая привлекла внимание апостола Павла, и как он ее объяснял?
2. В чем наблюдения Павла помогают нам лучше понимать культуру племени даяков на Борнео, асмагов и яли в Новой Гвинее и древнюю культуру Гавайских островов?

3. В чем асматы – людоеды и охотники за головами из Новой Гвинеи – превосходят еврея Никодима?
4. Приведите два примера библейских понятий, закодированных в китайских иероглифах.
5. Объясните концепцию священной четверки. Какая символика заложена в священной четверке для индейцев Северной Америки?
6. Каким образом почитается в Библии число четыре? Какие богословские параллели помогают Благовествованию легче проникать в сознание индейцев?

К главе IV

1. Как Эдвард Тайлор использовал теорию Дарвина, чтобы объяснить развитие религии? Каковы были те свидетельства, прибывающие со всех концов мира, которые опровергали теорию Тайлора? Как отнеслись к этим свидетельствам представители раннего эволюционизма? Назовите двух ученых-этнологов начала XX века, которые стремились опубликовать факты, противоречившие теории Тайлора.
2. Назовите два главных пути развития теории Тайлора и покажите, как каждый путь, доведенный определенными людьми до своего логического конца, кончался катастрофой.
3. Какое предостережение следовало бы усвоить идеологическим реформаторам после изучения вышеописанного случая?
4. Какие недавние события в истории помогают исправлять катастрофический эффект теории Тайлора?

К главе V

1. Объясните, как взаимно дополняют друг друга исходный и конечный ряды Авраамова Завета.
2. Кому «адресовал» Бог благословение, содержащееся в «конечном ряде»? Перечислите некоторые повествования Ветхого Завета, в которых говорится о сыновьях и дочерях Авраама, исполняющих волю, заключенную в конечном ряде Завета.
3. Какие места в Библии подтверждают, что апостолы Петр и Павел, а также автор Послания к Евреям, рассматривали Завет Авраама (включая его конечный ряд), как основание эры Нового Завета?

К главе VI

1. Перечислите несколько случаев, когда Иисус обнаруживал полную преданность конечному ряду Авраамова Завета – по мере Своего служения, а не только в последнюю минуту перед вознесением.
2. На основании Благовествования от Матфея (10:5–6 и 15–24) некоторые считают, что Иисус явился, чтобы предложить евреям реальное и

буквальное царство, дающее им исключительную власть над язычниками – и близкими, и далекими, и что Он прибег к великому поручению только как к своего рода «запасному варианту» после того, как евреи отвергли план, который Он сам предпочитал. Попробуйте рассмотреть эту теорию, основываясь на том же Благовествовании от Матфея (10:18) и других похожих местах Писания.

3. Опишите случаи, когда Иисус использовал встречи с неевреями, чтобы учить идее всемирной перспективы.

К главе VII

1. В каком отношении решающим было служение диакона Филиппа?
2. Прочитайте места из «Деяний апостолов», которые демонстрируют, как двенадцать апостолов, если не явно, то подсознательно, медлили исполнять конечный ряд великого поручения.
3. Что могло быть весьма вероятным и едва прикрытым мотивом Луки для написания «Деяний апостолов»?
4. Каковы были две новые идеи Павла? Чем церковь отличается от синагоги? Чем отличается от церкви отряд миссионеров?
5. Что было ошеломляюще несправедливым в договоре, описанном в Послании к Галатам (2:9)?
6. Какой последний «аргумент» использовал Бог, чтобы убедить апостолов покинуть их гнездо в Иерусалиме?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bavink, J.H. An Introduction to the Science of Missions. Translated by David H. Freeman. Nutley, NJ: Presbyterian and Reformed Publishing Co., 1977. Направление, которое представляет Бэвинк, склонный ставить под сомнение важность библейских параллелей в языческих культурах, можно назвать «школой старого подхода» к миссионерской деятельности.
- Bennett, Wendall, and Bird, Junius. Andean Culture History. Lancaster, PA: Lancaster Press, Inc., 1949 and 1960.
- Bruce, F.F. The Spreading Flame: The Rise and Progress of Christianity. Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1958.
- Cottrell, Leonard. The Horizon Book of Lost Worlds. New York: American Heritage Publishing Co., 1962.
- Frazer, Gordon. Symposium on Creation. Edited by Donald W. Patten. Grand Rapids: Baker Book House, 1975.
- Fuller, Harold W. Run While the Sun Is Hot. Cedar Grove: Sudan Interior Mission, 1967.
- Howard, Randolph L. Baptists in Burma. Philadelphia: The Judson Press, 1931.
- >->- It Began in Burma. Philadelphia: The Judson Press, 1942.
- Jacobson, Daniel. Great Indian Tribes. Maplewood, NJ: Hammond Inc., 1970
- Kang, C.H., and Nelson, Ethyl R. The discovery of Genesis. St. Louis: Concordia Publishing House, 1979.
- Latourette, Kenneth Scott. A History of Christianity, Beginnings to 1500, Volume 1. New York: Harper and Row Publishers, 1953.
- >->- A History of Christianity, Reformation to the present. Volume 2. New York: Harper and Row Publishers, 1953.
- Lutz, Larry. The Mizos – God’s Hidden People. San Jose, CA: Christian Nationals Evangelism Commission, Inc., 1980.
- McBurnie, William Stuart. The Search for the twelve Apostles. Weaton, IL: Tyndale House Publishers, Inc., 1973.
- Mayers, Marvin K. Christianity Confronts Culture. Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 1974.
- Murphree, Marshall W. Christianity and the Shona. London: The Athlone Press, University of London, 1969.
- Olson, Bruce E. Bruchko. Carol Stream, IL: Creation House, 1973.
- Palmer, Spencer J. Korea and Christianity. Korea: Hollym Corporation, 1967.
- Purser, William Charles Bertrand. Christian Missions in Burma. Westminster, England: Society of Propagation of the Gospel in Foreign Parts, 1913.

- Ray, Verne F. Primitive Pragmatists: The Modoc Indians of Northern California. Seattle and London: University of Washington Press, 1963.
- Richardson, Don. Lords of the Earth. Ventura, CA: Regal Books, 1977.
- >- Peace Child. Ventura, CA: Regal Books, 1974.
- Schmidt, Wilhelm. Primitive Revelation. Translated by Josef Abierl. St Louis: R. Herder. 1939.
- Stickley, Caroline. Broken Snare. London: Overseas Missionary Fellowship, 1975.
- Tyior, Edward Burnett. Researches into the Early History of Mankind and the Development of Civilization. 1865.
- Smith, Alex G. Strategy to Multiply Rural Churches – A Central Thailand Case Study. Dang-kok: O.M.F. Publishers. 1977.
- Von Hagen, Victor W. The Ancient Sun Kingdoms of the Americas. Cleveland and New York: World Publishing Co., 1957.
- Weiss, G. Christian. The Heart of Missionary Theology. Chicago: Moody Press, 1976,1977.

СПИСОК КНИГ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

1. Милослав Стингл, «Государство инков. Слава и смерть «сыновей солнца», изд. «Прогресс», Москва, 1986.
2. Я.В.Чеснов, «Историческая этнография стран Индокитая», изд. «Наука», Москва, 1976.
3. Диоген Лаэртский, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», Б-ка «Философское наследие», том 99. изд. «Мысль», Москва, 1986.
4. Флавий Филострат, «Жизнь Аполлония Тианского», серия «Литературные памятники Академии наук СССР», изд. «Наука», Москва, 1985.
5. Инка Гарсиласо де ла Вега, «История государства инков», серия «Литературные памятники Академии наук СССР», изд. «Наука», Ленинград, 1974.
6. Библейский словарь, сост. Эрик Нюстрем, изд. «Мировая христианская миссия», Торонто, 1985.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая.

- Мир, приготовленный для Благовествования** 5
- Глава 1. Народы неявного Бога 6
 - Глава 2. Народы потерянной книги 64
 - Глава 3. Народы со странными обычаями 95
 - Глава 4. Ученые со странными теориями 115

Часть вторая.

- Благовествование, приготовленное для мира** 131
- Глава 5. Четырехтысячелетняя связь 132
- Глава 6. Мессия для всех народов 144
- Глава 7. Скрытый смысл «Деяний апостолов» 170
- Вопросы для самостоятельного изучения 185
- Библиография 188
- Список книг, использованных при переводе 189

Духовно-просветительное издание

Вечность в их сердцах

Дан Ричардсон

Перевод с английского: *Алексей Ковалев*

Дизайн обложки: *Андрей Горяинов*

Компьютерная верстка: *Вадим Кокос*

Корректор: *Людмила Якубсон*

Подписано в печать 04.09.2007. Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 10,1. Тираж 2000 экз. Заказ 7100710.
Издательство «ДиАйПи» (свидетельство ДК №1744 от 8.04.2004 г.)
г. Симферополь, пр. Кирова, 17
тел./факс (0652) 248-178, 711-687. e-mail: dip@utel.net.ua

Отпечатано с готовых фотоформ, предоставленных ООО «ДиАйПи»,
в ГП «Издательство и типография «Гаврида».
95040, г. Симферополь, ул. Ген. Васильева, 44